

История вспоминаний

Воспоминания
участников
Великой
Отечественной войны
и ветеранов труда
Уралгидромета

45-ЛЕТНЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО
НАРОДА НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ И
150-ЛЕТНЮ ПИЛКМЕТСЛУЖЕБЫ УРАЛА
П О С В Я Щ А Е Т С Я

Застеракы вбуча
Г. Заручыцкай Е.А.

УВАЖАЕМЫЙ(АИ)

Елена Александровна!

ВАМ, КАК ЧЕЛОВЕКУ, ИМЕЮЩЕМУ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К
ПРЕДСТОЯЩЕМУ КВАРТЕЮ, НАПРАВЛЯЕМ КИВУ «ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ВЕТЕРАНОВ ТРУДА УРАЛПИДКМСТА .

ЖЕЛАЕМ ВАМ В НОВОМ 1980 ГОДУ СОХРАНИТЬ НЕУВЯДАЮЩЮЮ ЭНЕРГИЮ,
ЖИВЕНРАДОСТНОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ, МНОГО ХОРОШИХ ДЕЛ ПО СЛАВЕ НАШЕЙ
ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ И ТРУДА

П.Е. Морозов
П.Е. МОРОЗОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МУЗЕЙ
УРАЛПИДКМСТА

П.К. Караженин
П.К. КАРАЖЕНИН

25.12.80 г.
г СПЕРДЬЮЖСК

ИСТОРИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ

**Воспоминания участников Великой Отечественной войны
и ветеранов труда Уралгидромета**

**Издано по заказу Уральского территориального
управления по гидрометеорологии**

**Свердловск
Редакционно-издательский отдел Упрполиграфкадата
1989**

Предисловие

Неувядаема слава тех, кто в суровые годы Великой Отечественной войны на фронтах или в тылу делал все возможное для приближения нашей Победы. Незабываемы подвиги наших людей и в послевоенный период, когда в небывало короткие сроки было восстановлено народное хозяйство страны.

Внесли свой вклад в эти великие дела и гидрометеорологи Урала.

В настоящую брошюру вошли воспоминания участников Великой Отечественной войны, ветеранов труда, которые трудились в Уральском территориальном управлении по гидрометеорологии до конца 80-х годов.

Подготовка материалов воспоминаний осуществлена по решению совета ветеранов Уралгидромета. Призыв к созданию воспоминаний был направлен во все подразделения оперативной, наблюдательной сети и непосредственно ветеранам в более чем 500 адресов. Воспоминания всех любезно откликнувшихся ветеранов помещены в настоящем сборнике.

Выражаем сердечную признательность кто принял участие в его издании.

Совет ветеранов войны и труда.

Совет Гидрометеорологического музея Урала.

РАЗДЕЛ I

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ Великой Отечественной войны

**Васильева Варвара Владимировна —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда**

Родилась я 15 декабря 1922 г. в городе Канске Красноярского края, в семье рабочего (кузнеца).

В 1940 г. окончила 7 классов в Канске и в этом же году пошла учиться в Канское педагогическое училище. Окончила один курс. Началась Великая Отечественная война, и я пошла работать в кондитерский цех Канского горпищекомбината.

В августе 1942 г. по комсомольской путевке меня призвали в Советскую Армию. Направили на учебу в школу младших авиаспециалистов ВВС Тихоокеанского флота. Проучилась я курсантом шесть месяцев. По окончании школы в феврале 1943 г. в звании старшего матроса по курсу метеорадистов, меня направили для прохождения дальнейшей военной службы на метеостанцию 10-й авиационной дивизии ВВС ТОФ. Здесь и началась моя работа в метеослужбе.

В 1945 г., после окончания войны, я осталась служить в рядах Советской Армии сверхсрочно (тогда не хватало специалистов в метеослужбе ВВС ТОФ), по рекомендации командования части. В мае 1947 г. демобилизовалась. Должна сказать, что во время войны, в октябре 1943 г., умерла моя мать, а отец умер в июне 1939 г. Так что в юношеские годы у меня было немало горя.

Когда кончилась война, передо мной встал вопрос — как жить. И на мое счастье повстречала я человека, с которым связала свою жизнь. Этим человеком оказался авиамеханик Сергей Петрович Васильев. 5 ноября 1945 г. мы стали мужем и женой. И вот с тех пор живем с ним душа в душу уже 41 год. Мы с ним воспитали троих детей: дочь Галину, 1947 г. р. (окончила Уральский политехнический институт им. Кирова); сына Анатолия, 1949 г. р. (окончил Верхнесалдинский металлургический техникум и УПИ им. Кирова); дочь Нишу, 1954 г. р. (окончила 10 классов, город-

ское профтехучилище № 27, годовичные курсы химлаборантов). Все мои дети имеют свои семьи. У нас с мужем четверо внуков — 2 внука и 2 внучки. Все дети работают и пользуются уважением в своих коллективах. За что мы им очень благодарны и гордимся ими.

С 1939 по ноябрь 1944 г. я была членом ВЛКСМ (до вступления кандидатом в члены КПСС). С октября 1945 г. состою в рядах КПСС. В 1949 и 1950 гг. я 9 месяцев работала воспитателем в детском саду. С сентября 1951 г. по сентябрь 1954 г. на АМСГ г. Верхней Салды в должности радиста, и. о. техника, техника и старшего техника. В сентябре 1954 г. уволилась в связи с рождением дочери Нины (детсадом тогда было очень мало, а дочь надо было воспитывать).

Вновь я пришла работать на АМСГ г. Верхней Салды 1 мая 1956 г. и работала непрерывно до 1 января 1978 г. до выхода на пенсию в качестве радиста, техника-синоптика, старшего техника-синоптика. Непрерывно я проработала в метеослужбе Урала 21 год и 8 месяцев.

Находясь на пенсии, я вновь работала в системе метеослужбы, по возможности помогая в трудное время метеостанции г. Верхней Салды.

Всего, по моим подсчетам, я работала в системе метеослужбы Урала 28 лет 3 месяца и 29 дней, да плюс служба в Советской Армии, тоже в системе метеослужбы, — 4 года 10 месяцев. Общий трудовой стаж составляет 34 года 6 месяцев и 24 дня.

На метеостанции г. Верхней Салды я работала с тов. Мелехиным В. А. (был начальником), Кульковым В. Ф. (был начальником), Красниковой В. С. (была техником, синоптиком и начальником), Змеевой В. П. (техник, ныне пенсионерка), Фадеевой В. В. (работает нач. радиоаппаратной), Изергиной Л. А. (синоптик), Буравцовой Н. П. (синоптик), Арефьевой С. А. (нач. АМСГ г. В. Салды), Ермолаевой Д. И. (Зиминной — она сейчас вновь работает радистом на АМСГ). Больше всего я проработала с Пыриной А. В. (Мамонтовой), которая была добрым и отзывчивым человеком. С ней мы выучили немало молодых работников по своей профессии.

Добрая память у меня сохранилась о радисте Фадеевой В. В., Буравцовой Н. П. (синоптике), Бердниковой Т. В., работавшей техником, Змеевой В. П., Долбиловой Д. В., Изергиной Л. А., Пыриной А. В., Арефьевой С. А., Агафонове И. В., да еще у нас был, хоть недолго, начальником Хухарев, очень хороший человек. Хорошие воспоминания остались (это было в начале моей работы на метеостанции) о синоптике Кузьминой Т. Д. Коллектив, в котором я работала, очень мне нравился, помогали друг другу не только в работе, но и в домашних делах. Очень тяжело переносила

первое время уход на пенсию. И вот сейчас, когда опять окончила работу по состоянию здоровья, тоскую по ней: я свою работу любила, очень интересно все для меня было.

Во время службы в Советской Армии пришлось участвовать в войне с империалистической Японией в составе 10-й авиадивизии ВВС ТОФ.

Работать приходилось в сложных условиях. Жили в землянках. Во время войны с Японией данные о погоде давали командованию согласно боевым расчетам. Делали все, что приказывало командование. Никогда не возражали своим начальникам. Дисциплина была строгая, и, должна сказать, это я сохранила на всю свою жизнь.

За успехи в выполнении приказов командования в дни Великой Отечественной войны награждена: орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией»; награждена медалью «Ветеран труда» и юбилейными медалями: «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В настоящее время нахожусь на пенсии, на заслуженном отдыхе. Помогаю по возможности детям и внукам, вместе с мужем летом трудимся на садовом участке.

**Долганов Григорий Леонтьевич —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда**

Родился 19 января 1920 года в деревне Чернокоровской Богдановичского района Свердловской области в семье крестьянина. После окончания семилетней школы, в 1937 году, поступил на работу в Свердловскую геофизическую обсерваторию (ГФО) наблюдателем-метеорологом.

В 1938 году на базе метеостанции ГФО организовалась аэрологическая группа, в штат которой был зачислен и я, в этом же году вступил в Ленинский комсомол. В дальнейшем эта группа была реорганизована в отдел аэрологии, организаторами которого были Ипполитов А. Н., Морозов В. Ф. и Алтай Н. Н.

Основная наша работа заключалась в проведении базисных шаропилотных наблюдений, их обработке и передаче информации в бюро погоды управления. В этом же году были организованы радиозондовые наблюдения. Объем работ расширился, и нам, мо-

лодым ребятам, с каждым днем становилось все интереснее проводить эти наблюдения.

Старшие товарищи привили нам преданную любовь к избранной профессии, а мы старались как можно больше получить необходимых навыков и теоретических знаний.

Коллектив обсерватории был очень дружным, все без исключения принимали активное участие в общественных мероприятиях. Хорошо были организованы художественная самодеятельность и спортивные мероприятия.

Осенью 1940 года Арамильским райвоенкоматом я был призван в Красную Армию. Одновременно со мной были призваны мои товарищи — Черепанов И. С. и Киселев А. И. Немногом ранее был призван в армию Рожков Н. Н. Из Арамии нас отправили в Свердловск, в областной военкомат, а затем на железнодорожный вокзал. К перрону был подан товарный состав, и мы разместились по 25—30 человек в каждом вагоне, где были оборудованы двухъярусные нары. Поздно вечером сформированный эшелон тронулся и пошел на запад. Куда едем, мы, конечно, не знали, и сопровождающие нас уклонялись от ответа на этот вопрос.

Когда Казань и Москва остались позади, а затем начались белорусские названия станций, мы сами убедились, что едем к западной границе нашей Родины. 6 ноября 1940 года прибыли в г. Скидель Гродненской области (ранее Белостокская область). До 1939 года эта территория принадлежала Польше.

На окраине города Скиделя было имение князя Четвертинского, после установления новой границы Четвертинский сбегал в Польшу; все постройки остались на нашей территории. И вот в этом имении расположился наш гарнизон.

7 ноября всех новобранцев вывезли за 30—40 км, в деревню Каменку, для прохождения карантина и курса молодого солдата. Сформировали отделение, роты и приступили к ежедневным занятиям по изучению устава, строевой подготовке и т. д.

Через полтора месяца прибыла комиссия из офицерского состава, и нас расформировали по разным подразделениям. Черепанов и Киселев были зачислены в батальон аэродромного обслуживания, а меня зачислили в эскадрилью 127-го истребительного авиаполка.

Так вся наша, арамильская, группа попала в разные ряды войск. Карантин закончился, и мы снова прибыли в гарнизон г. Скиделя. Жилые здания поместья были заняты под штаб, столовые и жилье для офицеров. Кирпичные надворные постройки были переоборудованы в солдатскую казарму с нарами в два яруса. Получилось вполне пригодное для жилья помещение.

На одном из общих построений эскадрильи командир — ст

лейтенант Коротков дал команду: «Кто из солдат знаком или может выполнять чертежные работы — два шага вперед!» Я подумал... и вышел из строя. После построения мне было приказано явиться в штаб эскадрильи. Там узнал, что срочно нужны плакаты с разрезами мотора и самолета для учебных целей личного состава эскадрильи. Каждый день мои товарищи по службе уходили на аэродром, а я занимался чертежными делами. Работал с подъемом — целыми днями — до отбоя.

Бывали такие случаи, когда не было времени сходить в столовую, и командир организовывал доставку обеда прямо в штаб. Первому плакату разреза мотора командование дало высокую оценку. Вскоре мне разрешили днем делать перерыв 1,5—2 часа; это время я использовал непосредственно на самолетах. Посмотришь и потрогаешь своими руками всю начинку такой техники, как самолет, — не надо сто раз слышать из уст другого. Вот так прошла зима 1940/41-го. Задание было выполнено, все изготовленные плакаты очень помогли в теоретической подготовке летного и технического составов.

Весной 1941 года выехали в полевые условия, оборудовали летный лагерь, стоянку самолетов, т. е. все, что необходимо для нормального функционирования воинской части. Летом регулярно проводились полеты, совершенствовалось летное мастерство командиров, а технический состав занимался обслуживанием самолетов.

В мае стало известно, что на нашем полевом аэродроме будут проведены физкультурные соревнования 282-й авиадивизии, в которую входил и наш истребительный полк. Мы, как хозяева, занялись подготовкой футбольного поля, волейбольной площадки, гимнастического городка. Подготовили все, что требуется, и приступили к тренировкам, разумеется, делалось это в свободное от полетов и обслуживания материальной части время.

В июне, примерно за неделю до соревнований, поступил приказ: «Слить из баков горючее, снять боеприпасы и машины законсервировать». Для нас это было непонятно, но приказ не обсуждается, его нужно выполнять, что и было сделано. Соревнования были назначены на воскресенье, 22 июня 1941 года.

В ночь с 21 на 22 июня с группой из 5 человек я был направлен в патрульную службу деревни Каменки, она находилась от нас в 5 километрах (это та самая деревня, где мы проходили карантин).

Патрулирование закончили, в деревне полный порядок; во втором часу ночи мы прибыли в распоряжение своего лагеря. Надеюсь на то, что с общим подъемом нам можно не подниматься, мы улеглись спать в своих палатках. В 3 часа 15 минут по сигналу «тревога» весь состав был на ногах и сосредоточился около са-

молетов Поступил приказ консервацию снять, заправить горючим и боеприпасами полностью. Машинны привести в готовность номер 1. Все приказы были выполнены четко.

Мы и не думали, что вот так скоро разразится гроза.

Около 4 часов дежурное звено из трех самолетов было поднято в воздух, а через 30 минут они по одному совершили посадку. Летчики сообщили, что западная граница вся в огне, а белорусские города подвергнуты бомбежке. Фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину.

Началась Великая Отечественная война¹. Около 6 часов утра часто поступали приказы о вылетах на боевые задания. Так, группами, одна за другой, все самолеты были подняты в воздух и ушли накрытие важных объектов, а также штурмовать наземные войска фашистской Германии.

Почти каждая группа встречалась с самолетами противника, завязывался воздушный бой, потери с той и другой стороны были ощутимы. Часть наших самолетов возвращалась на свой аэродром, а некоторые уходили на запасные и больше не возвращались. И так, полеты, воздушные бои, снова полеты и снова бои очень было жарко. Около восьми часов утра над нами прошел воздушный разведчик, а спустя примерно 30 минут появилась над аэродромом армада немецких самолетов, бомбардировщики «Юнкерс-88», а прикрывали их истребители «Мессершмитт-110».

В это время одна из наших групп возвращалась с задания и с ходу вступила в воздушный бой. В воздухе творилось невероятное: идет бомбежка, а выше—воздушный бой истребителей. Противник превосходил по количеству в несколько раз, но бой продолжался, пока были патроны. У наших самолетов кончился запас боеприпасов, и тогда летчики пошли на крайнюю меру — таран.

В газете «Известия» за 21 декабря 1984 года в статье «Первые герои Великой Отечественной» сообщалось: «С девятью самолетами врага вел в небе бой под Гродно старший политрук Андрей Данилов. С трудом удерживая свою израненную машину в горизонтальном полете, комиссар догнал фашистский «Me-110» и ударил его винтом по крылу. Данилова посмертно наградили орденом Ленина. Но оказалось, летчик остался жив. Его, тяжело раненого, вытащили из-под обломков самолета и отправили в госпиталь. Выздоровев, комиссар вернулся на фронт. Ему посчастливилось штурмовать Берлин. Он жив — гвардии подполковник в отставке, почетный гражданин Гродно.

За первый день войны это был тринадцатый таран на всем

¹ Здесь и далее. За достоверность изложения военных событий ответственность несет совет ветеранов войны и труда Уралгидромета. — Ред.

фронте от севера до юга. И вот удалось установить подробности четырнадцатого тарана...

Группа наших истребителей шестой раз поднималась в воздух, сдерживая превосходящего противника. Заместитель командира эскадрильи Петр Кузьмин на горящей машине уничтожил таранным ударом фашистский самолет. Подробности этого боя удалось установить через следопытов Каменской средней школы (о деревне Каменке я упоминал ранее).

Один из очевидцев сообщил так: «Услышал я нарастающий гул самолетов. Выскочил на поле. Чуть ли не над головой — две с крестами и одна со звездой машины. Уже завязался бой. Два против одного. Перекрещивались огненные трассы пулеметных очередей... наш русский набрал высоту и сверху поливал свинцом фашистов.

Но тут еще выше вывернул из облаков третий немец. Он-то и поджег наш «ястребок»... И тогда объятая пламенем машина пошла в последний бой на таран. После тарана самолет упал. Потом среди обломков нашли планшет. В документах значилось: «П. Кузьмин». Летчика похоронили рядом с самолетом.

Так были раскрыты подробности еще одного героического боя.

Из исторического журнала части известно, что 22 июня 1941 года полк прикрывал от авиации противника города: Гродно и Лида. За этот день нашим полком было произведено 180 боевых вылетов, сбито 8 и подбито 3 самолета противника. По всему же фронту было сбито 76 самолетов противника».

После налета фашистских самолетов наш аэродром был полностью выведен из строя, так что наши самолеты разлетелись по запасным, а некоторые на вынужденные посадки. Основной состав в первой половине дня был эвакуирован в г. Лида: там находился штаб 282-й авиадивизии, в состав которой входили мы. Группа авиамехаников, в которую входил и я, покинула полевой аэродром последней, т. е. после выполнения приказа по уничтожению неисправных самолетов и военного имущества. В ночь на 23 июня мы отправились в г. Лида. Когда мы вышли на шоссе, то увидели колонны автомашин с ранеными бойцами и окончательно убедились о внезапном нападении фашистской армии на нашу Родину.

С рассветом 23 числа над шоссе появились самолеты с крестами на плоскостях. Начались обстрелы, и мы удалились от шоссе в лес и кустарники. Около 7 часов утра прибыли к своим, измученные и голодные — больше суток ничего не ели.

Покормили нас сухим пайком, и мы уснули в подвале. Разбудили нас грохот взрывов и стрельба — это был второй налет авиации противника. Дивизионный аэродром был разбит еще накануне, два самолета остались невредимы. Осмотрев эти самолеты, за-

правили горючим, и летчики перелетели на другой аэродром. Вскоре были поданы «полуторки» и нас — техсостав — повели к назначенному месту сбора. Так продолжалось почти до июля. Основная группа собралась только на подступах Минска.

Горечь отступления тяжелым камнем висела на наших душах. Больно было смотреть, как наш народ бросал обжитые места и уходил в тыл страны, оставляя все нажитое годами. От Минска переехали в район Могилева и там получили новые самолеты. Если в начале войны на вооружении были истребители, в основном «Чайки» — И-153 и «Ишаки» — И-16, то теперь преобладали «Ишаки». По маневренности они превосходили самолеты противника, а по скорости значительно уступали.

Далее перебросили нас под Сталинград — станции Тацинская, Морозовская, Клеская и Миллерово. Места базирования менялись очень часто, таким образом мы уходили от ударов противника с воздуха. Погодные условия (туман) сковывали нашу авиацию.

Однажды на одном из полевых аэродромов произошел такой случай.

Дежурное звено было в боевой готовности и по приказу штаба полка было поднято в воздух. Через несколько минут мы услышали звук моторов четырех самолетов. Хотя вылетело всего три. Первым произведшим посадку оказался немецкий истребитель «Мессершмитт-109», а за ним и наши истребители. Летчика обезоружили и взяли в плен. Впоследствии оказалось, что он по решению Гитлера летел за высокой наградой в ставку, но из-за тумана сбился с курса и попал в клещи наших истребителей. Летчика отправили в штаб дивизии, а самолет использовали для воздушной разведки тыла противника. Летал на нем лично командир полка, подполковник Пузейкин Владимир Васильевич.

После ликвидации окруженной армии Паулюса под Сталинградом наш полк был переброшен на Ленинградский фронт. Местом дислокации был район г. Тихвина. Действовали в боях пунктах Любань, Тосно, Мга, Волхов.

При одном из полетов фашисты разбомбили наш аэродром; много погибло ребят разных национальностей из состава аэродромного обслуживания, в том числе и из нашего полка. К счастью, ни один из самолетов не был поврежден. Спаса искусно и тщательно замаскированная стоянка. Горько было переживать потерю командира эскадрильи капитана Зоца Филиппа Григорьевича. Погиб он под Ленинградом от прямого попадания зенитного снаряда в кабину пикирующего истребителя, которым управлял наш дорогой товарищ. Все его документы, награды были отправлены его семье.

Затем наш полк и в целом дивизия были включены в состав

16-й воздушной армии, командовал которой маршал авиации Ру-ленко Сергей Игнатьевич.

Перед наступлением Красной Армии под Москвой нашу часть оснастили новыми самолетами МиГ-3 и немногим позднее истребителями Як-3. Преимущество в воздухе стало нашим. Позднее получили еще пополнение — более совершенные самолеты Як-7 и Ла-5.

Технический состав в минимальные сроки осваивал новую технику и готовил к боевой работе днем и ночью. Летчики в боевых вылетах и воздушных боях проверяли ее на прочность. Преимущество над авиацией фашистской Германии стало бесспорным. Мы не знали, отдыха, отдавая себя одной цели — чтобы самолет летал и побеждал, и так все дни военных лет.

В составе 1-го Белорусского фронта, освобождая наши города и села, продвигалась на запад и наша воздушная армия. В марте 1945 года мне вручили билет члена КПСС. Кроме Сталинградского и Ленинградского фронтов участвовал в освобождении городов: Орел, Конотоп, Бахмач, Чернигов, Гомель, Калинковичи, Мозырь, Бобруйск и Ковель.

На территории Польши: Хелм, Люблин, Варшава. За освобождение польской территории нашему полку было присвоено наименование Варшавский, и его наградили орденом Красного Знамени. После этого наша часть стала называться 127-й истребительный авиационный Варшавский Краснознаменный полк.

В Германии участвовали при взятии городов: Лодзь, Кюстрин, Франкфурт и Берлин. За активное участие в освобождении взятии городов Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин объявил нам благодарность.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Родина наградила меня медалями: «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». С учетом юбилейных я награжден 16 медалями, а в честь 40-летия Победы — орденом Отечественной войны II степени.

Войну закончил 8 мая 1945 года, находясь на полевом аэродроме в Германии — в местечке Дюссельдорф. Затем мы перебазировались на стационарный аэродром, где я продолжал службу в составе оккупационных войск. В январе 1946 года перебазировались на нашу территорию.

Аэрологи Свердловской ТФО домой вернулись не все. Защищая Брест, в первый день войны погиб Рожков Н. Н. — артиллерист. Под Ленинградом погиб Киселев А. И. — санинструктор. После тяжелого ранения получил инвалидность Черепанов И. С. — вернулся к мирной профессии аэролога.

Победа над фашизмом обошлась нам очень и очень дорого.

Благодаря огромной работе тыла и беспримерному героизму всего советского народа удалось одержать эту Великую Победу.

После демобилизации в 1946 году я снова вернулся к своей профессии аэролога. Осенью 1946 года организовалась аэрологическая станция. Нам стало известно, что Госкомгидромет планирует установить в Верхней Дубраве радиолокационную станцию «СОН-2» (во времена Отечественной войны такой комплекс был на вооружении Красной Армии). Штат был подобран, и мы приступили к подготовке площадки. Необходимо было перенести несколько сот кубических метров земли для выравнивания площадки площадью примерно 1/4 гектара. Основными инструментами были лом, кирка, лопата, а для переноски — носилки. Эта работа продолжалась до поздней осени, т. е. до того момента, когда земля промерзла более чем на 25 сантиметров. На зиму 1946/47-го такой изнурительный труд был приостановлен, и мы приступили к изучению основных вопросов радиотехники.

В 1947 году площадка была подготовлена, и началась установка поступающей техники. Комплекс станции представлял собой две кабины на колесах, одна из них — передающая, а другая — приемная. Работать было интересно, все стремились как можно быстрее освоить приемы ее эксплуатации. В последующие годы получили радиотеодолит «Малахит».

Станции «СОН-2» и «Малахит» позволяли определять координаты радиозонда, а также его радиосигналы. После соответствующей обработки полученной информации мы знали распределение температуры, влажности, давления, направления и скорости ветра на разных высотах. В 1948 году без отрыва от производства я поступил учиться в вечернюю школу, в 1951 году закончил ее — получил полное среднее образование.

Все это давалось нелегко, зачастую приходилось лишаться сна и отдыха. Материальное обеспечение было скудным, приходилось много работать дома по хозяйству — помогать семье. В январе 1955 года меня вызвали в управление. Начальник управления гидрометслужбы Бабченко В. Н. пояснил — Госкомгидромет предложил подобрать кандидатуру аэролога для работы на дрейфующей станции. Думать долго не пришлось. Взвесив свою подготовленность, я согласился. Принять такое решение мне помогла работа по организации радиозондирования в г. Ивделе. Первый зонд был залущен лично мною; так был открыт пункт зондирования. Через некоторое время поступил вызов в Москву.

Там выяснилось, что предстоит пройти отборочную медицинскую комиссию. Она была организована в поликлинике Министерства морского флота. Медики тщательно проверяли каждого из нас, некоторых сразу же «отсевали». Меня допустили к даль-

нейшему обследованию. Примерно через неделю в направлении на обследование появилось одно слово — годеи.

Так первый барьер был преодолен. Далее началась профессиональная проверка — это уже в Центральной аэрологической обсерватории. Моим напарником был аэролог из Тамбова Дунаев Петр Алексеевич. В ЦАО нам были созданы экстремальные условия.

Буквально на голом месте предстояло установить палатку, подготовить зонд, оболочку заполнить водородом. Для добывания водорода надо было еще установить газогенератор. Короче говоря, выполнить всю программу, начиная с нуля. И вот зонд запущен, приняты сигналы, проведена соответствующая обработка и в виде кода представлена руководству ЦАО. Ежедневно полную неделю в назначенные часы мы, меняя обязанности, выполняли намеченную программу. Так проверка по профессии была закончена успешно.

Оставалось, я бы сказал, самое главное — получить окончательное решение специальной комиссии, созданной из представителей Госкомгидромета, Арктического института под руководством Академии наук СССР.

Комиссия заседала в кабинете министра морского флота. В этот кабинет вызывали по одному и беседовали по всем вопросам нашей предстоящей работы. Перед беседой некоторые из нас были вызваны в ЦК КПСС в строго назначенное время.

Впоследствии выяснилось, что с каждым из нас беседовал представитель органов госбезопасности. Комиссия утвердила состав экспедиции для станции СП-4 и СП-5.

Я и мой друг Дунаев П. А. направлялись на смену дрейфующей станции СП-4. Начальником аэрологического отряда был назначен кандидат географических наук Гайгеров С. С., а начальником новой смены — кандидат географических наук Гордиенко П. А. К этому времени мы хорошо познакомились друг с другом и приступили к получению необходимого снаряжения.

В Главном управлении Северного морского пути (ГУСМП) мне выдали доверенность на получение снаряжения для двух экспедиций — СП-4 и СП-5. Почти десять дней подбирали одежду по росту и размеру участников, затем с базы вывозили их в отведенное место.

Все было подготовлено к назначенному сроку. Оборудование, снаряжение, продовольствие сосредоточено на подмосковном аэродроме. Состав экспедиции в назначенный день прибыл к месту отправки — это было 31 марта 1955 г. Провожających собралось очень много, в их числе представители Академии наук СССР, Госкомгидромета, ГУСМП и Арктического института.

Теплые слова напутствия, крепкие рукопожатия проводы

закончились. Оборудование и продовольствие погрузили в один самолет, а состав экспедиции разместился в другом. Самолеты Ил-14 взяли курс на Архангельск. Прилетели вечером и после ужина отправились на отдых в гостиницу «Полярное сияние». 1 апреля перелет по маршруту Архангельск — Каменный Мыс. После обеда взяли курс на Хатаугу, где после ужина был предоставлен отдых.

2 апреля из Хатауги перелетели на мыс Челюскин; погода стала ухудшаться, и нам пришлось перелететь в Тикси. В этом северном поселке, на берегу моря Лантевых, мы жили 5 дней. За это время прибыли остальные участники экспедиции. В ночь на 8 апреля снова перелет — из Тикси на остров Врангеля. Здесь, заправив самолет, взяли курс на дрейфующую станцию СП-4. После крепких рукопожатий прибывших с зимовщиками началась передача вахты. Смена вахты проходила очень быстро, на все это уходили считанные минуты. Мы знали, что нас ожидало, поэтому сразу приступили к исполнению своих прямых обязанностей.

Итак, новая смена начала продолжать работу в Центральной Арктике. Первое, что мы там увидели, это палатки, полностью занесенные снегом. А от домиков остались видны только крыши. Первое знакомство с пургой состоялось 10 апреля. Температура воздуха минус 35 при скорости ветра 20 м/с. Настоящая круговорот — нельзя открыть глаза, и очки тоже не помогают. Одно спасение — маска.

Радисты известили нас о том, что 12 апреля к нам на льдину придут артисты, которые гастроллировали за полярным кругом. Прямо на льду расстелили ковер — сцена готова. В первом отделении выступили артисты цирка: акробаты, гимнасты и жонглеры.

Второе отделение концерта проходило уже в кают-компании. Произведения советских композиторов исполнила на арфе В. Г. Дулова. Под аккордеон Л. Черного несколько песен исполнила заслуженная артистка РСФСР П. И. Чекина. Отрывок из поэмы Маяковского «Хорошо» исполнил Гончаров. Русские народные песни «Пряха», «Соловей», «Две ласточки» исполнила Н. Нэлина. Несколько песен исполнила Антонина Сметанкина. Рина Васильевна Зеленая прочитала письмо детей для зимовщиков СП. Руководил концертом конферансье Брунов.

Мы были очень рады и в знак благодарности артистам подарили маленького щенка (без имени), родившегося на станции СП. После обеда артистов проводили к самолету.

Вахта продолжается, работа каждого отряда идет по плану. Погода каждый день меняется: приятно светит солнце, и вдруг

неизвестно откуда набросится шквальный ветер. Наступает такая круговерть, что трудно понять, где небо, где земля.

В праздник 1 Мая, ровно в 9-00 по местному времени (в Москве было 30 апреля, 24 часа), на площади «Полярные зори» у нас состоялась праздничная демонстрация. Из карабинов и ракетниц был произведен салют. П. А. Гордиенко горячо поздравил всех зимовщиков и зачитал правительственные телеграммы, подписанные Л. М. Кагановичем и К. Е. Ворошиловым.

Телеграмм поступило очень много — чтобы прочесть их, потребовалась бы полная неделя. А они продолжали поступать, радисты работали круглые сутки, меняя друг друга. Сложилось такое впечатление, что за нашей нелегкой работой следят все организации, учреждения, промышленные предприятия, колхозы, совхозы, учебные заведения и стремятся делать все возможное для облегчения нашего труда. Штатные работы шли по программе, а сколько еще надо было делать для улучшения жилищных условий. Вскоре поступили к нам два подвижных разобранных домика, которые надо было собрать за счет времени на отдых. Поручили мне возглавить бригаду по монтажу, и работы начались. Многое пришлось делать самому, да и сделанное бригадой приходилось исправлять. Не было у людей навыка и спорности. Когда домики были собраны, в одном из них поселили нашего врача Л. Е. Пономарева. Во втором домике поселили нас — аэрологов. Условия быта значительно улучшились, теперь все зимовщики жили в домиках, а палатки использовались под склады оборудования.

Жизнь в полярный день оказалась малопривлекательной. Температура воздуха доходила до нуля, а в некоторые дни была даже положительной. За счет большого радиационного баланса началось сильное таяние снега, что привело к образованию озер пресной воды. В последующее время вся территория была затоплена водой, начались авралы. От избытка талой воды и нажатия основных полей на нашей льдине образовалось множество трещин, а в озерах образовались полыньи. На каждом шагу нас подстерегала опасность. Лагерь превратился в Венецию. Борьба с наводнением проводилась ежедневно.

В некоторых «озерах» глубина воды достигала 1,5 метра. Собщение между объектами осуществлялось на легких лодках, представляющих собой каркас, обтянутый шкурой морского льва. Там, где глубина была меньше, переходили в болотных сапогах. Самым эффективным способом борьбы с наводнением оказалось предложение аэролога П. А. Дунаева. Его суть заключалась в следующем: ледобуром бурили толщу льда, в отверстие вставляли трубу, затем мотопомпой перекачивали воду в океан. В лагере

было пробурено несколько скважин; таким образом угрожающее положение было ликвидировано.

Все имущество и снаряжение было поднято на возвышенные места. Дежурные по лагерю постоянно следили за состоянием льдины. Часто подходили к ее кромке и выясняли действительную обстановку.

Первыми помощниками дежурных были собаки. Собачки не только помогали дежурному по лагерю, но и охотно сопровождали выделенную группу по разведке состояния прилегающих к станции льдов.

Кругом были одни торосы. Переход через них очень труден, а порой практически невозможен. Для подъема на торос высотой около 10 метров нам пришлось потратить около часа. Много ушло времени на вырубку «заступов», и так, шаг за шагом, взбирались на макушку. С такой высоты, да еще через бинокль, открылась нам прекрасная картина — торосы разных форм, нагромождения льдов, и так без края.

На территории лагеря часто появлялись белые медведи. Это хитрый и коварный зверь. В торосах он искусно маскировался, и чтобы распознать его, требовалась от нас максимальная внимательность и осторожность.

Под яростным нажимом собак он был вынужден покинуть лагерь и скрыться в торосах, выжидая удобного момента. Через несколько часов он снова появился на «свалке» и, обнаружив пищу, приступил к трапезе. На окружение собак обращал мало внимания. Собаки яростно на него нападали, особенно отличался вожак по кличке Цыган. Медведю, видимо, надоела такая компания, и он обиженным ушел в торосы.

Несколько дней повторялась встреча с медведем, и наконец он стал проявлять агрессивные действия не только против собак, но и против зимовщиков.

Несмотря на строгие запреты (белый медведь занесен в Красную книгу), по распоряжению начальника станции медведь был убит. Такое решение было принято для обеспечения безопасной жизни и работы всех зимовщиков.

С большим удовольствием и радостью встречали мы белых и серых чаек. Вскоре появились пуночки — полярные воробьи и кулички. Недолго гостили у нас крылатые гости — через несколько дней покинули они наш лагерь.

В разводьях нередко появлялась нерпа — из семейства тюленевых. Это забавное животное близко подплывало к кромке льдины и внимательно нас рассматривало. Однажды мы принесли патефон и поставили пластинку. Примерно с середины разводья подплыла нерпа и приблизилась, прислушиваясь к звукам музыки, на расстояние около 5 метров. Долго любовались мы этим

животным. Послушав музыку, она осторожно погрузилась в воду и уплыла. Больше мы ее не видели...

Для ознакомления с жизнью зимовщиков прилетели к нам начальник Главного управления Северного морского пути В. Бурханов, писатель Т. З. Семушкин и художник Рубан. Каждый вечер в кают-компании проходили беседы на разные темы — мы были очень рады дорогим гостям. На прощание, в знак дружбы, мы писателю Т. З. Семушкину подарили шкуру белого медведя. Это был действительно прекрасный подарок.

Короткое полярное лето, быстро убывал день. Солнце становилось все ниже и ниже над горизонтом — скоро наступит полярная ночь... Все подготовлено к самому сложному периоду жизни и работы.

Все склады сосредоточены в определенных местах и обозначены вехами. В первых числах октября солнце скрылось за горизонтом. Началась полярная ночь. Постепенно привыкаем к новым условиям. Ночью работать значительно сложнее и труднее. Хорошо, если нет облаков и луна освещает лагерь. В большинстве же случаев все небо закрыто облаками. Тогда единственным помощником является карманный фонарик, он всегда при себе у каждого зимовщика.

Каждые сутки Арктика преподносит нам свои сюрпризы. Температура воздуха начала резко понижаться, скорость ветра усиливаться. Началась подвигка льдов, которая сопровождалась сильной пургой. Лагерь преобразился: палатки и домики занесло снегом почти наполовину. К 7 ноября самолетом доставили нам продовольствие, почту с посылками от родных и близких.

Из-за плохой проходимости радиоволн радисты с трудом приняли поздравительные телеграммы от Госкомгидромета, АНИИ, правительства, от организаций. Празднование 38-й годовщины Октября прошли при 30-градусном морозе и порывистом ветре до 20 м/сек. Послушать Москву о параде и демонстрации из-за плохой слышимости не удалось.

Самым трудным периодом нашей работы оказался декабрь 1955 года. Вот уже четвертые сутки бушует пурга, а температура воздуха понизилась до —40 градусов. Для выполнения основных обязанностей потребовались огромные физические усилия. Из-за большой влажности одежда превращалась в ледяной скафандр. Передвигаться и дышать было очень трудно. Только медленные движения давали возможность выполнять необходимую работу.

Пурга неожиданно прекратилась, наступил полный штиль. 5 декабря в одном из домиков возник пожар. Произошло это в то время, когда все зимующие, кроме дежурного и нас — аэрологов, спали. Сильные ожоги рук и лица получил Бутнев Валентин, а механика Кислицина, несмотря на все принятые меры, спасти не

удалось. Это тяжелой болью отозвалось в сердцах всех зимовщиков. 10 декабря у меня резко ухудшилось состояние здоровья. Была необходима срочная операция. Вечером 11 декабря прибыл самолет, который доставил нас на остров Диксон. От самолета нас с Бутневым перевезли на материк, в больницу. Тело нашего товарища спецрейсом отправили в Красноярск. Меня же — сразу на операционный стол. Острый приступ аппендицита.

Через 10 дней после операции рейсовым самолетом я прибыл на родную льдину. Одновременно были доставлены новогодняя елка, почта, продовольствие и часть необходимого оборудования. После возвращения наш доктор отстранил меня от физических нагрузок. Поручили мне ставить новогоднюю елку и — по возможности — помогать повару Цезарю Хоржановскому. Красивая елка была поставлена в одном из углов кают-компании. Для встречи Нового года было подготовлено все необходимое.

28 декабря слушали радиопередачу для СП-4 и СП-5. Получили множество телеграмм от организаций, учреждений, разных предприятий и от отдельных лиц. Теплые слова и добрые пожелания согревали нас и воодушевляли на борьбу со стихией Центральной Арктики.

Сюрпризы следовали один за другим. На 1 января погода снова разбушевалась. Начались подвижки льда, торошения, разломы. Наша льдина испытывала невероятные нагрузки. Все чаще и чаще она стала вздрагивать, все это сопровождалось грохотом, напоминающим артиллерийскую стрельбу из множества орудий.

К новогоднему вечеру неожиданно погода улучшилась, хотя осталась морозной. С огромным волнением прослушали по радио поздравительные речи К. Е. Ворошилова и Н. А. Булганина.

В начале января я уже приступил к исполнению прямых обязанностей. 25 января начались сильные боли у Ю. Репина. Вызвать самолет погода не позволяла. Наступили сильные морозы, термометр показывал минус 52° С, ветер усилился. Доктор Л. Е. Пономарев принял решение: сделать операцию на СП-4. Срочно кают-компанию превратили в хирургический кабинет. Учтены были все санитарно-гигиенические требования. При удалении аппендицита мне довелось быть ассистентом и старшей медицинской сестрой, помогал нам механик М. А. Катин. Это была первая операция за весь период освоения Арктики. Операция прошла успешно, больной поправился и приступил к своим обязанностям.

Во второй декаде февраля 1956 года была получена радиogramма от министра здравоохранения СССР т. Ковригиной, которая горячо поздравила нашего доктора Л. Е. Пономарева и сообщила, что за успешную операцию на СП-4 он награжден значком «Отличник здравоохранения СССР». Коллектив дрейфующей станции тепло поздравил его с заслуженной наградой.

В конце февраля — начале марта жить и работать на льдине стало значительно легче. Солнце находилось еще за горизонтом, но рассеянный свет уже освещал нашу льдину. С каждым днем становилось светлее, и отчетливо стал виден рельеф местности. И вот после пяти месяцев полярной ночи мы впервые увидели солнце, которое в считанные минуты снова скрылось за горизонтом. Через четыре дня наступил долгожданный полярный день. Все вокруг нашего лагеря изменилось. Льдина оказалась по площади почти в два раза меньше, чем год назад.

Лагерь находился под снегом, много требовалось труда, чтобы пойти, например, в палатку. По станции вышел приказ, в котором начальник СП-4 поздравил зимовщиков с окончанием полярной ночи и началом полярного дня. Была объявлена благодарность всем за самоотверженный труд, выносливость и стойкость.

Очень много труда ушло на поиски подходящей льдины для посадки самолетов. Многократные разведывательные походы ничего утешительного не дали. В радиусе 5—7 км от лагеря ничего подходящего не нашли. Искали льдину с помощью вертолета — и тут неудача. Остановились на таком варианте — отремонтировать старый ледовый аэродром, который разломало в полярную ночь. Образовавшиеся торосы разбивали кирками, ломали, пешней и этими глыбами забивали трещины. Перевозили этот строительный материал на маленьком тракторе «Беларусь». Когда площадку выравнивали, а трещины засыпали сколотым льдом и залили водой, то после смерзания получилось подходящее поле для посадки самолета.

Прошел ровно год с тех пор, как мы находились в экстремальных условиях Центральной Арктики. Каждый из нас чувствовал усталость, это было заметно в движении, в разговоре и поведении. 15 апреля 1956 г. прибыл первый самолет с новой сменой зимовщиков. Встреча была исключительно радостной, все, кто были свободны от основных обязанностей, устроили салют из ракетниц и карабинов.

На передачу вахты отведено было мало времени. Стремилась в считанные часы ввести в курс прибывших нас на смену. На прощальном ужине радист Леня Богданов прочитал собственное стихотворение, которое нас до глубины души растрогало.

Вот день долгожданный, желанный пришел,

Последний день жизни на льдине.

План нашей работы уже завершен —

Идти скоро нужно к машине.

Трудились мы славно, друзья, в этот год —

Год дрейфа в ледовых просторах,

Встречали много различных невзгод,

Не сможем забыть о которых.
Морозы, пурги, разломы полей,
Грохочущий рев торошенья
Не раз испытали на льдине своей
Мы с вами, не зная унынья.
Что было — прошло, не вернется назад,
Уж солнце вошло надо льдами.
Последний разок обернемся назад,
Проводим наш лагерь глазами.
Прощай Полюс, Арктика, льдина, прощай!
Настала пора расставаться.
Прощай же, суровый, ледовый наш край,
Счастливо тебе оставаться!

Это стихотворение нам очень понравилось, автора отблагодарили бурными аплодисментами.

16 апреля прибыла основная смена. Вахта сдана, мы тепло попрощались с товарищами, которым предстоит продолжить нашу работу.

17 апреля мы прибыли на о. Диксон, там нас встретили зимовщики с СП-5. Со многими из них мы были знакомы в 1955 г., еще при комплектовании состава экспедиции. Встреча была радостной, разговорам не было конца.

Через 376 дней дрейфа впервые очень хорошо помылись в настоящей бане. После ужина улеглись спать, и только через сутки нас разбудили. На завтрак и обед никто не поднялся. Только к ужину, по настоянию нашего доктора, поднялись все.

22 апреля 1956 г. с острова Диксон вылетели в Архангельск, с посадкой в Амдерме. 23 апреля прибыли в Архангельск, а 24 апреля были уже в Москве. На Внуковском аэродроме нас тепло встретили руководители Госкомгидромета, ММФ СССР, ААНИИ, ЦАО, АН СССР, родные и близкие.

На официальной церемонии с приветственной речью выступил известный почетный полярник И. Д. Папанин.

В течение 1955—1956 гг. наша льдина дрейфовала по генеральному направлению на север. В сентябре 1955 года мы пересекли район так называемого Полюса относительной недоступности, а в январе 1956 г. достигли самой северной точки нашего дрейфа — $87^{\circ} 20'$ северной широты, $177^{\circ} 55'$ восточной долготы. Таким образом, от начальной точки дрейфа мы прошли на север более 750 км. Но после этого, под воздействием северо-западных ветров, наша льдина, как и окружающие ее льды, устремилась на юго-восток, и к концу марта мы оказались не только на 30—40 миль южнее, но и снова в Западном полушарии, восточнее 180 меридиана.

Всего за год дрейфа, петляя и снова устремляясь на север, льди-

на прошла более 2 600 км. Аэрологический отряд провел полный годичный цикл наблюдений за структурой атмосферы, скоростью и направлением ветра в ее различных слоях, давлением, влажностью и температурой воздуха. Применяя рационализацию и проявляя смекалку в трудоемкой работе по выпуску радиозондов, а также впервые используя на дрейфующей станции радиотермоидит «Малахит», аэрологи обеспечили отличное качество наблюдений в тропосфере и стратосфере.

Среднегодовая высота зондирования была достигнута более 21 км. Неоднократно подъемы достигали 30—34 км. За год дрейфа мы выпустили более 800 радиозондов. Здесь же, на льдине, добыто более 2 500 кубометров водорода. В этой работе требуется не только огромное физическое напряжение, но и психологическое. Все трудности мы с честью выдержали, задания выполнили.

В 1956 году Министерство морского флота СССР «за заслуги в научно-исследовательской работе в Арктике» наградило меня значком «Почетному полярнику», а «за самоотверженную работу и отличное выполнение заданий на дрейфующей научной станции «Северный полюс-4» — Почетной грамотой.

Все участники экспедиции вернулись на Большую землю здоровыми и бодрыми. Преодолеть вот такие экстремальные условия, я считаю, мне помог спорт. Еще до призыва в Советскую Армию я активно занимался спортом, был членом спортивного «Самолет». Выступал неоднократно на соревнованиях: летом — по легкой атлетике, а зимой — в лыжных гонках, и довольно успешно. На Всесоюзных соревнованиях я занимал 1-е или 3-е места. Очень жалею, что приз за 1-е место на соревнованиях авиадивизии зимой 1940 года не сохранился. Начавшаяся Великая Отечественная война многое перепутала в жизни.

На фронте в часы затишья благодаря нашему инженеру авиационной эскадрильи мы давали концерты не только в своем полку, но и выступали со своей программой в соседних полках дивизии. Основной программой были гимнастические упражнения. И благодаря сочетанию физической, психологической и нравственной подготовки мне удалось преодолеть трудные условия работы на дрейфующей льдине.

После предоставления отпуска, в сентябре 1956 года, я приступил к своей работе на аэрологической станции Верхне-Дуброво УрУГКС. Начатая учеба в Ленинградском гидрометеорологическом институте была прервана в связи с экспедицией на Северный полюс надолго. Только после возвращения, набравшись сил и энергии, приступил к освоению институтской программы. Не отрываясь от производства, закончил полный курс Ленинградского гидрометеорологического института. И в 1963 году защитил диплом с оценкой «хорошо», получив профессию инженера-метеоролога.

га. А в 1964 году переведен работать в бюро поверки УрУГКС на должность ст. инженера.

В 1956 году организовался отдел новой техники, и по предложению руководства управления мне было доверено возглавить его. Все новое внедряется с большим трудом. Новая работа, новые заботы, споры переутомляли. Но я добился того, чтобы работа шла в нужном направлении. Основное внимание было уделено оснащению новой гидрометеорологической техникой наших сетевых подразделений. Кроме того, что поступили такие приборы, как измеритель высоты облаков, анеморулометр М-63, измеритель видимости РДВ, пришлось много работать над внедрением радиометеорологических локаторов типа МРЛ.

С 1966 по 1975 год удалось организовать и установить МРЛ в аэропортах Кольцово, Челябинск, Пермь, Уфа, Серов. Много приходилось взаимодействовать с руководителями этих аэропортов и доказывать необходимость их внедрения.

Много вложено труда, настойчивости, сил и здоровья для того, чтобы все это было сделано. Лично я доволен своим трудом, по сей день все локаторы работают и оказывают неоценимую помощь в обслуживании гражданской авиации.

В связи с уходом на заслуженный отдых бывшего начальника бюро поверки приборов Николая Георгиевича Щелканова я возглавил эту службу. С 1975 по 1980 гг. я полностью был поглощен этой работой. Вскоре коллектив был награжден переходящим Красным знаменем за 1-е место в социальном соревновании и удерживал его более 5 лет.

В 1980 году я вышел на пенсию.

Отдохнув несколько месяцев, снова вернулся в свой родной коллектив. Теперь работаю слесарем мастерской БРиС. Основное мое занятие — ремонт метеоприборов, поступающих от народнохозяйственных организаций не только Урала, но и других регионов.

Вот такая у меня биография. В 1987 году исполнилось 50 моей трудовой — вместе с фронтовой — жизни.

Думаю, что вахту славать еще рано, но проживем — увидим! Все пока впереди...

ЗЫЛЕВ Юрий Петрович —
инвалид Великой Отечественной войны,
ветеран труда

Год рождения 1921-й, 25 октября. Пенсионер, инвалид Великой Отечественной войны III гр. В Советской Армии с 5 августа 1941 года по 1 августа 1944 года.

С августа 1941-го по январь 1942 г. — курсант Саратовского военного училища связи. В действующей армии с февраля 1942-го по март 1944 года. Демобилизован по инвалидности 1 августа 1944 года.

Участник боев за оборону и освобождение таких городов, как Ленинград, Новгород, Порхов, Дно, Остров в составе Валгннской Краснознаменной 377-й с. д. 59-й армии и 198-й с. д. 54-й армии Волховского и Ленинградского фронтов. В боях трижды ранен (два легких и одно тяжелое ранение).

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и юбилейными медалями.

Закончил войну старшим лейтенантом, командиром стрелковой роты.

В Гидрометслужбе работал с 1947 по 1983 годы на аэрологической станции В. Дуброво в должности ст. инженера радиолокации.

Награжден медалями «За трудовое отличие», «Ветеран труда», знаками «Отличник гидрометслужбы», «Почетный радист», «Победитель социалистического соревнования» (в 1974 г.).

За добросовестный труд имеет благодарности, грамоты, премии, памятные подарки от УрУГКС и Госкомгидромета. Ударник коммунистического труда с 1971 г. Участник ВДНХ СССР. Разработал и внедрил более 100 рационализаторских предложений. Участвовал в служебных командировках по установке радиолокаторов «Метеорит» в Чехословакии и Польше.

ЗАХАР-НЕВСКАЯ Галина Филипповна —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда

Я, Захар-Невская Галина Филипповна, родилась 11 1920 года в городе Свердловске в семье служащего.

В 1928 году поступила в 1-й класс средней школы и окончила 10 классов в 1938 г.

С сентября 1938 по январь 1941 года училась в Свердловском государственном университете на историческом факультете. В январе 1941 г. переехала с мужем в Москву, к его родным. Учебу продолжала в Московском университете. Когда началась война, мы сдавали весеннюю сессию, а затем с группой студентов были направлены в колхоз, на сеноуборку — до сентября. Начался новый учебный год, но проучились мы только месяц, и опять нас послали на окопные работы. В это время университет эвакуировался из Москвы, а мы по возвращении с окопных работ выехать не успели. На ра-

боту устроиться не было возможности, т. к. предприятия и заводы тоже эвакуировались. Я пошла в райком комсомола, там мне предложили пойти учиться на курсы радиотелеграфистов при полке связи.

С января по июнь 1942 года училась сначала в Чебоксарах, а затем в Горьком. По окончании курсов, в июне 1942 г. была отправлена на фронт, в г. Валуйки, а затем в Сталинград, в 437-й отдельный радиодивизион.

В августе немцы близко подошли к городу, начались ежедневные и ежечасные бомбежки. Город горел. Дивизион был переправлен на другой берег Волги. Переправлялись ночью на паромках, под непрерывным обстрелом. Остановились в одном из сел, где и работали, обеспечивая связь с передовой.

После победы под Сталинградом нашу часть направили под Курск, а затем, когда наши войска, одержав победу под Курском, пошли на Запад, поехала и наша часть. Прошли Белоруссию, Польшу, Германию. Дошли до Берлина, где и встретили День Победы.

Наш дивизион за операцию под Пинском получил название Пинский, затем был награжден орденом Александра Невского и стал называться Отдельный Пинский ордена Александра Невского радиодивизион.

В декабре 1944 года была принята в партию.

Демобилизовалась в октябре 1945 года в звании сержанта. Весь период пребывания на фронте работала, как и все, в части на радиосвязи. Приходилось выполнять и другие работы: стоять на посту часовым, а иногда даже работать поваром.

После демобилизации в Москве не осталась. Муж погиб в марте 1942 г., и я уехала в Свердловск, к родным. Пыталась продолжить учебу в университете, проучилась с января по май 1946 г., но по болезни учебу оставила.

Работала в мастерской по пошиву дамского платья. В 1946 г. вторично вышла замуж. В связи с рождением ребенка с работы уволилась и не работала с марта 1948 по август 1949 года.

С 1 августа 1949 г. поступила на работу в Уральское управление гидрометслужбы, в центр связи, радиооператором. Проработала до января 1986 года, до ухода на пенсию.

**МАЙЗЕНБЕРГ Арон Яковлевич —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран Советской Армии**

Родился я в с. Боров (теперь оно именуется с. Очеретянка) Черняховского района Житомирской области в семье грузчика.

В 1922 г. родители получили надел помещицкой земли и стали крестьянами-бедняками.

С открытием в 1923 г. в селе 4-классной школы я начал учиться и после окончания начальной школы поступил в районную черняховскую десятилетку.

В 1930 г. по путевке комсомола, а в комсомол я вступил в 1928 году, направили меня на учебу в бывшую столицу Украины — г. Харьков, в ФЗУ при Харьковском паровозоремонтном заводе. ФЗУ окончил по специальности кузнеца 5-го разряда. По рекомендации комсомольской организации в 1931 г. вступил в ряды КТСС.

По окончании ФЗУ работал в кузнечном цехе под паровыми молотами. Вскоре райком комсомола направил меня работать в школу старшим пионервожатым, а через год — на учебу в Харьковской пединститут на факультет коммунистического движения, где готовили пионерских руководителей. Во время учебы в институте был избран членом парткомитета и выполнял партийное поручение — был редактором многотиражной институтской газеты.

После окончания второго курса пединститута, в августе 1934 г., по спецнабору меня призвали в армию и направили в Московскую школу на метеорологическое отделение, где готовили специалистов для авиации.

По окончании школы в 1937 г. был направлен для прохождения службы в Краснодарское авиационно-штурманское училище на должность синоптика.

В 1940 г. я поступил учиться на иностранный факультет при академии им. Жуковского, где готовили референтов для посольств, но вскоре факультет был расформирован, и всех слушателей академии направили по воинским частям. В декабре 1940 года меня послали для прохождения дальнейшей службы в Первую высшую рязанскую авиационную школу штурманов и летчиков на должность начальника авиаметстанции, где меня и застала Великая Отечественная война.

На базе части личного состава школы в июле 1941 г. был сформирован 1-й Дальний разведывательный авиаполк (1-й ДРАП). Основной задачей авиаполка была разведка противника в его глубине тылу. Моя задача как начальника авиаметстанции была такая — обеспечить метеобслуживание авиаполка и другие авиационные подразделения, которые вылетали на боевые задания по бомбежке вражеских войск. Так, например, вылетали мы на бомбежку Смоленска, Брянска, Вязьмы, Ельни, Мценска, Орла и др. объектов. От ГАМС — главной авиаметстанции получил указание передавать в ее адрес по особому коду данные разведки погоды от прилетающих экипажей 1-го ДРАП.

Следует отметить, что экипажи Дальнего разведывательного

полка летали далеко в глубь территории, занятой противником, и данные разведки погоды были для нас ценны для прогнозирования погоды, так как противник захватил значительную часть нашей территории, из которой сведения о погоде мы получать не могли. Работа синоптиков значительно затруднена была не только тем, что погоду пужно было закодировать и декодировать секретным кодом, но и отсутствием метеоданных из обширной территории, занятой противником. В итоге трудная задача синоптиков сводилась к составлению прогнозов погоды по обрезанной синоптической карте, т. е. практически надо было составлять прогнозы погоды по той территории, по которой не было никаких исходных метеорологических данных.

В период конца октября — начала ноября 1941 г., когда противник подошел близко к Москве — Рязани, по приказу высшего командования авиашколу эвакуировали вначале в Среднюю Азию, а затем на Урал, в г. Троицк Челябинской области, а в 1944 г. мы вновь перебазировались на свое место. За весь период войны авиашкола готовила для дальнейшей авиации боевые экипажи (летчиков, штурманов и стрелков-радистов). Я как начальник авиаметстанции отвечал за метеорологическое обеспечение учебных полетов.

После окончания войны, в 1946 г., меня перевели на преподавательскую работу в школу младших специалистов, где я прослужил до 1951 г., а затем — преподавателем в летное авиационное училище. Из училища в 1953 г. был переведен в авиашколу, а в 1956 г. — в Зорошиловградское летное авиационное училище на должность инженера авиаметстанции. Из последнего авиационного училища переведен старшим инженером-синоптиком авиадивизии, где и окончил службу в армии в 1960 году.

Демобилизовался в звании майора авиатехнической службы и избрал своим постоянным местом гражданской работы город Свердловск, где проживали родители жены. Мои родители погибли от рук немецких фашистов на Украине.

По прибытии в Свердловск в августе 1960 г. поступил на работу в Уральское УГМС. Вначале работал в качестве инженера по снабжению; затем — начальником АХО. По рекомендации партбюро меня выдвинули на общественную работу — в профорганизацию управления, где я более 10 лет возглавлял объединенный комитет профсоюза. Затем продолжал работу в Уральском УГМС на различных должностях. В 1983 г. в связи с болезнью уволился и ушел на пенсию.

**МОРОЗОВ Павел Евдокимович —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран Советской Армии**

Я, Морозов Павел Евдокимович, родился 5 января 1922 г. в семье крестьянина-бедняка. С юных лет начал свою трудовую деятельность. В 10-летнем возрасте пас скот, пахал землю, убирал хлеб.

4 июня 1941 года был призван в ряды Советской Армии. Начал воинскую службу в г. Таллинне — столице Эстонской ССР, в составе 89-го батальона аэродромного обслуживания в качестве рядового солдата. В этой части и застала меня Великая Отечественная война. В первые дни войны мы обслуживали нашу авиацию. Снаряжали самолеты, которые летали на выполнение боевых задач, оружием и боеприпасами. В апреле 1942 года меня направили на Волховский фронт, где я проходил службу в составе 4-й Гвардейской с. д. 11-го Гвардейского с. п. рядовым солдатом. 14 апреля 1942 года был зачислен в полковую разведку 11-го Гвардейского с. п. В этом полку учили нас особенностям и методам разведки. Вначале мы, молодые воины, выполняли второстепенную роль: обеспечивали действия опытных разведчиков, которые брали «языка», засекали огневые точки, вели наблюдения за действиями противника. В конце мая 1942 года мне было присвоено воинское звание младший сержант, и я был назначен командиром отделения разведки.

Самыми знаменательными событиями в моей фронтовой жизни были следующие.

В начале августа 1941 года в 12 км от Старой Руссы (д. Ивановка) немецко-фашистские захватчики вели наступление на наши оборонительные позиции. Они пытались сходу форсировать реку и захватить г. Старую Руссу. Но, упорно сопротивляясь, наши войска все атаки фашистов отбили. В этом бою я был первым номером станкового пулемета «максим». Мы занимали очень удобную позицию и своим пулеметным расчетом уничтожали немало фашистов. После описанного боя нас заменила артиллерийская часть (название не помню).

6 августа 1941 года в Старой Руссе я получил ранение тузю.

Из моей фронтовой жизни запомнилось лето 1942 года на Волховском фронте. В апреле и мае 1942 года 4-я Гвардейская с. д. вела упорные бои с немецко-фашистскими захватчиками в районе села Мясной Бор с целью прорыва кольца окружения

и соединения с войсками 2-й Ударной Армии. Эта задача нашей дивизией была выполнена. Узкий коридор был пробит ценой больших потерь. В конце мая мы сдали свой участок фронта другой дивизии, а 4-я Гвардейская с. д. была отведена в район д. Ольховки для пополнения.

Авиационная разведка сообщила, что на наше направление движутся немецкие войска. 12 июня 1942 года группа разведчиков в составе пяти человек, которую я возглавлял, направилась в тыл противника с целью выяснения его сил и средств, о которых сообщала наша авиация. В группу разведчиков входили люди большой отваги, исключительной преданности своей любимой Родине. Я вспоминаю Петра Шемякина — кузнеца из Алтайского края, Ячменева, служившего в пограничных войсках, Решетникова и других товарищей, которые беспрекословно повиновались, честно и добросовестно выполняли любую задачу военного командования. В тылу противника мы пробыли около 6 суток. Задание было успешно выполнено. Командование 11-го Гвардейского с. п. дало нам высокую оценку. После выполнения задания нашей группе перед возвращением в свою часть предоставили короткий отдых. 26 июня 1942 года меня вторично ранило, и я был направлен на лечение в г. Сызрань — в военный госпиталь № 34-74.

После выздоровления я на фронт не попал, хотя настойчиво просился. Был направлен во вновь сформированную 47-ю Учебную стрелковую дивизию, основной задачей которой являлась подготовка кадров для фронта — маршевых рот. Работали день и ночь, времени для отдыха почти не оставалось, так как фронт требовал все новых и новых людских сил.

В 1944 году был направлен в политическое училище города Кузнецка. По окончании училища, в начале 1945 года, мне было присвоено офицерское звание. Так моя судьба была связана с родной Советской Армией, в которой я прослужил более 32 лет, вначале строевым командиром, а затем на разных должностях политработника, в основном — на выборных (секретарь партийного бюро батальона, полка, секретарь партийной комиссии при политотделе, зам. командира по политической части).

В 1973 году я был уволен из рядов Советской Армии.

МАТВЕЕВ
Вадим Михайлович —
ветеран Великой Отечественной войны,
ветеран труда

В 1933 году состоялся первый выпуск Ленинградского гидрометеорологического техникума. В начале декабря этого же года

трое выпускников, в том числе и я, прибыли в Свердловск в распоряжение Уральского управления гидрометслужбы. Здесь мы прошли двухнедельную стажировку и были направлены на постоянную работу в областные гидрометстанции: Тося Елизарова отпраздновала в Тюмень, Саша Еремин — в Челябинск, а я — в Пермь.

На станции Пермь-1, что лежит на Горнозаводской железной дороге, я прибыл глубокой ночью. Стояла безоблачная, очень морозная погода, а я был в коротеньком осеннем пальтишке, в кепке и в спортивках. Где бегом, а где вприпрыжку разыскал Оханскую улицу (ныне ул. Газеты «Звезда») и дом № 45, в котором помещалась контора Пермской гидрометстанции.

Постучался и вошел в кухню (с огромной русской печью), в которой жила курьер-уборщица ГМС Анна Филипповна Буданова. Она загладила меня на печь, поскольку я сильно замерз, и у меня, что называется, зуб на зуб не попадал. Постепенно оттаяв, я с нею познакомился поближе. Это была физически крепкая, очень душевная женщина. Она пережила трех своих мужей и в шутку говорила: «Я трех мужей издержала». На станции к ней относились с большим уважением и звали Филипповной. Всем она старалась угодить, и я не помню случая, чтобы она кому-то в чем-нибудь отказала. Я ей был очень многим обязан и прежде всего из-за душевного ее отношения ко мне. Она звала меня сыном Вади-мушкой, видимо, потому, что я был самым молодым из всех работников станции. (После демобилизации в 1945 г., при поездке Кунгур за семьей, я заехал в Пермь, чтобы повидаться с Филипповной, но ее уже не было в живых. Рассказывали, что она умерла, как и жила, очень легко: вечером легла спать, а утром не проснулась).

Утром того же дня я представился начальнику ГМС Постнову. Он снабдил меня полушубком, валенками и шапкой-ушанкой, и я приступил к работе в качестве техника-гидролога.

Среди метеорологов на станции работали Елена Федоровна Елизавета Федоровна Панаева, дочери Федора Николаевича Панаева, члена Всероссийского географического общества, впервые организовавшего стационарные метеорологические наблюдения в Перми. Метеорологическая площадка в мою бытность находилась на том же месте, где ее организовал Ф. Н. Панаев, т. е. на усадьбе собственного дома Панаевых, на углу Комсомольского пр. (бывшая ул. Кунгурская) и ул. Швецова (бывшая ул. Свободы). Значительно позже, в результате застройки этих улиц и сноса дома Панаевых, она была перенесена на окраину г. Перми в д. Балатово.

В это время прикрепленная к Пермской ГМС гидрометсеть охватила всю территорию Пермской области, а отдельные посты находились даже в Кировской и Свердловской областях. На гидропостах, особенно в сельской местности, работали малограмотные

наблюдатели, которые едва могли сделать отчет по водомерной рейке и записать его в водомерную книжку, так что даже первичная обработка водомерных книжек лежала на работниках ГМС. Нам же, гидрологов, вместе с начальником ГМС было четыре человека.

Больше всего гидрологи страдали от недостатка приборов и отсутствия транспортных средств. Зачастую приходилось пешком преодолевать расстояния в десятки километров, неся за спиной в рюкзаке нивелир и вертушку, а в руках штатив и даже нивелировочную рейку. Я лично неоднократно ходил пешком, нагруженный приборами, от г. Кунгура до дер. Ивановки на р. Ирени (60 км), от г. Кунгура до р. п. Сукуна на р. Сылве (50 км), от ст. Леино до колхоза «Ширяевский» (75 км). Неудивительно поэтому, что мои сокурсники Елизарова и Еремин быстро сбежали с Урала в Ленинград, к родителям. Мне же терять было нечего, к лишениям и невзгодам я привык с подросткового возраста. Учась в ЛГМТ, входил в число 39 студентов, живущих в общежитии, на Лисьем Носу, в 3 км от ж.-д. станции Лисий Нос.

В те, 30-е, годы была карточная система, мы получали продуктовые карточки и очень маленькую стипендию, порою жили впроголодь, поэтому приходилось подрабатывать. Трое нас, друзей, — Алексей Гришин, Ян Удалов и я — в зимний период занимались на аккордные работы по околке тротуаров от льда, сбрасыванию снега с крыш или разгрузке ж.-д. вагонов на Сортировке. Летом, в каникулы второго и третьего года обучения, учащиеся занимались в экспедиции, организуемые ЛенГИДЭПом.

В первые свои летние каникулы я поехал в г. Иваново, где жили мои родители с многочисленной семьей, поступил работать в Ивановский ГМК (Гидрометкомитет). Занимался сбором материалов для водного кадастра. Здесь же впервые приобщился к полевым работам по мензульной съемке участка водпоста, измерению косоструйности течений при назначении гидроствора, нивелировочным работам и измерению расходов воды вертушкой. Участвовал в открытии гидрометпоста на р. Клязьме у г. Коврова, куда был направлен вдвоем с геодезистом Вадимом Сергневским.

Во вторые летние каникулы мы, три друга, отправились в Валдайскую экспедицию по проектированию прудов для разведения зеркального карпа. Здесь мы работали буровыми мастерами мелкого ударно-вращательного бурения с глубиною скважин 5—7 м.

В третьи летние каникулы мы втроем были направлены в Туломскую экспедицию по проектированию на р. Туломе (Кольский полуостров) гидроэлектростанции. Работали техниками-гидрометрами и измеряли расходы воды вертушкой в различных створах горной реки Туломы. Однажды при работах на реке в 500 м выше водопада Падун (вода падает с высоты 8 м) лодка переверну-

лась, и мы с рабочим оказались в воде. Бурным течением несло нас к водопаду. Лишь перед самым водопадом завихренным вынесло к берегу.

Таким образом, прибыв на Пермскую ГМС, я уже не был юнцом, только что выпорхнувшим из родительского гнезда. Но был молодым человеком, познавшим, почему фунт лиха, довольно прилично освоившим полевые работы и первичную обработку материалов, всем сердцем полюбившим гидрологию и не мыслившим себе жизни без нее.

Вскоре после моего приезда в Пермь начали свертываться работы Средволгостроя в Камском бассейне в связи с консервацией проектирования Камской ГЭС. Часть гидрологов оттуда перешли на работу в Пермскую ГМС. Начальником у нас стал П. С. Старостин.

Весной 1934 г. я проводил паводочные работы на р. Яйве у с. Подслудного. Работали вдвоем с наблюдателем водпоста Захаровым. Расходы воды измеряли с вертлявой долбленой лодки, привязываемой к натянутому через реку тросу. Гидрометрическая вертушка была системы «Лагу», отпускалась на штанге. В том году существовала карточная система. Те продукты, которые я привез из Перми, были съедены, в селе же продуктовые карточки не отоваривались, а ехать в город — значило сорвать паводок. По совету местных жителей, в свободное от измерения расходов воды время я стал перекапывать прошлогоднее картофельное поле, что делали многие жители села. Мороженая картошка не очень вкусная, но если голден, то есть можно. Вскоре ко мне приехал с проверкой П. С. Старостин, первая волна паводка мною была полностью охвачена измерениями расхода воды, поэтому он взял меня с собой в Чердынь, где паводочные работы проводил Семерников. Там меня снабдили мукой. Я вернулся в Подслудное и безбедно жил до конца паводочных работ.

Однако недаром говорят: «Где тонко, там и рвется». В Перми меня ждали новые неприятности. На ГМС встретила Филипповна, со слезами и причитаниями сообщила, что меня обокрали. Действительно, кому-то потребовались мои немудреные пожитки, и я остался в той спецовке, в которой работал на паводке. Но меня не оставили в беде. Начальник станции выдал аванс, немного помогли сотрудники станции. Я приобрел все самое необходимое, а для погашения аванса Петя Купчинов, Муратовский и я вечерами работали в Средволгострое. Там мы занимались обработкой расходов воды графо-аналитическим и графо-механическим методами. Обработка производилась в карандашном исполнении на ватмане размером 60×60 см. После нас закрепление тушью производили специалисты-чертежники. Надо сказать, что такой «роскоши» в гидрометслужбе я никогда не видел. У нас обработку делали этими

же методами, но на миллиметровке, и закрепление тушью производилось тем же человеком, который выполнял обработку.

Паводочные работы в 1935 году, будучи уже ст. техником, проводил на р. Сылве, у с. Подкаменного. Мне было 20 лет, женился я на учительнице. Прожили мы с нею 38 лет (умерла в 1973 г.), воспитали двоих сыновей и дочь, и я ни разу не пожалел о столь ранней женитьбе.

Осенью 1935 г. во время мензульной съемки участка водпоста на р. Сылве у р. и. Сукуна у меня произошел такой казус. Измерение расстояния на берегу производилось мерной металлической лентой, а при промерах глубины реки — размеченным тросом. При этом расстояния по размеченному тросу не укладывались на планшет в расстояния, полученные мерной лентой. При многократной проверке выяснилось, что измерения производились правильно, но мерная лента оказалась не двадцатиметровая, а десятисаженная, размеченная на полусаженки. Пришлось все расстояния пересчитать в полусаженках, а на планшете дать переходный линейный масштаб от полусаженной к метрам.

В 1936 году Пермская ГМС была разукрупнена. Из ее состава выделались две гидрологические станции: Чердынская и Кунгурская. К Чердынской станции отошла гидросеть бассейна р. Вишеры с Колвой, а к Кунгурской станции — бассейн р. Чусовой с Сыловой. Начальником Кунгурской гидростанции был назначен я. Котору станции пришлось поместить в одной из комнат двухкомнатной квартиры, выделенной моей жене. В штат станции, помимо меня, вошли два техника: Григорьев и Агатов.

В этом же, 1936-м, году, летом, Уральское УГМС отмечало 100-летие гидрометслужбы на Урале (со дня открытия Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерватории в 1836 г.). На празднование было приглашено около двадцати работников гидрологической сети, в том числе и я. Помимо меня, из Пермской области прибыли: из Чердыни — ст. техник Лобов, из Перми — наблюдатель водпоста А. Ф. Щеголихина, из с. Подкаменного на р. Сылве — Г. И. Гомзиков и из Редикора — наблюдатель водпоста (фамилию не помню).

Осталось в памяти следующее. Въезд на территорию Уральского УГМС в 1936 году находился там же, где и был при моем последнем посещении УрУГМС в 1976 г. (с ул. Народной Воли). Вершина Плешивой (Лысой) горы, как ее тогда называли, была лишена какой-либо растительности, местами наблюдались выходы на дневную поверхность коренных горных пород. Довольно крутые склоны горы, особенно в направлении улиц Декабристов и Народной Воли, были покрыты кустарниковой и древесной растительностью. Со стороны ул. Мичурина — густой строевой хвойный лес.

Управление гидрометслужбы размещалось в двух деревянных

зданий, расположенных одно вслед другому параллельно ул. Народной Воли, со входами с нижних торцов зданий.

В нижнем здании (слева, если смотреть со стороны ул. Народной Воли) находилась административно-хозяйственная часть УрУГМС, а в верхнем здании (справа) — техотделы. Отделы гидрологии и метеорологии располагались в крайней большой комнате, вытянутой поперек верхнего здания (гидрологи в левой части комнаты, а метеорологи — в правой). Перед входом в комнату этих отделов справа находился кабинет отдела гидрометести. Начальником обработки гидрологических материалов была Н. И. Купчинова (в то время жена П. С. Старостина). После войны она оставила гидрометслужбу и работала в Свердловском горисполкоме.

На самом высоком месте горки, ближе к ул. Народной Воли, размещалась метеоплощадка, а сама метеостанция занимала маленький домик, стоявший за верхним зданием возле крутого склона в сторону ул. Декабристов.

Празднование 100-летнего юбилея гидрометслужбы Урала было очень скромным. Торжественная часть и банкет проходили в нижнем административном здании, в большой комнате, вытянутой вдоль здания. Людей было сравнительно немного. Специальных приглашенных билетов на празднование не рассылалось, сетевые работники вызывались в соответствии с приказом начальника УрУГМС. Насколько я помню, юбилейный фотоальбом не готовился, а лишь выполнялись любительские фотосъемки, фотокарточки разошлись по участникам празднования. Для работников сети были организованы экскурсии в магнитную (сейсмическую) обсерваторию и посещение театра (кажется, музкомедии).

На торжественном собрании выступили начальник УрУГМС Березин и ряд других товарищей, после чего некоторым работникам были вручены ценные подарки. Я получил фотоаппарат «Фотокор» и с тех пор занимаюсь фотографией. После торжественной части был праздничный банкет.

В Перми 100-летний юбилей гидрометслужбы Урала не праздновался. В те годы связь Пермской ГМС с УрУГМС была обычная — почтой, телеграфом. Телетайпы с прямой связью с УрУГМС в Пермской ГМБ установили только в 1956 году, когда я был начальником Пермского ГМБ.

В 1936—1937 гг. я стал готовиться к поступлению в гидрометинститут, но моей мечте не удалось осуществиться, поскольку 25.09.1937 г. был призван в ряды РККА. Начальником Кунгурской гидростанции стал Урусов. Контора станции переведена в с. Подкаменное, а позднее в Верхне-Чусовские городки.

Призывался я в г. Кунгуре и был оставлен в Кунгурском стрелковом полку курсантом полковой школы. После 8-месячного

обучения мне присвоили звание младшего командира взвода, и я был назначен на должность помощника командира взвода полковой школы. Весной 1939 г. меня назначили физруком полка и направили на курсы усовершенствования командного состава физической подготовки РККА (КУКС физо РККА), которые находились в Ленинграде. На курсах особое внимание уделялось рукопашному бою, а также спортивной гимнастике, полным упражнениям, бегу и ползанию по-пластунски до 1 км. Вначале ужасно болели все мышцы, но постепенно мы втянулись в режим и почувствовали себя физически очень крепкими.

После окончания курсов я, как и все 125 курсантов, был распределен в одну из дивизий, расположенных на советско-финляндской границе, для обучения командного состава подразделений рукопашному бою. С 30.11.1939 г. в составе 65-го Стрелкового полка принимал участие в советско-финляндской войне. 17 декабря 1939 года, к вечеру, наш полк вышел на исходные позиции для наступления на д. Опнолово и расположился в смешанном, довольно густом лесу. Перед нами простиралось открытое болото шириной около 200 м, за которым — перед деревней — находились окопы противника. А по болоту в несколько рядов тянулось проволочное ограждение. Перед рассветом 18 декабря наша артиллерия в течение получаса долбила передний край обороны противника. Мы начали наступление еще в темноте, когда артиллерия перенесла огонь в глубину финской обороны. Впереди развернутым строем шли танки, а за ними — мы, пехота. Деревня горела, и нам хорошо были видны оборонительные сооружения финнов. Первыми окопами мы овладели довольно легко и только двинулись дальше, как нас накрыла артиллерия противника. Я помню лишь, как меня подбросило и шмякнуло о землю. Очнулся в санитарной машине. Страшно болела голова, тошнило и так заложило уши, что я совершенно ничего не слышал. Ощупал себя — все было цело. Привезли меня в Ленинград и поместили в больницу им. Куйбышева с диагнозом «контузия головного мозга». Через 10 дней выписался из госпиталя и был направлен в 274-й стрелковый полк в качестве командира взвода, а после гибели командира роты — командовал ротой.

Советско-финляндская война была короткой, но кровопролитной, к тому же оказалось много обмороженных, т. к. зима 1939/40 г. была очень суровой, температура воздуха в январе 1940 г. на Карельском перешейке опускалась ниже 40° мороза. Эта величина оказалась абсолютным минимумом за многолетие.

В конце первой декады марта 1940 г. наш полк вместе с танками прорвал оборону противника и оседлал шоссе на дорогу Выборг—Хельсинки. Здесь вечером 12 марта, т. е. накануне заключения мира, я был ранен финским автоматчиком-«кукушкой». По-

скольку наш полк оказался в тылу противника, то раненых не выводили, а размещали в лесу на большой поляне, укладывая около кустов прямо на снег. Счастье наше было в том, что ночь на 13 марта была теплой и обмороженных не оказалось. С прекращением огня по всему фронту в 12 часов 13 марта 1940 г. раненых стали выводить. Меня 18 марта доставили в Ленинградский эвакуационный госпиталь № 2010. Здесь пробыл на излечении до 17 апреля. После двухмесячного отпуска вернулся в Кунгурский стрелковый полк (он в войне с финнами не участвовал), откуда был демобилизован в запас в сентябре 1940 г.

После демобилизации решил вернуться туда, где воевал. Поступил работать в морскую гидрометеобсерваторию Краснознаменного Балтийского флота на должность гидролога базовой гидрометстанции. Наша ГМС обслуживала военно-морскую базу. Я занимался гидрологическими работами на акватории залива.

С началом Великой Отечественной войны гражданское население было эвакуировано, и моя семья с большими мытарствами добралась до Кунгура, где жили родственники жены. ГМС продолжала оставаться на месте. Только при отходе кораблей отбыла с последним из них вначале на остров Бьерке, что расположен против г. Койвисто (теперь Приморск), а затем в Кронштадт.

5.11.1941 г. я был мобилизован в Военно-Морской Флот рядовым краснофлотцем гидрометслужбы КБФ. Штатные единицы офицерского состава были уже укомплектованы. Вскоре меня прикомандировали в качестве гидролога в гидрографический отдел КБФ, где я и служил до конца Отечественной войны в должности производителя работ. В начале 1942 года мне было присвоено звание главстаршины, а в 1943 г. — мичмана.

В первую блокадную зиму пришлось заниматься проводкой войск по льду из Кронштадта на северный берег Финского залива, в район Лисьего Носа и на южный берег — в район Ораннен-Сауца. Проводка войск осуществлялась только ночью. Проводник с двумя саперами шел впереди колонны в отрыве на 50—100 м. С собой брали финские сани, на которых закреплялся шлюпочный комплекс. По ходу определяли состояние и толщину льда. Обратное возвращались втроем перед утром, заглядывая в замерзшие лунки, образованные в результате артиллерийского огня фашистов из Петергофа с нашими фортами. Обнаруженную в лунках оглушенную рыбу выкалывали, и таким образом наша группа гидрографо-проводников иногда имела добавку к питанию, с которым уж в первую блокадную зиму было тяжело.

Во вторую блокадную зиму я входил в состав гидрографической группы при начальнике перевозок Ленинградского фронта генерал-майоре Шипове. Группа состояла из 11 человек во главе с капитан-лейтенантом Гагариным. В нашу задачу входила проклад-

ка ледово-дорожных трасс по Ладожскому озеру от д. Кобоны до маяка Осиновец («Дорога жизни»). Попутно с прокладкой трасс определялись состояние, толщина и грузоподъемность льда на различных участках. Затем данные ледоводорожной разведки в виде картограмм с подробным текстом передавались начальнику перевозки, а от него шло распоряжение на КПП (контрольно-пропускной пункт) о предельной загрузке автотранспорта. По трассе для нас обычно шли саперы, грейдерами расчищая трассу от снега. Они сооружали деревянные настилы через трещины и съезды с берега на лед. Ледоводорожные трассы очень часто приходилось менять, т. к. они разбивались непрерывно, круглые сутки, идущим автотранспортом, перевозящим грузы в Ленинград. От бомбежек авиации противника в эту зиму трасса страдала в меньшей степени, чем в предыдущую. Это заслуга нашей авиации, поскольку господство в воздухе фашисты начали терять, особенно с момента прорыва блокады (конец января 1943 г.).

С весны 1943 г., вплоть до снятия блокады, я состоял в группе гидрографов, которая стала заниматься стереоразведкой огневых точек противника на участке от Пулковских высот до п. Лигово. Принцип работы состоял в определении местоположения лужной точки по имеющемуся базису и углом из его концов. Для этого в башнях ленинградских зданий (строящегося Дома Советов и мясокомбината) на высоте 4-го этажа были установлены фотокамеры, направленные в сторону расположения войск противника. В почное время шторы фотокамер открывались, вспышки выстрелов дальнобойной артиллерии противника на пленке фиксировались, затем пленка обрабатывалась. Полученные таким образом координаты огневых точек противника сообщались штабу флота. После этого цели подавлялись огнем дальнобойной артиллерии кораблей, стоящих на Неве.

Помимо нас в недостроенном Доме Советов помещались и другие разведки, а за Домом Советов стоял дивизион «катюш», который выезжал на заранее подготовленные площадки, выпускал свои РСы (реактивные снаряды) по обнаруженным целям и быстро возвращался обратно в укрытие, за Дом Советов. Противник, безусловно, знал, что Дом Советов имеет свою «начинку» и не забывал «угостить» нас артобстрелами. Однажды снаряд разорвался в помещении, где находились фотокамеры и дежурный матрос Коровайков. Взрывной волной его выбросило через разрушенную заднюю стенку, и он упал на крышу соседнего дома, но остался жив, лишь поломал ногу.

С освобождением Ленинграда от блокады (конец января 1944 г.) наши войска пошли на запад. Необходимость в стереофоторазведке отпала, и наша группа стала заниматься аэрофоторазведкой минных полей и противолодочных заграждений противника —

сначала в Выборгском, а затем в Финском и Нарвском заливах. Для этого нам был выделен специальный самолет, в бомболюках которого вместо бомб помещались фотокамеры АФА-1 и АФА-2. Вначале летали на советском пикирующем бомбардировщике ПЕ-2, но он оказался очень неудобным, затем дали американский самолет «Дуглас-201», он также имел свои недостатки. Наконец выделили английский самолет береговой обороны «Каталина», который обычно использовался как санитарный. Это был гидросамолет, который мы прозвали «морской короной». Имел скорость 350—400 км/ч, обширное помещение, где можно было не только менять кассеты, но и перезаряжать их. А это значит, что в 2—3 раза можно было увеличить площадь съемки. Во время полета самолета над заданным районом его местоположение засекалось через каждые 30 секунд с двух береговых точек. Для засечек использовались немецкие полуавтоматические теодолиты «Оскания Берке». Отсчеты по вертикальному и горизонтальному лимбам отпечатывались на бумажную ленту путем нажатия на специальную рукоятку. Связь между пунктами наблюдений, базой и самолетом осуществлялась по радио. Результаты аэрофоторазведок в виде указания координат и глубины установки мины или противопожарных заграждений сообщались штабу флота. Обнаруженные объекты уничтожались с помощью бомбометания самолетами КБФ или путем траления кораблями трального флота. Наш самолет от зенитной артиллерии противника застрахован не был и иногда прилетал с пробитыми в корпусе, но от вражеских самолетов не страдал, поскольку вылетал под прикрытием наших истребителей Ла-5 или Як-9.

По сравнению с многими другими войнами мне, как в советско-финляндскую войну 1939—1940 гг., так и в Отечественную 1941—1945 гг. служить было сравнительно легче, поскольку за мои плечами был трехлетний опыт службы в армии и 6-месячные курсы физо РККА. В моральном, военно-тактическом и особенно физическом отношении я был подготовлен очень хорошо.

Много раз я бывал под бомбежкой, артиллерийским и минометным обстрелом, в финскую войну не раз сходилась лицом к лицу с противником, но не это вспоминается мне. Прошло много лет, а я до сих пор не могу забыть первую блокадную зиму в Ленинграде: город без света, воды и топлива, постоянные бомбежки и артобстрелы, тысячи ежедневно умирающих от голода людей, мирных граждан Ленинграда. Вспоминается декабрьский 1941 года морозный день, заснеженные улицы с узкими тропинками, протоптанными обессиленными от голода людьми. Детские санки с покойником, завернутым в простыню, еле движущиеся впряженные в них пожилой мужчина с девочкой. За ними бредет старая женщина, от изнеможения прислоняется к стене дома. У нее измученное,

очень худое, морщинистое лицо и безразличный тоскующий взгляд. Она уже не может стоять, колени ее подгибаются, она оседает на снег и замирает, уходя в небытие. Разве можно такое забыть?!

Конец войны застал меня в Таллинне, где находился гидрографический отдел КБФ. В третьей декаде ноября я был вызван в штаб и 28 ноября 1945 г. демобилизован из Военно-Морского Флота.

За участие в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. награжден орденами: Отечественной войны II степени, Красной Звезды; медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу на Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другими.

Сразу после демобилизации, т. е. 1 декабря 1945 г., я вступил на работу в Морскую гидростанцию КБФ в качестве инженера-гидролога базовой гидрометстанции Либава (теперь г. Лиепая). Штат станции состоял из метеорологов, синоптиков, а из гидрологов был один я. Начальником станции у нас был Г. В. Владимиров. В мою обязанность входило выполнение большого комплекса морских прибрежных гидрометеорологических наблюдений и их обработка. Для выполнения полевых наблюдений мне полагался катер «КМ» (катер малый) с командой в количестве трех военных моряков. В зимний период выделялись матросы для наблюдений с берегового ледяного припая. Здесь, в Либаве, я впервые приобщился к научно-исследовательской работе. Был выполнен значительный объем работ по систематизации материалов гидрометеорологических наблюдений за многолетний период и написаны работы: «Гидрометеорологический обзор порта Либава за 1945 г.», «Гидрометеорологический обзор порта Либава за 1946 г.», «О колебаниях уровня моря в Либавском порту», «Климатический обзор порта Либава», в который помимо многолетних характеристик метеорологических элементов вошли многолетние данные о ледообразовании и ледовом режиме, об уровнях моря и течениях (последняя работа выполнена совместно с Г. В. Владимировым).

К сожалению, на Либавской БГМС поработать пришлось недолго. Дело в том, что в Либаве очень большая влажность воздуха и частые туманы. Там мой сын, ученик 2-го класса, заболел туберкулезом, и врачи настоятельно рекомендовали сменить климат. Мне удалось перевестись на постоянную работу инженером-гидрологом в Пермскую ГМС.

Таким образом, 14 сентября 1947 года, т. е. через 11 вновь очутился в Пермской ГМС. Нас, гидрологов, было 6

включая начальника ГМС К. Я. Кузнецова. Прикрепленная сеть состояла примерно из 30 гидрометпостов, половина из которых — стоковые. На нескольких постах измерялся твердый сток. Наблюдатели постов подбирались уже более грамотные, чем раньше, способные самостоятельно производить первичную обработку метеорологических и водомерных наблюдений. Отдельных наблюдателей обучали измерению расходов воды вертушкой в межениные периоды, но это дело подвигалось очень туго, и только в 60-е годы почти все наблюдатели стали самостоятельно измерять расходы воды, а некоторые из них даже проводить паводочные работы.

Техническое обеспечение станции по сравнению с довоенным значительно улучшилось. Нивелировочными рейками были обеспечены все посты, а наиболее удаленные — даже нивелирами со штативами. Все гидростворы имели вертушки. Улучшилось положение и с транспортными средствами. Так, например, между всеми районными центрами установилось регулярное рейсовое автобусное движение, а на Пермской ГМС была лошадь, правда, на ней в командировки ездил лишь сам начальник станции. Гидрологи станции помимо стандартных плановых полевых и камеральных работ стали заниматься составлением гидрологических ежегодников по территории деятельности ГМС, при этом основная нагрузка ложилась на меня. Составление гидроэжегодника в плановые сроки, как правило, не укладывалось, поэтому все гидрологи безоговорочно по несколько часов в день тратили из своего личного времени — лишь бы сдать ежегодник в срок. В этом сказывалась работа коллектива о престиже своей станции.

Помимо работы на своей станции УрУГМС отвлекало наших гидрологов на паводочные работы в другие подразделения. Например, в 1948 году меня направили на р. Малый Инзер — ст. Айгир, для проведения паводочных работ с твердым стоком, где до этого паводочные работы срывались. Река Малый Инзер протекает в горной части Башкирии и у ст. Айгир в период весеннего половодья представляет собой мелкий, но очень бурный поток, перекапывающий крупные камни. Поэтому здесь трудно было найти рабочего, никто не хотел лезть в лодку. Только муж наблюдательницы поста, работающий начальником ж.-д. станции, после долгих уговоров отважился работать со мною. Работали в лодке, передвигающейся по тросу. Штапга, на которой опускалась вертушка, от напора воды гнулась, пришлось придать ей жесткость, забивая в метровые ее отростки металлические стержни. Когда мы работали, то на берегу собирались люди и наблюдали, как поток, набегающий на лодку, создавал волну, гребень которой поднимался выше бортов лодки.

В 1949 году мне поручили организовать паводочные работы на р. Белой у г. Бирска, имеющей залесенную пойму в несколько ки-

лометров. Пришлось прорубать просеку, наметить и закрепить скоростные пертикали: на пойме—столбами, а в основном русле—всеерным способом с левого высокого берега. Я взял в аренду катер, измерил с него два расхода воды, а дальнейшие работы поручил работникам ГМС Бирска.

В том же году организовалась Пермская гидрографическая партия, начальником ее назначили меня. За пять лет работы этой партии было рекогносцировано пять рек (по одной за лето): р. Буя (от истока до устья), Быстрый Таныш (от истока до устья), р. Уй (от истока до устья), р. Тура (о истока до г. Турниска), р. Урал (от истока до с. Кизильского). Обследование рек производилось группой в четыре человека. Помимо меня в группу входили техник или ст. техник и двое, обычно наемных, рабочих. Первые 10—20 км от истока обследование производилось пешком, с ночевками в ближайшем населенном пункте, где намечалась временная база и находился весь груз партии. Затем движение осуществлялось на резиновых лодках, обычно двух, со всем грузом, а в местах ночлега раскидывались палатки. Рекогносцировка рек производилась линейным методом с охватом русла, поймы, склонов долины до бровок и ближайшей прилегающей местности. По мере движения вниз по реке производились промеры глубин по фарватеру, определялась ширина реки, скорость течения поплавками и описание всех элементов долины. В характерных местах намечались гидропосты, измерялись расходы воды вертушкой и производилась нивелировка поперечников до бровок долины. На концах заранее намеченных участков производилась обработка материалов наблюдений, полевое гидрографическое описание, а также заготовка продуктов питания и выполнение других хозяйственных работ.

Осенью 1953 г. я был назначен на должность начальника Пермской ГМС, а в 1955 г., с организацией Пермского объединенного гидрометбюро (ОГМБ), куда вошла и гидрометстанция, сначала переведен ст. инженером, затем в 1956 году — его начальником.

В эти годы закончилось строительство Камской ГЭС и было произведено наполнение первой очереди Камского водохранилища: в 1954 г. до отметки 100 м БС, в 1956 г. — до НПУ (108 м БС). В связи с этим значительно прибавилось работы для Пермского ОГМБ. Нужно было все водпосты на р. Каме, попавшие под затопление, наращивать или переносить на новые места. Сменился их статус и содержание наблюдений: необходимо было установить на них флюгеры и волномерные пункты, в безледоставный период организовать круглосуточные наблюдения с информацией через каждые 3 часа. Пришлось вводить новые формы гидрометобслуживания Камского речного пароходства (КРП) путем выпуска прогнозов погоды и волнения на акватории Камского водохранилища, а также составления рейсовых прогнозов потокарavam,

идущим по водохранилищу. Для этой цели на летний период из состава Пермского ОГМБ выделялась выездная синоптическая группа, которая размещалась на дебаркадере в Левшинском речном порту.

Вместе с этим жизнь потребовала от меня (иногда в содружестве с другими специалистами) готовить научно-производственную продукцию. Так, с 1956 по 1959 год были изложены следующие исследования: 1. Обеспечение обслуживания организаций на Камском водохранилище (работа выполнена совместно с И. Ф. Голиковой и В. А. Ефимовой) — 1958 г.; 2. Опыт обслуживания речного флота на Камском водохранилище («Информационное письмо УрГУМС», № 1 (12), 1958 г.); 3. Штормовые ветры на Камском водохранилище (доклад на совещании при начальнике КРП, январь 1959 г.); 4. Ледовый режим Камского водохранилища (выполнена совместно с Г. И. Куликовым) — 1959 г. Активно занимался я и рационализаторской работой. Для повышения точности наблюдений мною разработаны, изготовлены на месте и опробованы на постах опытные экземпляры: 1. Втулка-подвес для вертушки Ж-3, позволяющая самостоятельно устанавливаться вертушке строго против течения при работе со штанги (выполнено в 1955 г.); 2. Гидравлический ватерпас, действующий по принципу сообщающихся сосудов и позволяющий с точностью большей, чем плотницкий уровень, определять превышения между сваями (выполнено в 1956 г.). На все приспособления составлены описания.

В 1957 г. на базе гидрологической и метеорологической групп Пермского ОГМБ с передачей всей сети станций и постов была образована Камская гидрометобсерватория. Ее директором стал приехавший из Баку кандидат географических наук Герман Ильич Куликов. Камская ГЭС выделила для обсерватории служебное здание и жилой фонд для инженерно-технического персонала ГМО. С этого времени Пермская ГМБ стала исключительно прогностическим органом. Положение чистого администратора меня совершенно не устраивало, поэтому я многократно надоедал начальнику УрГУМС В. Н. Бабченко, даже писал в ГУГМС о переводе меня на работу в обсерваторию. Только 1.10.1959 г. я был переведен в Камскую ГМО на должность ст. инженера-гидролога. Одновременно назначен редактором издания «Материалы наблюдений на озерах и водохранилищах» (Камский и Тобольский бассейны) и оставался им до выхода на пенсию. Первый выпуск «Материалов» охватывал пятилетие — 1956—1960 гг., а затем выпуск осуществляется ежегодно.

В 1964 году Камская ГМО была преобразована в Пермскую ГМО. В нее вошли все пермские гидрометподразделения: ГМБ, радиологическая и метеорологическая станции. Я был назначен начальником отдела гидрологического обслуживания народного

хозяйства Пермской ГМО (отдел ГОНХ). В отдел ГОНХ Пермской ГМО вошли три группы во главе со старшими инженерами: группа изучения озер и водохранилищ; группа изучения речного режима; группа оперативных гидропрогнозов. В обязанности группы изучения озер и водохранилищ входили наблюдения и обработка как береговых, так и открытых частей Камского, а затем и Воткинского водохранилищ, а также составление «Материалов» по этим водохранилищам. Речная режимная группа имела сеть гидрометпостов, выполняла полевые и камеральные работы с составлением гидрологического ежегодника по прикрепленной сети. Группа гидропрогнозов занималась информацией народнохозяйственных организаций о фактическом состоянии водных объектов Камского бассейна и выпуском краткосрочных гидрологических прогнозов.

Для целей прогнозирования вскрытия и замерзания Камского и Воткинского водохранилищ, объема и высоты половодья на реках Камского бассейна ежегодно как в ГМВ, так и в ГМО мною производились авиаразведки снежного покрова Камского бассейна, вскрытия и замерзания Камского и Воткинского водохранилищ. Выполнялось обычно по несколько авиаразведок с целью охвата всех фаз развития того или иного явления. В последние годы моей работы в Пермской ГМО эти авиаразведки выполнялись ст. инженером Э. А. Снегиревым. В 50-е годы ледовые и снеговые авиаразведки производились на самолете По-2, в 60-е годы — на самолете Як-12, а в последние годы — на самолете Ан-2. Данные авиаразведок немедленно передавались по телеграфу в установленные адреса, а по истечении сезона обобщались и представлялись в виде отчетов с картограммами и подробным описанием развития явления.

На Камском и Воткинском водохранилищах помимо стандартных наблюдений на береговых гидрометпостах и акваториях водохранилищ на судах-плотоводах были организованы наблюдения над ветром по анеморумбометру и визуально над волнением, с передачей данных наблюдений по радию в прогностические органы Пермской ГМО. Инспекция гидрометнаблюдений на судах КРП, а также подразделений УрУГМС, занимающихся озерными наблюдениями, лежала лично на мне. Время от времени согласно плановым срокам мною производились инспекции по учету стока на Камской, Воткинской и Широковской ГЭС. При этом рабочая связь с гидроцехом и техотделом Камской ГЭС, а также гидротехслужбой «Пермэнерго» у меня была очень тесная. Не случайно поэтому в 1979 году, когда я уже несколько лет находился на пенсии в жил в Ленинграде, меня не забыли: я был награжден юбилейным нагрудным знаком «25 лет Камской ГЭС».

Ежегодно при Пермском облисполкоме назначалась паводоч-

ная комиссия, в состав которой включался и я. На ее заседаниях моей обязанностью было делать сообщения о сложившихся и ожидаемых гидрометеорологических условиях формирования весеннего половодья на реках и водохранилищах Камского бассейна, о возможном подтоплении конкретных населенных пунктов области и промышленных предприятий г. Перми, расположенных ниже створа Камской ГЭС. Паводочная комиссия принимала решения о характере пропуска половодья через Камскую ГЭС и обязывала все организации, территории которых могут подвергнуться подтоплению, принять необходимые меры. Решения комиссии подлежали безусловному выполнению.

10.11.1974 г. по моей просьбе я был переведен на должность ст. инженера Курганской ГМО. За мной остались обязанности редактирования «Материалов» Камского и Тобольского бассейнов и инспекции подразделений УрУГМС, производящих озерные наблюдения. Специфической особенностью работы гидрологического отдела Курганской ГМО являлось то, что г. Курган постоянно ощущал недостаток воды — как питьевой, так и для технических целей. Дело в том, что верховья р. Тобол, на которой стоит г. Курган, расположены в северо-восточной части Казахстана, где река протекает с юго-запада на северо-восток по степным районам и является очень маловодной. За обычно короткое и зачастую бурное весеннее половодье р. Тобол пропускает большую часть своего годового объема стока, а в остальные периоды расходы воды очень небольшие. Имеющееся в г. Кургане водохранилище суточного и недельного регулирования из-за своей исключительно малой емкости не способно сколько-нибудь задерживать сток весеннего половодья и пропускает его транзитом. Курганский горисполком исключительно заинтересован в информации о фактическом и ожидаемом водном режиме р. Тобол, причем не в какие-то определенные сезоны, а круглый год. Здесь, в Кургане, строго лимитировано потребление воды и на учете находится, что называется, каждая ее капля. Дело еще усугубляется и тем, что на территории Казахстана (в районе г. Кустаная) на р. Тобол имеется водохранилище Соколовско-Сарбайского железорудного комбината, а ниже его по течению воду из р. Тобол разбирают на орошение совхозы. Таким образом, на территорию Курганской области Тобол приносит такое количество воды, которое едва превышает санитарный пропуск из Курганского водохранилища.

В 1975 году перед Курганским горисполкомом встал вопрос о мотивированном обращении в Совмин СССР с просьбой установить для Кустанайского облисполкома пределы забора воды из р. Тобол. Для этого была создана комиссия, в которую был включен и я. Комиссия побывала в Кустанайском облисполкоме, на Соколовско-Сарбайском комбинате и проехала по берегу р. Тобол

вплоть до Курганского водохранилища. При этом было установлено, что не только в Кустанайской, но и в Курганской области колхозы самовольно использовали воду р. Тобол для орошения, за что и были наказаны.

От Совмина СССР было получено распоряжение, обязывающее Кустанайский облисполком обеспечивать пропуск воды р. Тобол в Курганскую область круглый год не ниже установленного нормативного расхода. Контроль за количеством поступающей воды в Курганское водохранилище взяла на себя Курганская ГМО. Для этого один раз в неделю на р. Тобол в заранее намеченных пунктах, начиная от границы Кустанайской области до Курганского водохранилища, с резиновой лодки измерялись расходы воды вертушкой. Нужда в гидрологическом обслуживании народнохозяйственных организаций Курганской области и г. Кургана была очень острой. В любое время суток меня могли вызвать в горисполком для дачи гидрологической информации. Поэтому приходилось быть в постоянной готовности. Был случай, когда зам. председателя горисполкома послал за мной машину в пригородный совхоз, где работники Курганской ГМО в субботний день убирали капусту, и рекомендовал директору ГМО в дальнейшем не отвлекать меня на подобные работы.

Вопрос о нехватке воды для г. Кургана не был снят и после выполнения распоряжения Совмина СССР. Возникла необходимость изыскания возможности пополнения водных запасов Курганского водохранилища в зимнее время. Было решено это сделать за счет одного из пресных озер, имеющего необходимый объем водной массы и расположенного поблизости от Кургана. Как окончательно решился этот вопрос, мне не известно, поскольку 5 марта 1976 года я вышел на пенсию по старости, т. е. через год после положенного срока (я родился 19.02.1915 г.).

За время работы в Пермской и Курганской ГМО мною выполнен ряд научно-производственных исследований, изложенных в докладах и статьях:

1. О ледовых явлениях на Камском водохранилище. Доклад на семинаре инженеров сети УРУГМС, 1960 г.

2. Изучение гидрометеорологического режима Камского водохранилища. Доклад на совещании в Комсомольской ГМО по обмену опытом изучения гидрометрежима водохранилищ и обслуживания народного хозяйства. 1960 г.

3. Схема замерзания и вскрытия Камского водохранилища. Пермская ГМО, 1961 г.

4. О прогнозировании скорости ветра на акватории Камского водохранилища. Пермская ГМО, 1962 г.

5. Ветровые явления на судоходных трассах Воткинского водохранилища при промежуточном наполнении. Практическое пособие

для судоводителей (подготовлено специалистами КамБУП Н. К. Шелгуновым и А. М. Казаковым). Пермь, 1962 г.

6. О способах получения количественных характеристик скорости распространения сточных вод по акватории нижнего бьефа гидроузла в условиях подпора от нижележащей ГЭС. Пермская ГМО, 1966 г.

7. Гидрометеорологические условия судоходства на Камском водохранилище. Пособие для судоводителей. Свердловск, 1966 г.

8. Экологическая эффективность гидрологического обслуживания народного хозяйства Пермской области и методы ее расхода. письмо УрУГМС, № 1 (63), 1969 г.

10. Батометр-бутылка для отбора проб воды с целью определения Информационное письмо УрУГМС, № 1 (63), 1966 г.

9. О возможности высотной увязки водпостов в подпертом нижнем бьефе ГЭС способом водной инвентаризации. Информационное содержание содержания кислорода воды. Информационное письмо УрУГМС, № 1 (63), 1969 г.

11. Номограмма для определения процентного содержания кислорода в воде (рекомендовано для распространения на сети). Свердловск, 1971 г.

12. Методика вычисления экономического эффекта от использования гидрологических прогнозов в деятельности Камского речного пароходства. Информационное письмо УрУГМС, № 1 (72), 1971 г.

13. Перечень на Камском водохранилище в районе проектируемой Ново-Пермской ГРЭС. Пермская ГМО, УралТЭП, 1975 г.

14. О влиянии гидрометеорологических факторов на деятельность рыбохозяйственных предприятий Курганской области. Курганская ГМО, 1975 г.

За время трудовой деятельности в гидрометслужбе получил награды: медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Ветеран труда»; знаки «Ударник 9-й пятилетки», «Ударник коммунистического труда», «25 лет Камской ГЭС», «Участник ВДНХ СССР — 1967 г.» (свидетельство № 306669).

Согласно трудовой книжке, с 1951 по 1976 гг. имел 32 поощрения, в том числе отмечен ценным подарком и денежными премиями.

Работая в подразделениях УрУГМС, я выполнял и общественную работу. Так, в Пермской ГМС в 1948—1953 гг. и в Пермском ГМБ в 1955 г. был профоргом. В Пермской ГМО много лет работал председателем МК, являлся им и в Курганской ГМО. Несколько лет состоял членом Уральского теркома авиаработников. В 1971 году окончил 2 недельные курсы председателей ФЗМК при Уральском теркоме авиаработников, а в 1972 г.—Университет марксиз-

маленннзма, факультет международных отношений.

Выйдя на пенсию, я не порывал с гидрометслужбой. Остаюсь ей верен и душой не расстаюсь с ней до сих пор.

ПЕРЕГЕРИН

Николай Фомич —

участник Великой Отечественной войны,
ветеран Вооруженных Сил СССР

Родился 19 декабря 1919 года в сибирском селе Горбы (Красноярский край) в семье крестьянина. В 1933 году окончил семилетку, а в 1936 — сельскохозяйственный техникум по специальности помощника ветеринарного врача. По специальности не работал, так как в том же 1936-м году по призыву Красноярского крайкома комсомола уехал работать во второй вагонный участок Красноярской железной дороги. Работал слесарем-автоматчиком, осмотрщиком вагонов, а после окончания 6-месячных курсов — поездным вагонным мастером в г. Красноярске.

25 сентября 1939 года призван в ряды Вооруженных Сил в пешотные войска г. Красноярска, где служил до начала Великой Отечественной войны. К сентябрю 1941 года в г. Красноярске был сформирован 261-й отдельный сибирский лыжный батальон, в составе которого я выехал на фронт.

6 декабря 1941 года в районе Крестцы, Молвотница, Новая Русбой с немецко-фашистскими захватчиками. Воевал до мая 1942 г. са на Северо-западном фронте наш батальон впервые вступил в лыжном батальоне, а с мая до ноября 1942 г. — в 86-й Отдельной бригаде станковым пулеметчиком.

24 ноября 1942 года на реке Ловать под г. Демьянском был тяжело ранен и отправлен на лечение в госпиталь г. Соликамска Пермской области. После излечения в июне 1943 года был направлен на Орловско-Курскую дугу, участвовал станковым пулеметчиком в освобождении Орла (в честь освобождения Орла и Белгорода 5 августа 1943 г. был произведен первый салют).

В составе Центрального, Брянского, затем 1-го Белорусского фронтов я участвовал в освобождении городов Белоруссии, Польши и взятии Берлина. Имею 4 ранения (одно тяжелое и три легких).

После окончания Великой Отечественной войны с мая 1945 г. по январь 1951 г. служил в штабах группы войск в Германии.

1 июля 1970 года демобилизован из рядов Вооруженных Сил по возрасту с должности заместителя начальника отдела объединения в звании подполковника. Имею 18 правительственных наград, из них орден Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги».

После демобилизации из рядов Вооруженных Сил 7 лет работал инспектором отдела кадров Свердловской нефтебазы, а с 1977 г. — инженером Уралгидромета.

Имею двух дочерей, сына и 8 внуков.

СТЕПАНОВ
Николай Дмитриевич —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда

Наступала весна 1939 года. Закончив учебу в Казанском сельскохозяйственном институте, мы сдавали выпускной экзамен. После экзамена нам объявили, что нас, 12 комсомольцев, вызывают в Москву в Сельхозотдел ЦК КПСС. В ЦК с нами беседовал т. Оларин о необходимости поехать работать на Дальний Восток. В Харьковском крайЗУ нас распределили по МТС. Однако работать в МТС пришлось недолго. Осенью 1939 г. я был призван в армию, в зенитно-артиллерийский дивизион на юг Биробиджана. В 1941 году был направлен под Владивосток на курсы комсостава, по окончании которых в звании лейтенанта продолжал службу командиром взвода разведки и пом. нач. штаба зенитного артиллерийского дивизиона вблизи Благовещенска.

В ночь после объявления войны с Японией части 2-й КА (2-го ДВ фронта) заняли исходные рубежи — в том числе и наш артдивизион: — на окраине Благовещенска. Саперы наводили переправу через Амур. Вся артиллерия, сосредоточенная на рубеже, велла непрерывный огонь по береговым опорным пунктам японцев. За ночь все части переправились и вступили в Манчжурию. Предстояло совершить удар в направлении Цицикара. На пути наши части разгромили несколько укрепрайонов, чему немало содействовал точный огонь зенитных батарей по амбразурам и другим огневым точкам японцев. Обучение стрельбе по наземным целям и тренировки, которые проводили на своей земле, дали результаты.

Среди японцев было немало самураев-смертников. Продвигаясь вперед, части и наш артдивизион вечером заняли позиции перед очередным укрепрайоном. Близилась ночь. Зная повадки самураев, расставил секреты. Среди ночи с одного из них донеслись автоматные очереди — и тут же от другого. Быстро к ним. Бойцы в секретах на местах доложили — ползли к штабу несколько человек, подпустили их и уничтожили. Сменил места секретов и бойцов, а с рассветом нашли самураев-смертников, под одеждой обернутых флагом: на белом шелке красный круг — эмблема Страны восходящего солнца. С утра началась атака укрепрайона, и к полудню гарнизон прекратил сопротивление.

Через несколько дней Цицикар был освобожден, и вскоре Казанская армия капитулировала.

Вернувшись в Свердловск, с 1948 года работал в зерновом управлении облсельхозуправления, где кроме выполнения основных задач постоянно взаимодействовал с отделом по обслуживанию сельского хозяйства управления гидрометслужбы, считая агрометеорологическое обеспечение сельского хозяйства важным делом повышения его производительности.

В 1950 году перешел работать в отдел по обслуживанию с-х управления гидрометслужбы.

В эти годы коллектив отдела проводил большую работу по организации агрометеонаблюдений, проверке методов оценки агрометеусловий, составлению агрометеопрогнозов применительно к Уралу. Проявляя инициативу в улучшении обслуживания, коллектив отдела издал информационные письма для работников сельского хозяйства по использованию материалов гидрометслужбы, брошюры «Погода и посевы», «Агрометеорологические расчеты в сельском хозяйстве», «Погода на Среднем Урале», «Краткий агроклиматический справочник по Свердловской области». Работники отдела участвовали на областных с.-х. выставках, проводили занятия на агрометеорологические темы в школе колхозных кадров, сельхозинституте, на курсах и семинарах.

По инициативе коллектива отдела составлялись краткие агроклиматические описания зон отдельных метеостанций, имеющих многолетние наблюдения. Такие описания предназначались для работников колхозов в зоне станций.

С 1964 года в отделе агрометеопрогнозов происходили дальнейшие качественные улучшения в обслуживании сельского хозяйства. Становилось необходимым информировать с.-х. органы не только на основе точечных наблюдений (какими являлись наблюдательные участки), а по площадям. Отделом стали проводить авиаобследования посевов, а на станциях — маршрутные, в том числе и запасов влаги в почве. Измерение влагозапасов в почве на многих полях было облегчено методической разработкой, выполненной ст. инженером отдела Э. А. Кожушиным. Был разработан способ определения запасов продуктивной влаги в почве по процентам влажности без переводных коэффициентов. Кроме того, ему же был предложен пересчет запасов влаги в полуметровом слое на запасы ее в метровом слое, что при обследовании многих полей избавляло от бурения почвы на метровую глубину.

Был освоен и стал составляться прогноз среднего областного урожая яровой пшеницы и валового зерна.

Для станции в отделе были разработаны альбомы накопления погодичных метеорологических и агрометеорологических данных. Такие, частично заполненные, альбомы были разосланы станциям

с указаниями, как вести их в дальнейшем и использовать для информирования работников сельского хозяйства.

Инициатива, поиск нового, стремление к постоянному совершенствованию обеспечения агрометеорологической информацией работников сельского хозяйства всегда присутствовали в работе коллектива отдела.

САЛЯЕВА

Саяра Хисматуловна —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда

Я, Саялева (Казасва) Саяра Хисматуловна, родилась 5 августа 1923 г. в с. Терсюк Курганской области. Детство и юность прошли на слиянии Оби и Иртыша г. Ханты-Мансийска. Отец и мать работали на строительстве этого города. В 1941 г., в мас, мы с матерью приехали в Свердловск (отца в живых не было). В июне началась война. Поступила работать учеником токаря на фабрику «Уралобувь» — днем работала на фабрике, вечером, по зову комсомола, училась на курсах медсестер. В выходные дежурила в эвакогоспитале около раненых. А в 1943 г., 16 января, в газете «Уральский рабочий» появилась статья «Танковый корпус — сверх плана». Весть об этом облетела весь Урал. И хлынул поток заявлений. Их поступило свыше ста тысяч — в двенадцать раз больше, чем было нужно, рабочих рук. Командиром корпуса был назначен генерал-майор танковых войск Г. С. Родин, отбирали лучших. В этот корпус как лучшие выпускники курсов медсестер приняты были и мы — 33 человека. Формировались вместе с разведчиками на пивном заводе. Перед отправкой нас на фронт первые секретари Свердловского, Челябинского, Пермского обкомов партии от имени трудящихся Урала зачитали наказ: «Примите боевое знамя и с честью пронесите сквозь огонь суровых битв как волю людей родного Урала. Ждем вас с победой!».

На торжественных проводах на фронт, преклонив колено перед знаменем, мы дали клятву: «Выполним наказ и вернемся на родной Урал только с победой!».

10 июня 1943 г. корпус прибыл в Подмоскowie и вошел в состав 4-й Танковой армии. Первое боевое крещение мы получили на Курской дуге. И первый салют Родины 5 августа 1943 г. — доблестным войскам за освобождение Орла и Белгорода — был в честь уральских добровольцев. За два года участия в Великой Отечественной войне Уральский добровольческий танковый корпус прошел от Орла до Праги 5500 км, в том числе с боями — более 2000 км. И наш танковый корпус стал 10-м Гвардейским Ураль-

ско-Львовским Краснознаменным орденом Суворова и Кутузов добровольческим танковым корпусом. В самой гуще событий — бою — были и мы, медки (врачи и сестры), ведь вся тяжесть и спасению раненых бойцов ложилась на наши хрупкие плечи и руки. В настоящий момент даже трудно представить, как могли мы такие маленькие, таскать раненых бойцов в палатки, раздевать, приводить их в сознание, переливая им крови (часто отдавая свою т. к. ее не хватало), относить их в операционную, где врачи делали операции. После мы их забирали снова и ухаживали за ними до отправки в госпиталь.

17.04.44 г. Под огнем противника оказывала помощь офицерам и бойцам на поле боя. За смелость и мужество при оказании помощи (хотя и была сама ранена, не ушла с поля боя) представлена к правительственной награде — медали «За отвагу» — так гласит приказ корпусного врача Семиколенных.

17.08.44 г. Работая сестрой эвакогоспитального взвода, проявила себя как одна из чутких и заботливых сестер при выполнении назначений врача. Чутко ухаживала за тяжелоранеными — представлена к правительственной награде — медали «За боевые заслуги» — гласит второй приказ корпусного врача Семиколенных.

За добросовестный труд как лучшая медсестра была награждена знаком «Отличник санитарной службы».

Имею медали: «За освобождение Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В 1945 г., в октябре, была демобилизована и вернулась в свой родной город Свердловск.

С 1945 по 1949 г. работала медсестрой в издательстве «Уральский рабочий». Была секретарем комсомольской организации — награждена грамотой.

С 1955 по 1961 г. работала комендантом в Уральском государственном университете им. Горького. Много раз была награждена премиями и грамотами — за хорошую работу. А с 1961 по 1980 г. работала в Уральском территориальном управлении по гидрометеорологии и контролю природной среды, много раз отмечена премиями и грамотами за добросовестный труд. В 1980 г. ушла на пенсию.

ТОПОРОВ

Василий Васильевич —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран Советской Армии

17 февраля 1945 г. с 8 утра до 20 часов вечера я со своей саперной ротой 138 ОСБ 4-го Сталинградского Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова мехкорпуса держал село Диво-Венгрия: отбил две атаки противника и перешел на оборону г. Календиче, что стоит на р. Грон. Здесь занял оборону и продержался до 23 февраля с боями, был обстрелян по левому флангу противником — минометным огнем — и один раз по правому флангу своими минометчиками (ошибочно). Потерял в результате этого 10 саперов (убитыми и ранеными).

Оставшимся в живых саперам пришлось еще восстанавливать переправу через р. Грон. Под налетом авиации противника это было очень трудно. Переправа была очень нужна для перехода с левого берега р. Грон на правый: для отдыха от сильных боев в Венгрии и пополнения корпуса солдатами, техникой и вооружением.

23 февраля 1945 г. воинами 4-го Гвардейского мехкорпуса отмечалась 27-я годовщина Советских Вооруженных Сил. Были награждены отличившиеся в боях за освобождение Венгрии орденами Советского Союза, в том числе и я был награжден орденом Красной Звезды.

УЛЬЧУГАЧЕВ

Сергей Никитович —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда

Родился я в 1926 году, 2 апреля, в селе Половинка Ширинского района Красноярского края. Когда исполнилось 17 лет, подал заявление о досрочном призыве в Красную Армию, но сразу меня не взяли из-за малого роста — 148 см и малого веса — 47 кг. В июле рост стал 150 см и вес достиг 50 кг. В ноябре моя мечта осуществилась: ушел из 9-го класса в армию. После окончания школы радиоспециалистов в Новосибирске был направлен радиотелеграфистом на фронт. С 8 августа 1944 года воевал в составе 138-го Отдельного полка связи 3-й Гвардейской танковой армии. Прошел от Львова до Берлина и далее освобождал Прагу. Нашему полку было присвоено имя — 138-й Отдельный Львовско-Берлинский ордена Красной Звезды полк связи. После войны оставались за границей: в Чехословакии, Австрии, а в июле 1946 года были направлены в Германию. Демобилизовался по болезни 30 сентября

1947 г. радиотелеграфистом первого класса и звании старшего сержанта, в должности помощника командира взвода радиороты (февраля 1948 по октябрь 1949 года) работал радистом связи тресты «Хакасзолото». С ноября 1949 по июнь 1950 года — з/в. радиоузлом в совхозе «Половина». 12 июля 1950 года перешел старшим радистом в Красноярское управление Гидрометслужбы. За 6 лет направлялся на ряд сетевых радиометстанций и выполнял работу старшего радиста-метеоролога, техника-метеоролога, начальника радиометстанции, старшего радиотехника пусковой радиостанции. В 1956 году переводом был направлен на работу в Свердловскую гидрометеошколу, которую с отличием окончил в 1954 году. 19 августа 1956 года приступил к работе в должности начальника учебной гидрометстанции. В сентябре 1961 года переведен на должность преподавателя предмета «Производственное обучение по приему на слух, передаче на ключе и работе на радиостанциях». В 1963 году заочно с отличием закончил Всесоюзный московский гидротехникум и в июле был назначен заместителем директора Свердловской гидрометшколы по учебно-воспитательной работе. В этой должности проработал (с перерывом) 15 лет. Общий стаж в гидрометслужбе 35 лет, из них 29 лет — в Свердловской гидрометшколе. Работу прекратил по болезни — инфаркт миокарда. Инвалид второй группы пожизненно с 25 июля 1985 года. В настоящее время состояние здоровья стало лучше.

В период сознательной трудовой деятельности мне везло на хороших, отзывчивых людей — как в период службы в Красной Армии, так и в труде, после демобилизации. Имею правительственные награды за участие в боях и юбилейные послевоенные. В период работы в Свердловской гидрометшколе многократно поощрялся грамотами, премиями, занесен в Книгу почета школы, награжден нагрудным знаком «Отличник Гидрометслужбы СССР» в 1965 г., медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», медалью «Ветеран труда». Имею награды от ЦК профсоюза авиаремонтников и от Госкомгидромета СССР.

Очень хорошие воспоминания остались в памяти от встреч и постоянного общения, бесед с Ф. М. Силиным, О. В. Кириной — директорами СГМШ прошлых лет, а также о М. В. Лилеве, Т. Н. Панове, В. П. Овчинниковой, В. Н. Бабченко, А. Н. Мальцеве. Я постоянно ощущал их доброжелательность, простоту и чуткость. До сих пор приятно встречаться с С. И. Мартыновым и его супругой Надеждой Яковлевной, Г. П. Коноваловым и другими ветеранами гидрометслужбы Урала. Оставляют теплые чувства на сердце встречи с П. К. Тарамженным, с которым мы знакомы более 30 лет, с А. А. Успиным. Даже короткие встречи с ними вселяют бодрость. Я очень доволен окружающими меня добрыми, отзывчи-

выми товарищами, особенно сейчас, когда я еще полностью не выздоровел. Благодарен моим коллегам по работе во главе с Б. Г. Шашковым, С. Г. Тороповым и его супругой А. Г. Тороповой. Всегда идут навстречу И. Ф. Коноплин и его подчиненные, работники обсерватории, всегда дарят улыбку.

ХАЛЕВИЦКИЙ
Зиновий Захарович —
участник Великой Отечественной войны,
ветеран труда

По окончании средней школы (с. Черное, райцентр, Одесская область) в 1940 г. я подал заявление на учебу в Киевский институт кинематографии на режиссерский факультет. Но этой ученической мечте не суждено было сбыться. Ответ пришел разочаровывающим: поступать в институт разрешалось лишь в том случае, если военкомат подтвердит факт освобождения меня от воинской службы. Дело в том, что в том же 40-м году вышел правительственный указ, согласно которому юноши, окончившие 10 классов средней школы и не освобожденные по состоянию здоровья от воинской службы, по достижении призывного возраста подлежали мобилизации в армию без всяких исключений.

Делать было нечего, я и два моих товарища рассуждали так: если по указу путь в институт закрыт, значит, надо поступать либо в танковое, либо в авиационное училище. (В то время по нашим понятиям, это были самые почетные, как теперь иногда говорят — престижные военные специальности).

Итак, я подаю заявление на учебу в Краснодарское военно-авиационное училище (по объявлению в газете «Комсомольская правда»). Приют. Моих одноклассников медицинская комиссия забраковала, хотя, по моим понятиям, физически они были здоровее меня.

1 октября 1940 г. — я курсант этого училища. Учусь по профилю летчика-наблюдателя, то есть штурмана. Теоретические занятия (авиационная техника, штурманские расчеты, оптические прицелы и т. п.) с первых месяцев перемежались с учебными полетами: ознакомительные для ориентировки на местности с воздуха — на самолете У-2, стрельба по воздушным и наземным целям — на Р-5 (довоенный самолет-разведчик), затем различные виды учебных операций на тяжелом бомбардировщике ТБ-3.

Училище возглавлял комбриг Крассовский — прославленный авиатор гражданской войны, после Великой Отечественной войны — он известный маршал авиации.

Здесь следует сделать любопытное отступление. О том, что А. Я. Майзенберг — сотрудник Уральского УГКС, бывший кад-

ровый военный, работал синоптиком, мне было известно. Но то, что он работал синоптиком на аэрометстанции Краснодарского авиаучилища в то же время, когда я учился в нем, я узнал случайно в декабре 1978 г. на товарищеском ужине по случаю 55-летия П. И. Меремьяниной — ст. инженера отдела гидрологических прогнозов Свердловского бюро погоды. Стало быть, еще в 1940 г. я летал по маршрутным прогнозам погоды, которые составлял А. Я. Майзенберг. Конечно, в то время знать этого я не мог, — к. вхожими в метеобюро были только наши летчики-инструкторы.

И еще одна ниточка свердловской жизни 60—80-х годов меня связывает с тем, теперь далеким, 1940 годом. Одновременно со мной начал учебу в авиаучилище Федор Дмитриевич Егоров — ныне директор Свердловской картфабрики. Мы были в одной авиаэскадрилье, но в разных учебных отделениях. Но, как это бывает в жизни, сошлись и дружили, будучи курсантами. В мае 1942 года наши пути временно разошлись по причинам, описанным ниже.

В апреле 1941 г. всех курсантов учебной эскадрильи, в состав которой я входил, переводят в Ярославскую военно-авиационную школу. О начале войны с гитлеровскими захватчиками нам, курсантам, стало известно днем 22 июня 1941 г. Нам тогда было по 19—20 лет. Но мы как-то быстро повзрослели: каждый считал своим долгом быть на фронте. Заявления об отправке на фронт не принимались. Нам объясняли: когда нужно будет, тогда по условиям армейской службы нас и направят. В октябре 1941 г. Ярославскую военно-авиационную школу переводят в с. Чердаклы Ульяновской обл. Продолжали там учебу в основном классным порядком. Шли разговоры, что ожидается переучивание на новых типах самолетов. А пока что... часть наших учебных самолетов Р-5 и ТБ-3 отправилась для фронтовых нужд. В феврале 1942 г. неожиданно нам объявили приказ о передислоцировании школы на Кавказ, но куда — не сказали. Оказалось: привезли в г. Грозный. 12 марта 1942 г. новая команда: грузиться в эшелон. Прибываем в станцию Прохладную (Краснодарский край), где мы были дней 10. Здесь объявили нам, что в силу необходимости мы будем оформлены в маршевые роты для отправки на фронт. В составе маршевой роты следуем через Новоросси́йск, Анапу, далее вдоль Черноморского побережья пешим строем пришли в г. Тамань. На рассвете — посадка на баржи. Плыдем через Керченский пролив. Появляются над нами 3 немецких самолета. Бомбят, но все мимо. Надо сказать, что первое боевое крещение было страшным: кругом вода, многие вспомнили, что они и плавать-то не умеют. Казалось, слс-еле двигаемся, а хотелось быть в Керчи немедленно, где под ногами была бы твердая земля. Но все обошлось благополучно. В Керчи получаем винтовки и повзводно мар-

шем идем на передовую линию. По пути вновь нас бомбят с бреющего полета на вспаханном поле. Уже не так страшно: по команде «самолет» рассредоточиваемся в выемки, где борозды поглубже. Правда, двоих легко ранило осколками.

Постепенно к налетам немецких самолетов привыкаем. Где-то в районе Семи Колодязей (это на Керченском полуострове) нам объявляют, что мы теперь рядовые такого-то полка, такой-то дивизии, такой-то армии (сейчас не помню, но, по послевоенным данным, это 417-й стрелковый полк 157-й дивизии 51-й армии).

Мы тогда, может быть, даже не успели попасть в список какой-нибудь части, а просто с ходу были брошены в бой с задачей остановить продвижение немцев с района Феодосии в направлении на Керченские сопки. Но это не получилось, со всей массой отходящих войск оказались кто где: я с оставшимися в живых бывшими курсантами нашего отделения — в районе Камыш-Буруна, другие — в районе военно-морской базы, которая находилась между Камыш-Буруном и Керчью. (В числе других оказался и Ф. Д. Егоров, который вместе с нашим однокурсником Падалко пытался на плоту из бревен переплыть Керченский пролив. Им повезло — их подобрал наш военный катер).

Продолжу рассказ о первых днях пребывания на передовой линии. По команде занимаем рубеж обороны. Вечером выполняем команду: «В атаку!» Отогнали немцев на километров 8—10. Окопались (рыли индивидуальные ящечки). Днем еще раз пробовали атаковать немцев, но безрезультатно, т. к. почти весь день над нашими позициями летали немецкие и румынские самолеты (поочередно) и с бреющего полета пулеметным огнем пресекали наше наступление. Затем под превосходящим минометным и пулеметным огнем противника (у нас почему-то минометной и артиллерийской поддержки не было) начались дни отступления в сторону Керчи. Днем удерживаемся в окопах, ночью отступаем.

13 или 14 мая 1942 г. (точно не помню) разрозненные и плохо управляемые наши подразделения в районе морского порта г. Камыш-Буруна немецкими танками были прижаты к берегу Черного моря. Немецкие самоходки вдоль крутого берега отступавших расстреливали в упор. В районе порта я с однокурсником авиачилиша Васей Лисицыным занял оборону в развалинах какой-то портовой будки в сторону появившихся немецких мотоциклистов. В этой будке были еще трое красноармейцев других частей, и в грохоте разрывов артиллерийских снарядов и пулеметно-автоматной стрельбы мы не заметили, как к нам в спину были нацелены пистолеты-пулеметы немецких автоматчиков. Так я и все другие, кто был в этой портовой будке, оказались в плену у немцев.

Многое из того, что творилось на нашем участке Крымского фронта, для нас, впервые вступивших в бой с ходу, было непонят-

ным. В воспоминаниях крупных военачальников Советского Союза и в истории Великой Отечественной войны о поражении Крымского фронта упоминается очень кратко, как о неудачной весенней операции. Из книги «Керчь», повести-хроники в документах, воспоминаниях и письмах участников героической защиты и освобождения города в 1941—1944 гг. (М.: Политиздат, 1981, 199 с.) можно получить общее представление о боях на Крымском фронте в мае 1942 г.

Стр. 88. «Утром 8 мая немецко-фашистские войска перешли в наступление против войск Крымского фронта. К исходу дня враг прорвал оборону 44-й армии и вклинился в наши боевые порядки на глубину до 8 км.

События развивались стремительно...».

Стр. 89. «Из донесения командира 276-й стрелковой дивизии 44-й армии от 10 мая, в котором говорится, что в соединении осталось всего 369 человек, боеприпасы имеются лишь на руках у бойцов, продовольствия и горячего нет».

Там же: «Используя превосходство в танках и авиации, враг 13 мая прорвался через Турецкий вал и стал развивать продвижение в сторону Керчи...».

В этих событиях я непосредственно участвовал в составе 417-го стрелкового полка, о котором упоминалось выше.

Стр. 90. «Утром 14 мая ожесточенные бои шли в пригороде Керчи. За каждый дом, улицу, камень... Город пылал. Части наших войск, ведя самоотверженные, жестокие бои, вынуждены были отходить в район порта, где продолжалась эвакуация гражданского населения, раненых, женщин и детей...».

Стр. 91. «Несмотря на яростный обстрел врага, всего с 14 по 20 мая удалось эвакуировать на Тамань 120 тысяч человек».

В книге «Керчь» упоминается фрагмент воспоминаний об этих тяжелых событиях бывшего командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова, где должно быть описано много интересного, чего мы, рядовые, не знали. К сожалению, в областной библиотеке им. Г. В. Беллинского мемуаров Д. Т. Козлова не оказалось.

В книге «Пролив в огне» (авторы Мартынов В. А., Спахов С. Ф., Киев: Политиздат Украины, 1984 г.) события с момента прорыва Крымского фронта 8 мая 1942 г. немцами, обороны 44-й армии восточнее г. Феодосии и до полной сдачи противнику Керченского полуострова описываются почти в такой же последовательности, как в книге «Керчь».

Начались тяжелые этапы жизни военнопленных. Из Камыш-Буруна нас повели без пищи и воды пешим этапом на ст. Джанкой. Отстававших в пути пристреливали. В Джанкое набивали товарные вагоны военнопленными и куда-то везли. Эшелон, в кото-

рый я попал, немцы привезли в г. Ровно, где лагерь военнопленных почему-то называли пересыльным. Здесь многих из нас использовали на принудительных работах по ремонту дорог в городе и его окрестностях. Голод, холод, всяческие нечеловеческие надругательства были почти постоянными спутниками военнопленных, не считая тех, кто попадал в специальные лагеря, кому довелось остаться в живых. Многие об этом знают по кинофильмам и книгам. Но в реальной действительности это было намного тяжелее.

В Ровенском лагере нередко строй военнопленных выстраивали по 5 человек в ряду (по-видимому, для удобства счета) без рубашек для осмотра немецкими врачами (военными). После таких осмотров несколько сот человек отбирались, как нам говорили, на транспорт, т. е. на транспортировку дальше, а куда—никто из нас не знал. После одного из таких осмотров я оказался «на транспорте», т. е. в эшелоне советских военнопленных. Везли несколько суток. Как выяснилось позже, конечным пунктом оказался лагерь возле г. Бохум (или Бохольт) в Западной Германии. В нем, похоже, тоже выполнялись функции различных смотров и пересылок. Во всяком случае, после одного из таких смотров я оказался в рабочем лагере для военнопленных № 774 (г. Зоттених), где советских военнопленных использовали в каменных карьерах цементного завода для погрузки камня в вагонетки. Затем, с открытием второго фронта, состав лагеря перевезли в г. Гельзенкирхен (лагерь № 705) для погрузочно-разгрузочных работ на коксохимическом комбинате (или заводе). С приближением англо-американских войск к границам Германии (со стороны Франции) нас спешно переместили в огромный лагерь в г. Гемер. Там военнопленных было более 30 тысяч, из них 4 тысячи итальянцев и около полутора тысяч французов, англичан и американцев. Так, по крайней мере, нам, бывшим военнопленным, объяснили после освобождения этого лагеря американскими войсками 14 марта 1945 года.

Судьба военнопленных в этом лагере была ужасной. Накануне освобождения лагеря американскими войсками многие пленные умирали от голода, т. е. в первые 7 дней выдавалось на сутки около 100 граммов т. н. эрзац-хлеба (в смеси с опилками), а в последние три дня из еды ничего не давали.

Еще трагичнее положение для военнопленных сложилось в первые дни освобождения лагеря. Дело в том, что от длительного голодания стенки кишечника у военнопленных были, по определению врачей, вроде папиросной бумаги и не могли выдержать привычную пищу (разрывались). Но далеко не все могли следовать советам врачей — есть не более 50—100 граммов. А как было устоять необычайно голодному человеку при наличии полноценного американского солдатского пайка?! (Паек выдавался сразу

на три дня в виде галет, печенья, различных консервов, кофе и пр.). В первые дни уже не от голода, а от приема пищи стали умирать по 100—200 человек в сутки. И это несмотря на то, что почти каждый час по громкоговорителям лагерные врачи предупреждали: если не хотите умереть, то еду принимайте только маленькими дозами. Чтобы уберечь себя от соблазна что-либо съесть, кроме рекомендованного врачами (а такой неуправляемый соблазн, вопреки сознанию необходимости сохранения жизни, превалировал, ведь голод — не тетка!), многие товарищи по несчастью даже привязывали на ночь свою руку к руке соседа с целью взаимопресечения попыток неосознанного приема пищи. Лишь через 7—10 дней те, кто выдержал период постепенного перехода от голодания, стали поправляться и принимать более или менее человеческий вид.

К этому времени в лагерь г. Гемера прибыл представитель советской военной миссии в американской зоне оккупации Германии полковник Советской Армии (фамилию не помню), который со своим персоналом принял на учет оставшихся в живых бывших военнопленных. Из наиболее окрепших было организовано несколько отрядов по охране госпиталей с тяжело больными бывшими советскими военнопленными. В один из таких отрядов зачислили и меня—по охране т. н. Марсен-госпиталя в соседнем городе Летмате, в котором содержались на излечении больные туберкулезом. Примерно через полтора месяца больные этого госпиталя были репатрированы на Родину. И нас — состав охранного отделения — также репатрировали, но не на Родину, а в советскую зону оккупации Германии для дальнейшего прохождения воинской службы в частях советских оккупационных войск в Германии. После прохождения соответствующих проверок органами СМЕРШа меня направили продолжать воинскую службу в качестве рядового бойца артиллерийской части 76-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона Резерва главного командования КА, дислоцировавшегося в г. Вальслебен. Примерно через месяцев 8—9 я попал в госпиталь в связи с обнаруженным потемнением правого легкого (по-видимому, это наследие 3-летней жизни в немецких лагерях для военнопленных).

Сохранился в памяти случай посещения г. Берлина весной 1946 г., куда я поехал в качестве переводчика сопровождать подполковника, заместителя начальника госпиталя по политчасти. Удивлению моему не было границ от надписей на рейхстаге: «Мы из Одессы», «Мы из Ленинграда» и т. д. Удивляло не то, что на стенах и колоннах рейхстага не было «живого» места от надписей, а то, как эти надписи делались на стенах и колоннах на большой высоте, соответствующей 2-му и 3-му этажам!

1946 год — год моей демобилизации из армии.

В 1946—1951 гг. учился в Одесском гидрометеорологическом институте. По распределению получил назначение в Куйбышевское УГМС (ныне Приволжское УГМС). Работал синоптиком, а затем начальником АМСГ Красный Кут (Саратовская обл.) до мая 1952 г.

Особенно хорошо запомнился такой случай из того времени. Начальник АМСГ, передавая станцию с учетом моего малого опыта работы, обращал внимание на особую сложность составления прогнозов погоды (по аэродрому) в осенне-зимний сезон по видимости. Дело в том, что АМСГ обслуживало только учебные полеты авиачилища ГА. Требования к прогнозу горизонтальной видимости были жесткие: уже при видимости менее 4 км полеты курсантов училища не разрешались. А на заволжской равнине бичом видимости всегда были частые поземки. «Прежде чем составлять прогноз видимости по аэродрому, — поучал меня бывший начальник АМСГ, — смотри не на карту погоды, а на флюгер: если его доска при порывах чаще подбрасывается вверх, то при поземке пиши видимость более 4 км, а если вниз, то пиши менее 4 км». Надо отдать должное ему — такой признак для прогноза ни разу не подвел. Хотя, если честно, то и сейчас мне не понятен физический механизм такой зависимости.

Май 1952 г. Переезжаю в Свердловск со своей семьей в надежде работать инженером-синоптиком Бюро погоды, на обещанное по переписке с руководством УГМС место. К. И. Сухарев — начальник ОСП предлагает начать временно работать в АМСГ Кольцово, где 50% штата — вакансии. Вынужден согласиться. Возглавлял в то время АМСГ Бзердеревский К. М., затем, с 1953 г., — Кульков В. Ф. Поездка на работу в Кольцово и с работы домой в Свердловск — одно мучение. Транспорт только один — коломбина, — так называли грузовой автомобиль, которым возили работников аэропорта и АМСГ. Для прикрытия от дождя и ветра кузов грузовика был закрыт самодельным ящиком-фургоном. Места в нем — большей частью стоячие.

1953 год. К. И. Сухарев дает согласие на перевод меня на работу в Свердловск, но не в Бюро погоды, а в ОСП в качестве ст. инженера-инспектора. Вскоре повышают меня в должности — зам. начальника ОСП. Работа под руководством К. И. Сухарева — великая школа освоения азов бумажной бюрократии. Вопреки личным предубеждениям оказалось, что во многих случаях без нее прожить нельзя. Хорошо памятен такой случай. После первой инспекции в АМСГ Пермь, проведенной самостоятельно, на меня пришла в УГМС жалоба на трех листах (с оборотами), написанная мелким-мелким почерком. Сухарев дает ее мне и предлагает самому составить ответ автору жалобы. Если кратко, то суть жалобы состояла в следующем. Молодой специалист приехала го

распределению год тому назад после окончания Московского гидрометеорологического техникума с годичной курсовой подготовкой на синоптика (в то время такой способ подготовки синоптиков считался нормальным явлением). Ее фамилию не помню. Жила она в общежитии аэропорта. Родила ребенка. Об отце ребенка в жалобе — ни слова. В условиях общежития ей жить с ребенком очень трудно. От ее родителей никакой помощи она ждать не может. Претензия в мой адрес — не заинтересовался ее трудностями жизни и не помог устроиться с жильем. Объясняю К. И. Сухареву: как же я мог ей чем-то помочь, если она ко мне не обращалась ни по какому вопросу вообще. К. И. Сухарев улыбается и говорит: «Ответ с этого и начинай». Ответ с помощью К. И. Сухарева был написан, одновременно было написано письмо командованию авиаотряда с просьбой оказать ей содействие в получении квартиры. Но пока готовился ответ, я все же две ночи спал плохо, думал: какое она имела моральное право на меня жаловаться, если для этого никакого повода не было.

Позже я много поступавших в ОСП жалоб читал, разбирался на месте (в АМСГ) и готовил на них ответы большей частью в духе школы Сухарева. Оказывается, в жизни жалобы чаще поступают от тех лиц, которые во многом сами виноваты, но горазды «качать» свои права. Бумажная бюрократия в этих случаях играет свою положительную роль. К сожалению, кристально честные, хорошие люди нередко становятся жертвами наговоров или случайных обстоятельств. Они почему-то легко ранимы и беззащитны. К таким людям применять бюрократические бумаги не только нельзя, но просто нечеловечно. Настоящие, т. е. с полным основанием, жалобы встречались в моей трудовой административной жизни почему-то очень редко.

1958 год. Принимаю дела у бывшего заачальника Бюро погоды Покровской Натальи Ивановны. Причина смещения — участвовавшие жалобы на нее в Главгидрометслужбу со стороны некоторых работников БП.

Вторая половина 50-х годов совпала с периодом, когда директивно ставился вопрос об ускоренной замене специалистов-синоптиков, не имевших специального высшего образования, на специалистов со специальным высшим образованием. Такой процесс на практике оказался болезненным. В порядке исключения допускалось использование синоптиков, не имевших высшего образования, но имевших большой опыт работы, инженерную эрудицию и повышавших систематически свой теоретический уровень самообразованием. В категорию таких лиц попали опытные синоптики Федоров Л. А., Иовлева Г. И. и менее опытные Хуторская (Важенина) Л. П., Столбикова Г. А. Синоптик Федоров Л. А., как мне казалось, долго обижался, что его не передвигали на должность

ст. инженера, и болезненно переживал продвижение на должность старших инженеров более молодых синоптиков, но дипломированных.

Не обошлось в управлении и без перегибов в этом вопросе. Так, инженер-синоптик Гудкова Л. И., окончившая в 1944 г. Стерлитамакский учительский институт, к 1960 г. имела вполне достаточный опыт синоптика, инженерную эрудицию, настойчиво, хотя и с трудом, все же осваивала все рубежи и достижения синоптики начала 60-х годов, вносила определенный вклад в изучение региональной синоптики, в достаточной мере курировала методическими работами оперативную сеть в АМСГ и ГМБ (ГМО), чем вполне оправдывала свое положение инженера и ст. инженера Бюро погоды. Однако тогдашний начальник отдела кадров т. Елкин А. С. настаивал на ее неполном соответствии занимаемой должности только лишь по причине отсутствия высшего специального образования. С помощью разъяснений Главгидрометслужбы удалось отстоять Л. И. Гудкову по вопросу ее должностного соответствия, но т. Елкин А. С. и впредь не пропускал случая напомнить, что он, несмотря ни на что, остается при своем мнении. А т. Гудкова Л. И., человек по природе психологически легко ранимый, вынуждена была перейти работать в другое учреждение (ПГМ Свердловской ж. д.). Так управление преждевременно потеряло высококвалифицированного, опытного и уже фактически ведущего в области синоптики специалиста.

Еще когда я работал в ОСП, которому БП было административно подчинено, у меня сложилось определенное мнение об узких местах в деятельности БП и прежде всего — в методической работе. Здесь уместно напомнить, что начало 60-х годов совпало с вершиной расцвета творческих сил Гидрометслужбы. Во всяком случае, мы тогда гордились тем, что в области синоптической метеорологии наша страна занимала передовые рубежи в мире. БП как головной методический орган управления должен был первым внедрять новые методы прогнозов погоды и исследовать синоптические процессы и особенности возникновения опасных и особо опасных явлений своего региона, руководить на союзном уровне этими работами на АМСГ, ГМБ и ГМО своего управления. В те времена отсутствовали такие настольные книги, как руководство по краткосрочным прогнозам погоды, но зато появлялись первые методические указания Центрального института прогнозов и научные статьи по прогнозу отдельных явлений погоды, (грозы, осадков, высоты нижней границы облаков, тумана). Чтобы оживить деятельность БП в этом направлении, необходимо было направить усилия более энергичных и способных синоптиков на выполнение таких задач. Нужны были «живые» примеры. Бюро погоды нуждалось в синоптиках-лидерах — специалистах, которым поверят, за кото-

рыми потянутся другие, в авторитете специалистов, которые привлекают творческую молодежь, т. е. всех тех, кто по-настоящему любит свою синоптическую специальность. В идеале, по-моему, хорош тот синоптик, который сочетает оперативную работу с исследовательской. Но хороших исследователей синоптических процессов вузы не готовят. Их нужно выискивать на месте.

Из опытных синоптиков в 1958 г. работали в БП синоптики первого поколения (которые начали работать в Свердловске еще в предвоенные годы). Это Иовлева Г. И., Корешков С. А., Уласевич А. Д., Федоров Л. А. и синоптики второго поколения (начавшие работать в Свердловске в 50-е годы) — Гудкова Л. И., Поспелова В. Ф., Пряхина Л. Д., Соломенная Г. М., Строгина К. Ф.

Из перечисленных специалистов только А. Д. Уласевич имела склонности и опыт проведения исследований по региональной синоптике, имела опубликованные научные статьи. Но она «завязла» на теме по большим осадкам, над которой намеревалась трудиться еще несколько лет. Положительным было то, что она вовлекла в эту работу тогда еще молодого синоптика К. Ф. Строгину. Л. А. Федоров — умелый синоптик-практик. Но специализировался он узко в области проработок по горности лесов. К этому времени у него имелось несколько публикаций на эту тему в изданиях Главгидрометслужбы.

Будучи новым начальником БП, в этих условиях я принимаю решение попробовать оживить работы по региональным исследованиям личным примером. Ко времени перехода в БП у меня уже имелись опубликованные в журнале «Метеорология и гидрология» два кратких научных сообщения, написанных в период работы в АМСГ Кольцово, и несколько статей, опубликованных в Информационном письме Свердловского УГМС, на организационно-методические темы. Еще работая синоптиком в АМСГ Кольцово, я был наслышан от авиационных синоптиков с многолетним стажем работы о сложности прогноза облачности и осадков при так называемом (на местном лексиконе) северо-восточном натекании воздуха на горы. Некоторые синоптики догадывались, что это связано с формированием орографических вертикальных движений, но как и когда их целесообразно учитывать количественно, ответа не находили. Термин «орографические вертикальные движения» теперь обычный, но в начале 50-х годов (да и в начале 60-х) он признания не находил. Так родилась плановая научно-исследовательская тема «Роль рельефа Урала в выпадении осадков». К этой работе я привлек тогда еще молодого синоптика Л. Д. Пряхину. Через два года результаты работы получили положительную оценку ЦИПа и были опубликованы в журнале «Метеорология и гидрология» (№ 7, 1963). В последующем они вошли в Руководство по краткосрочным прогнозам погоды, ч. III, вып. 3 (изд. 1966 г.). Благодаря

этому научному исследованию свердловские синоптики еще в 1961 год первыми в нашей стране начали применять в оперативной работе расчетный метод прогноза орографических вертикальных скоростей применительно к прогнозу осадков, а затем и авиационные синоптики — по моему методу — к прогнозу высоты нижней границы облаков.

С начала 60-х годов к методической работе в БП все больше и больше привлекались и другие синоптики второго поколения — Л. Н. Евстигнеева, С. В. Полянская, Г. М. Соломенна, К. Ф. Строгина, А. Г. Тарнапольский, Г. А. Устинова и другие. С их участием постепенно наладилось регулярное плановое испытание и внедрение новых расчетных методов прогнозов погоды, подготовлен и издан первый сборник вопросов по региональной синоптике Урала в виде методических записок БП (Информационное письмо Уральского УГМС, № 5 (31), 1962), а затем и раздел «Атмосферные процессы Урала» к Руководству по краткосрочным прогнозам погоды, ч. III (изд. 1966 г.). В дальнейшем в качестве методических пособий для синоптиков АМСГ, ГМБ и ГМО Уральского управления подготовлены и изданы методические записки (рекомендации) по прогнозу гроз (1965 г.), туманов (1965 г.), низкой облачности (1968 г.), ветра (1973 г.), а также серия методических писем.

60-е годы — это годы бурного внедрения в различные отрасли народного хозяйства электронно-вычислительной техники. Понимая ее особое значение в предвычислении карт будущих барических полей и учитывая то, что из-за разницы в пояском времени между Москвой и Свердловском использовать московские будущие карты до выпуска прогнозов погоды не представляется возможным, решаю на рискованный шаг: добиваюсь от Управления службы прогнозов Главгидрометслужбы разрешения на 2-месячную стажировку при вычислительном центре ЦИПа (с 1965 г. — Гидрометцентр СССР) по изучению основ организации применения вычислительной машины в Свердловске для оперативного численного прогнозирования барических полей. Начальник отдела численных прогнозов ЦИПа С. Л. Белоусов, автор московской оперативной модели счета на ЭВМ, осведомившись о моих слишком поверхностных знаниях основ программирования на ЭВМ, счел мою стажировку при ЦИПе нецелесообразной. Но, общаясь со специалистами других бюро погоды (Алма-Аты, Ростова), где также не имели специалистов математического обеспечения, я знал, что они все же смогли организовать счет численных карт на ЭВМ для синоптиков по готовой программе. Иду на прием к начальнику Отдела службы прогнозов Главгидрометслужбы т. Шулейкиной Н. И. Рассказываю ей все, как есть: о желании и необходимости, несмотря ни на какие трудности, освоить основы организации численного счета карт будущего положения, об отрицательной по-

знания на этот счет начальника отдела ЦИП т. Белоусова С. Л., и что мне нельзя возвращаться в Свердловск без задела работ по организации использования ЭВМ для расчета карт будущих барических полей. Нужно отдать ей должное: она прекрасно понимала ограниченные возможности местных БП, понимала необходимость такой работы и чем могла — помогала. Тут же, при мне, созвонилась с военной ГАМС, которую тогда возглавлял полковник Крайченко И. В. — известный по метеорологической литературе военный метеоролог, и договорилась с ним о моей стажировке в ГАМСе при И. З. Лутфулине, авторе одной из первых схем численного прогноза барических полей. Через месяц с небольшим я радостным возвращался в Свердловск с чемоданом, в котором на перфорированной киноплёнке была отбита программа численного прогноза будущих барических полей по схеме И. З. Лутфулина. В сентябре 1966 г. на ЭВМ первого поколения «Урал-2», арендуемой в Свердловском институте ж.-д. транспорта, численная модель прогноза успешно была внедрена в практику работы свердловских синоптиков, а затем, с помощью факсимильных передач, — и на всей сети прогностических органов уральского региона. Лиха беда — начало. Через несколько лет Свердловское БП имело своего первого программиста — Кокареву К. М., с участием которой решались на ЭВМ и другие прогностические задачи.

Эстафету активного испытания и внедрения новых методов прогнозов и выполнения других важных методических работ Бюро погоды подхватили синоптики третьего поколения (это те, которые начали работать в БП во второй половине 60-х годов). Среди них большей инициативой и исполнительностью выделялись Носкова А. Д., Пикмарева Г. К., Назарова Т. И., Палабугина Г. Д.

Здесь уместно вспомнить добрым словом техников-носителей 60-х и 70-х годов, подлинных мастеров своего дела, таких, как Столбикова Г. А., Тронцкая Э. И., Шигаева Л. А., Андреева Т. А., Ерыкалова О. И., Сторожкова Р. И., Тютрина Т. Г., Кулик А. Г. и многих других. Все они отдали не один десяток лет своей жизни работе в Бюро погоды.

За прошедшие более чем три десятилетия мне встречались на жизненном пути около двухсот синоптиков. Почти все они с добрыми человеческими качествами, но разные по уровню знаний, характеру, душевному складу (психологии) и т. д. О некоторых из них хочется дать запомнившиеся характерные штрихи.

А. Д. Уласевич — старейший синоптик. По хронологическому списку зачисления в штат Бюро погоды (1929 г.) она числится за номером 3. Антонина Дмитриевна не просто работала, а работала творчески. Результаты ее многолетнего труда по исследованиям, условий формирования продолжительных осадков на Урале и вторжений холодов из Арктики служат и в настоящее время вспо-

могательным методическим пособием для синоптиков при составлении прогнозов погоды малой заблаговременности. А. Д. Уласевич часто начинала свой доклад на ежедневном обсуждении выпускаемых прогнозов погоды со слов: «У меня тысяча сомнений...». Кто ее мало знал, мог подумать, что такие вводные слова говорят лишь о том, что докладчик ничего определенного не скажет. Но это не так. Такими словами Антонина Дмитриевна лишь подчеркивала необычную сложность синоптических процессов, обстановки. В действительности оказывалось, что она обосновывала свои прогностические выводы не только методическими положениями, многие из которых и сейчас далеки от совершенства. Но могла по памяти назвать несколько подобных синоптических ситуаций, которые она встречала, скажем, лет 15—20 тому назад. И, что особенно всех удивляло, могла назвать не только год аналогичного случая развития атмосферных процессов, но и месяц, и даже число.

Тарнапольский Анатолий Григорьевич. Прибыв в Свердловск молодым специалистом в 1956 г., по обстоятельствам строгих штатных правил того времени (изменение штатно-окладного расписания БП даже на время возможно было только с разрешения Главгидрометслужбы) с первого дня был зачислен на должность старшего инженера, т. к. вакантной должности инженера не было. И он действительно за короткое время зарекомендовал себя ведущим специалистом. Но участию в оперативных дежурствах синоптиков, т. е. быть на переднем крае службы погоды, откровенно предпочитал работы по методической части, в особенности любил быть в роли преподавателя на занятиях синоптиков по техникуму, читать лекции на семинарах и т. п. (В 1962 г. он уволился по собственному желанию в связи с переездом в Одессу на постоянное жительство). Его жена — Марксима Анатольевна, приехавшая в Свердловск одновременно с ним, на работе была полной противоположностью ему. Проявила себя посредственным синоптиком. Но обладала особым, пожалуй, уникальным умением применять ту терминологию в прогнозах, по которой обеспечивалось по действовавшему тогда наставлению более высокая оценка, т. е. попросту говоря, ловчила в ущерб нужной для потребителя информации (для оценки прогнозы удобнее неконкретные или расплывчатые). В вопросе оценки прогнозов в БП ей не было равных (ни тогда, ни сейчас в Гидрометцентре). Поэтому нередко качество прогнозов за месяц и полугодие у нее было выше, чем у ее мужа, обладавшего высокими теоретическими знаниями.

Соломеина Генриетта Михайловна. Зарекомендовала себя способным синоптиком и с достаточными качествами для руководителя (с 1962 г. она — начальник сектора, а с 1964 г. — начальник отдела метпрогнозов). В сложных погодных ситуациях она — сто-

рошница «дипломатических» прогнозов; иногда проявляла манеру оказывать сдерживающее влияние на быстрые и решительные заключения синоптиков о необходимости переходить к предупреждениям о неблагоприятных или опасных явлениях погоды. Ее скептические фразы о предстоящей погоде нередко выражали мнение, противоположное мнению дежурных («а может быть, не следует применять термин «сильный», или «я думаю, что этого может и не быть»), что иногда сбивало настрой синоптика на решительное заключение о резком изменении погоды. Справедливости ради надо отметить, что Г. М. Соломенна всегда искренне сопереживала все удаchi и неудачи синоптиков в прогнозах погоды.

Не хотелось бы, чтобы так было, но, если честно, то надо признать, что в последнее десятилетие среди синоптиков третьего поколения кое у кого появились симптомы зазнайства, выражающиеся в претензии на преждевременный должностной рост, появились амбиции — как реакция на замечания более опытных и старших по должности специалистов. Ясно, что это результат пробелов в воспитании молодых специалистов. Но вот вопрос — где: в вузах или уже здесь, в управлении?

И еще одно негативное явление стало бытовать среди «долгосрочников»: появились признаки недопонимания главного назначения текущих синоптических карт, что только они, несмотря на наличие многосуточных прогностических карт, снимков ИСЗ, информации МРЛ и другой новой информации, могут лучшим образом помочь предвидеть изменения погоды как на сутки вперед, так и на ближайшие 3—5 дней. Боюсь, не перерастут ли такие инженеры в кустарей-синоптиков? Ибо, как только синоптик при чтении карт погоды перестает видеть физические процессы, происходящие в атмосфере, во всей их полноте, совокупности и взаимосвязи, он уже не настоящий инженер-синоптик.

Но в общем и целом, на мой взгляд, синоптики пока правильно понимают свой долг, что самое важное в их работе — это производственная направленность предсказания погоды, что они на своем месте лишь тогда, когда систематически пополняют свои знания достижениями современной синоптики.

Несмотря на отдельные неудачные прогнозы особых уральских погодных событий, что в нашем синоптическом деле неизбежно, а также на наличие различных трудностей управленческого характера, коллектив синоптиков Свердловского БП, а с 1983 г. — Гидрометцентра всегда был в Госкомгидромете на хорошем счету. Оценки по разделу метеорологического обеспечения народного хозяйства и по методической работе всегда были выше 4,5 балла. Поэтому приятно сознавать, что в последнее 30-летие, несмотря на психологические и другие трудности профессии, удовлетворение

результатами труда в целом содействовало и коллективу синоптиков, и его руководителям.

РАЗДЕЛ II

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ ТРУДА

БОРИСОВА

Наталья Ивановна — ветеран труда,
комсомолка 20-х годов

В 1922 году Братский РК ВЛКСМ отозвал меня из Тайги, где жили мои родители, и направил работать в больницу сиделкой по уходу за ранеными (после налета банды Колчака и кулаков). В этой больнице избрали меня председателем МК, а в 1926 г. я была избрана делегатом на съезд Медикосантруд в г. Тулуи. В г. Братске была избрана членом РК ВЛКСМ, членом комитета батрачкома, пионервожатой беспризорных детей, а позднее — зав. школой. По заданию начальника ОГПУ т. Короваева с особым доверием была направлена в Шаманский сельсовет. Все доставила вовремя, но на обратном пути в тайге попала в лапы банды Колчака. Они отобрали лошадь—я ехала верхом—и сильно избили меня; было бы еще хуже, но отбили партизаны. Очень сильно было повреждено лицо. Я долго болела, и только после разгрома войск Колчака и кулацкого восстания иркутские красногвардейцы взяли меня с собой на пароход и в Иркутске устроили в больницу. Пришлось лежать долго: было три операции лица. В начале 1930 года приехала в Свердловск, где по 1934 г. работала в обкоме ВЛКСМ секретарем обл. КК, управделами обкома комсомола. Все эти годы училась в вечернем Комвузе им. В. И. Ленина и была комсоргом комсомольского отделения.

В 1933 году по итогам соцсоревнования наше отделение вышло на первое место; первая премия — экскурсия по 6 городам: Москва, Ленинград, Харьков, Днепропетровск, Киев, Одесса; а мне еще дали грамоту.

После окончания Комвуза была переведена обкомом на работу в редакцию газеты «На смену!» зав. отделом.

В эти годы свердловчане много работали на субботниках строительства Уралмаша. Сначала рубили, корчевали лес, а позднее работали на строительстве первых домов: подносили кирпич, раствор и т. п. Организовывали молодежь по 150—200 человек и каждое воскресенье ходили пешком на Уралмаш. В центре города ра-

ботали на субботниках: на строительстве Дома связи, кинотеатра им. Маяковского, школы № 40, на озеленении парка им. Павлика Морозова и других стройках. На последних субботниках много было работников гидрометслужбы.

С переводом Борисова (мужа) на партийную работу в совхоз НКВД «Исток» меня избирают в комитет комсомола и поручают культмассовую работу. Организуем спортивную работу, драмкружок. Вначале много пришлось играть самой — такие роли, как Любовь Яровая, Наташа в «Чудесном сплаве», Комиссарша, бой-баба и др.

Когда муж стал первым директором Дормашзавода НКВД (сейчас — компрессорный завод), меня избирают председателем жен ИТР. На заводе прежде всего добиваемся организации бани, столовой, библиотеки, медпункта, клуба, детского садика, озеленили территорию завода и всего поселка; начали работать две спортплощадки и спортобщество.

В 1936 году избирают меня делегатом на Первую Всесоюзную конференцию жен ИТР и стахановского движения в Москву, где я выступала (мое выступление было напечатано в московской газете). В 1937 году мужа избирают председателем Октябрьского районского исполкома. Я все еще в комсомоле — с 1920 по 1940 г., почти 20 лет, и только с апреля 1940 года я — член партии.

В управлении гидрометслужбы я работала с 1937 по 1961 г. В годы войны работала в кадрах и председателем МК (неосвобожденным). С 1941 по 1963 г. была членом президиума теркома авиа-работников и внештатным инструктором РК партии.

В начале войны встречали и размещали эвакуированных из Ленинграда, Минска. Позднее все женщины ГМС дежурили в госпиталях, за нами были закреплены 2 госпиталя: в техникуме советской торговли и школе. Во время дежурства ухаживали за ранеными, мыли полы, стирали бинты. Почти все наши женщины были донорами; если требовалось, сдавали свою кровь здесь же, в госпитале. Я была донором с 1941 по 1956 г. Имею значок почетного донора. Все женщины ГМС стирали окровавленное белье раненых: бывало, привезут грузовую машину, свалят во дворе управления, а мы, идя домой после работы, каждая берем по 15—20 штук белья, а то и больше. Опять ночная стирка, а мыла нет. Стирали каустиком, поэтому руки все изъедало. У меня 7-летняя дочь чуть не отравилась каустиком: подумала — сахар, обрадовалась и — в рот, но обошлось.

В войну для коллектива организовали огородничество: раскопали всю горку, посадили картофель, овощи, и были огородные участки еще в Косулино. Все были очень довольны. После войны нашу Лысую горку сами озеленили: насадили деревьев, кустарников.

В 1953 году организовали коллективное садоводство — сад № 1 (гидрометслужбы) на Путевке, который и по сей день существует. Все работники управления в то время работали хорошо и отлично — мы по итогам соцсоревнования получали первые и вторые места. Была организована своя самодеятельность, и ни один праздник не проходил без концерта. И только женщины — они и артистки, и музыканты, спасибо им всем.

Имею правительственные награды: 7 медалей, 30 Почетных грамот, 2 медали ГМС.

ЖУКОВА (УСТИНОВА)
Мелания Дмитриевна — ветеран труда

Родилась 15 декабря 1913 года в г. Свердловске. Первая запись в трудовой книжке появилась 2 апреля 1932 года при поступлении на работу в управление гидрометслужбы. В связи со сменой места жительства с 1934 по 1937 г. работала на метеостанции «Казанка» Омской области.

В 1937 году снова вернулась в Свердловск. Свободного места для меня в гидрометслужбе не было, и я устроилась на ликероводочный завод счетоводом, где проработала до 1939 года.

В 1940 году снова вернулась в гидрометслужбу, работала техником отдела метсети, а с 1941 по 1962 г. — зав. архивом Свердловской гидрометобсерватории. После небольшого перерыва, вызванного семейными обстоятельствами, снова работала техником отделом управления Свердловской ГМО.

В 1968 году вышла на пенсию, но продолжала работать до 1983 года. Мой добросовестный труд отмечен благодарностями, Почетными грамотами и медалью «Ветеран труда». Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а также юбилейными медалями «Двадцать (Тридцать и Сорок) лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В 1943—1945 гг. была донором — отдавала кровь для раненых воинов. Принимала активное участие в общественной работе — избиралась профоргом, народным заседателем в суде. Много лет помогала местному комитету — наклеивала марки профсоюзных взносов в карточки по сетевым подразделениям Уральского УГМС.

В 1986 году в Фонд мира перечислила пятьдесят рублей, за что получила благодарность.

До сих пор сохранились у меня теплые воспоминания о дружном коллективе, в котором я работала в мирное время и в годы Великой Отечественной войны.

Помню, как в годы войны приходилось зимой ездить в лес на заготовку дров для управления гидрометслужбы. В те годы зимы были холодные, морозы доходили до 40—45 градусов ниже нуля, но никто не роптал и не отказывался от такой тяжелой работы.

В осеннее время ездили на уборку овощей в совхозы Елизавет, Косулино, в Арамил, спать приходилось в сараях. Весной 1942 г. вместе с инженером Кузнецовым И. П. поехали на лошади в Палкино, наложили дров на сани много, а потом пришлось самим впрягаться. Разделка дров, топка печей — это приходилось делать нам, женщинам. Руки наши были, как у кочегаров — в трещинах, шершавые, как терка.

ЗЫКОВА

Валентина Александровна —
ветеран труда

Я, Зыкова Валентина Александровна, окончила Одесский гидрометеорологический институт в 1946 году. После окончания института была направлена на работу в Карело-Финское УГМС, где проработала один год, а в ноябре 1947 года, по направлению ГУГМС, переведена в Свердловское УГМС (ныне Уральское УГМС). Свою работу я начала в качестве инженера в отделе гидропрогнозов, где и проработала до 1980 года. Через 5 месяцев была переведена на должность ст. инженера, в качестве которого проработала до 1978 года, в 1979 году переведена на должность начальника отдела гидропрогнозов.

Свою трудовую жизнь в Свердловском УГМС я начала под руководством таких товарищей, как Нежиховский М. С. и Ульябина А. И. Они мне помогли освоить работу гидропрогнозиста.

В первую же весну ожидалось большое половодье на р. Тобол у г. Кургана, а так как там некому было обслуживать народнохозяйственные организации, то меня послали туда. Это было мое первое трудовое крещение. Прогноз наш оправдался хорошо, и народнохозяйственные организации остались довольны обслуживанием.

Определенную трудность в работе 1953—1954 годов вызывал переход к обслуживанию народнохозяйственных организаций Пермской области в условиях зарегулированности реки Камы,

т. к. на нашей территории это было строительство первого большого водохранилища и первой крупной ГЭС.

Большая часть тяжести этого нового дела легла на мои плечи, т. к. все время я занималась составлением прогнозов и обслуживанием народнохозяйственных организаций Пермской области и отвечала за обслуживание энергетики. Для выполнения этих работ приходилось заниматься исследовательской работой. За период трудовой деятельности были составлены методические разработки по многим рекам Камского и Тобольского бассейнов по элементам водного и ледового режимов.

Очень тяжелым в обслуживании оказался 1979 год, т. к. весеннее половодье этого года ожидалось очень высоким и предполагался большой разлив рек в Пермской, Свердловской, Курганской областях и Башкирской АССР. С этими трудностями коллектив отдела и ГМО справились успешно, за что мы были поощрены денежными премиями. В 1967 году была награждена знаком «Отличник гидрометслужбы СССР». В 1969 году мне было присвоено звание «Ударник коммунистического труда». На протяжении трудовой деятельности неоднократно объявлялись благодарности, выдавались грамоты и денежные премии.

Коллектив, в котором я работала, был достаточно дружным — в труде помогали друг другу. Со мной работали такие товарищи, как Калинин Н. В., Сопова Т. И., Кухарева Т. М., Савина Л. К., Исакова А. И., Кац З. Г., Балакина З. И., Верник Л. В., Перфилова М. П., Хрущева О., Сивкова З. и др.

Кроме производственной работы принимала участие в общественной жизни УГМС. С первой же зимы, т. е. с 1948 года, была избрана секретарем комсомольской организации, была председателем профкома Бюро погоды, членом местного комитета, профсоюзом, членом ревизионной комиссии объединенного комитета профсоюза Уральского УГМС.

За все годы работы вместе со всеми сотрудниками УГМС занималась благоустройством города, оказывала помощь подшефной школе № 40 (колка дров), работала на очистке железнодорожных путей ст. Шарташ, ездила на сельхозработы. В пятидесятые годы у нас в управлении, не без участия комсомола, часто проводились вечера, на которых устраивались концерты силами работников управления; работала волейбольная секция, организовывались спортивные мероприятия (эстафеты).

ЗАЙЦЕВА
Павлина Петровна —
ветеран труда

После окончания средней школы, с августа 1942 по август 1946 года, я работала на военном заводе минометного вооружения № 707 (ныне завод «Кургансельмаш», награжденный орденом Трудового Красного Знамени) в отделе технического контроля контролером. В то время на заводе работала исключительно молодежь, даже дети 12—14 лет. Все ребята, что постарше, были мобилизованы и отправлены на фронт. Работать приходилось в две смены по 12, а то и по 18 часов — при переходе на другую смену без выходного дня. Нужно было выстоять, хотя порой недосыпали и недоедали. Однако никто не роптал. Наше поколение воспитано было в патриотическом духе, и мы выстояли, все работали добросовестно, честно. Тогда был девиз: «Все для фронта, все для победы!».

Были организованы фронтовые бригады. Я была бригадиром фронтовой бригады в ОТК. Требовались высокая внимательность, бдительность, чтобы ни одна мина не прошла с браком, чтобы каждая летела прямо в цель, на головы врага. Все работали на совесть и приближали день победы. На заводе иногда не хватало электроэнергии, особенно в ночные часы, ибо в Кургане действовал не один наш завод. Было еще много военных заводов. Когда отключали энергию, молодежь собиралась группами. Пели любимые военные песни, их было много, больше про войну. Молодость свое брала! Песни для нас были все: и хлеб, и воздух, и духовная пища. Они вдохновляли на труд, на преодоление тяготей. В 1944 году я закончила краткосрочные курсы мастеров, стала работать мастером ОТК.

Для меня, двадцатилетней, это была большая ответственность: ведь продукцию сдавали военпреду!

Никогда не забуду 9 мая 1945 г. Я работала в ночь. И вдруг загудела сирена, выключили станки, затем наступила тишина. В это время вбегает начальник цеха Горянский и кричит: «Дороги товарищи, победа!».

Что тут было!

Трудно описать, это видеть надо было: кто смеялся, кто плакал, кто пустился в пляс, обнимали друг друга, целовались! Я и сейчас волнуюсь, когда вспоминаю ту ночь.

Уже 40 с лишним лет прошло, как отмечаем Праздник Победы, а я все это помню, словно было вчера.

Мой труд в военное время был отмечен медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Последующая моя жизнь связана с гидрометслужбой. С марта 1947 г. начала работу учеником техника-наносителя. В то время каждый работник АМСГ выполнял только свою штатную работу, наблюдатель — только метеонаблюдения, аэролог выпускал шаропилоты, техник-наноситель составлял только карту погоды. Работали по суткам, через сутки. Радисты принимали погоду с эфира, настроив радиоприемник и надев наушники. Техник-наноситель сидел рядом, брал исписанные листки с закодированным текстом и наносил данные на карту погоды. Иногда в ночные часы аэропорт отключал электроэнергию, и мы с радистом работали при свете лампы-коптилки (даже не было стекла для лампы), а техник-наблюдатель ходил на наблюдения с фонарем «летучая мышь». Время было трудное, послевоенное, еще была карточная система. Но мы свою работу любили, относились к ней добросовестно, жили надеждой на лучшее. В те годы АМСГ не имела помещения для добывания водорода, для выпуска шаропилотов. Все делалось на открытом воздухе: разводили костер, отогревали баллон, промывали для следующей зарядки. В зимнее время было очень нелегко, но все знали, что трудности временные, никто не жаловался, потому что работу любили. В последующие годы работу техников перестроили. Каждый из нас освоил все виды работ, выполняемых на АМСГ: и наблюдения, и аэрологию, и наноску, и др. Установили взаимозаменяемость, работать стало легче — в две смены. А когда получили новую аппаратуру «Ладога» и стали поступать уже готовые фотокарты, работа техника-наносителя упразднилась.

Со временем на АМСГ были установлены приборы М-63, ИВО. Это значительно облегчило работу техника-наблюдателя, хотя появился новый вид наблюдений — актинометрия.

Я потом уже работала старшим техником по аэрологии и актинометрии и свою работу любила. Тогда еще оклады были низкие, но мы работали не за деньги, а на совесть. Ведь наша работа связана с природой, и нашими были все рассветы, дожди и грозы, снегопады и метели. Нужно было работать оперативно, добросовестно, ибо мы обслуживаем авиацию, отвечаем за безопасность полетов.

Коллектив у нас был грамотный, все с большим стажем работы в гидрометслужбе. Это такие наши старейшины, как Колчанова Прасковья Петровна, Мокшина Анна Ивановна, Копасова Анна Ивановна (Киселева), Туманова Ранса Поликарповна, Бонезовская Нина Кузьминична и др. Все они ушли на заслуженный отдых с АМСГ.

У меня непрерывный стаж работы на АМСГ Курган 29 лет и 6 месяцев. Уйдя на заслуженный отдых, я, однако, не смогла оставаться без работы. Поэтому перешла в Курганскую гидрометобсерваторию на должность курьера, где и тружусь до сих пор. Разношу прогнозы по организациям Кургана, где все меня знают и ждут каждый день с наши и сводками о погоде. Прежде чем идти в разноску, я консультируюсь у дежурного синоптика о ситуации погоды, потому что многие ждут живого слова, а не только то, что напечатано на бумаге. Людям необходимо живое общение со специалистом. Наша служба погоды дает очень нужную информацию для сельского хозяйства, пользуется большим авторитетом в городе и на селе. А я стараюсь поддерживать этот авторитет. Приходится иногда разъяснять специфику нашей работы.

Хотя и небольшие теперь мои обязанности, но они связаны с метеорологией, и я ей верна. И пока я чувствую себя бодро, буду еще трудиться в ГМО.

Старая гвардия не сдастся!

За многолетний добросовестный труд я награждена медалями: «Ветеран труда», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Воспитала и вырастила двоих сыновей: Николай стал летчик 1-го класса Курганского ОАО, а Михаил — юристом.

КРЫМОВ

Константин Николаевич —
ветеран труда

Я поступил в Уральское управление гидрометслужбы в 1938 г. после увольнения из московского треста «Центроспецстройпроект», где семь лет работал в изыскательской партии гидрологом на больших и средних реках Сибири и Урала. Как это произошло?

Последняя моя командировка была на Урал, в Свердловскую область, для обследования плотин старинных заводов с целью их реконструкции в Нижнем Тагиле, Верхней и Нижней Салде, Михайловском, Нижне-Синячихинском, Нейво-Шайтанском и многих других. Кроме обследования плотин нужно было собрать гидрологический материал для расчетов стока по этим рекам, поэтому обратился в Уральское УГМС. Сначала зашел в отдел гидрометсети узнать, какие есть посты и гидростворы на реках, где обследовал плотины. Начальник отдела гидросети т. Купчинова показала мне карту расположения постов, по которым можно было получить многолетние данные, а потом отвела меня в отдел гидрологии: и

ознакомила с начальником отдела Е. А. Черницкой. В отделе работало около двадцати человек инженерно-технического персонала. Приняли меня очень хорошо. Чувствовалось, что в коллективе деловая, серьезная обстановка. Мне это очень понравилось.

Е. А. Черницкая сказала, что, судя по объему моих обследований, выписка данных займет много времени, которого у меня, кстати сказать, было в обрез. Я попросил ее поручить это сделать во внеурочное время сотрудникам отдела, за оплату, конечно. Она согласилась и повела меня к ст. инженеру Арсению Борисовичу Змиену. Он выслушал меня и поручил выполнить работу ст. техникам Беловой и Коробковой. Арсений Борисович очаровал меня своим корректным обращением и своей большой эрудицией в области инженерной гидрологии. Он руководил одной из групп по составлению Гидрологического ежегодника по бассейну р. Камы. Поинтересовался работой в экспедиции и где, на каких реках, для каких проектов я работал. Вскоре в отдел зашла Купчинова, побеседовав со мной минут десять, они спросили, долго ли я еще буду странствовать, т. е. разъезжать, и не хотел ли бы я устроиться на постоянное место. Купчинова сказала, что у них на сети сейчас три вакантные должности начальников гидрологических станций: Курган, Чердынь и Белорецк, а Арсений Борисович, перебив ее, добавил, что и им в отдел нужны тоже гидрологи. «Переходите работать к нам, в УГМС», — предложили они.

Пробыл я в УГМС три дня, и мне здесь очень понравилось. Не было ни суеты, ни сутолоки, как у нас в тресте. На другой день Купчинова пригласила меня в свой кабинет и стала уговаривать перейти к ним на работу. «Вам понравится на гидрометстанции. — говорила она. — Будете там хозяином, там интересная сеть, есть небольшое хозяйство. В Чердыни, например, есть катер, лошадь, квартира для начальника. Подумайте, что вам все время переезжать с места на место. Это ведь нелегко». Я сказал, что подумаю и о своем решении скажу завтра. Конечно, с экспедицией нелегко было расставаться: привычка, много друзей, да и руководитель гидрологической группы Федоров Василий Тимофеевич был прекрасный человек и знающий дело специалист. Но Купчинова все же была права: все время жить на колесах надоест. И я решил перейти работать в гидрометслужбу.

Придя в управление на третий день, я сам зашел в отдел гидрометстанции.

— Ну как? — ласково посмотрев на меня, спросила Купчинова. Предложила сесть.

— Решил переходить к вам, — заявил я ей. А самому сделать как-то страшно и подумалось: «Справлюсь ли, работаю ли?».

— Куда же вы решили поехать?

— В Чердынь, — твердо заявил я ей.

Она сразу, как говорят, взяла быка за рога и повела меня к начальнику управления. Тогда начальником управления был Сулов. Он меня тоже принял очень любезно и спросил, когда я смогу оформиться и приступить к работе, записал мой домашний адрес.

Зарплата меня особенно не интересовала, что очень удивило Купчихову. Но она сказала, что я буду получать 750 рублей. Я дал слово, что через десять дней вернусь и буду оформляться.

Вот таким образом и стал я начальником Чердынской гидрологической станции...

Плыл я по реке Каме на большом колесном пароходе до Березников, а дальше на мелкосидящем плоскодонном электроходе «Прогресс», который мог проходить по мелким перекатам рек Вишеры и Колвы. Август в тот год стоял очень сухой и жаркий, было мелководье на реках. Я любовался живописными видами реки Камы и ее берегов, а потом вошли в реку Вишеру — сказочную уральскую красавицу. Невольно вспомнилась повесть Решетникова «Подлиповцы», которую я когда-то читал. На душе было какое-то отрадное чувство, что еду я в эти глухие края. И я уже не жалел, что поступил в Гидрометслужбу, хотя еще не предполагал, как буду работать и жить. Настроение было хорошее. 18 августа подошли к пристани Серегово. Из-за маловодья к самому городу даже «Прогресс» подойти не мог, и я только издали видел купола церквей, высокие здания старинного города. Никто меня, конечно, не встретил, хотя из УГМС была подана на гидростанцию телеграмма. Пароходик пришвартовался к дебаркадеру, я выгрузился со своими вещами, сдал их на хранение и отправился в город пешком.

По адресу нашел контору станции, но, увы, и там никого не было. Подошел конюх Вилесов, пояснил, что начальник Степучев Федор Иванович уехал в Пермь, а ст. техник Лобов в командировке. Узнав, что я назначен начальником, Вилесов открыл комнату, где была канцелярия гидрологической станции, и передал мне почту, среди которой была и телеграмма из УГМС. Я попросил Вилесова организовать доставку с пристани моих вещей. Он запряг лошадей и через полтора часа привез их. Жена Вилесова поставила самовар, напилась я чаю и лег в конторе спать на набитый душистым сеном матрац. Утром осмотрел город, на что понадобилось немного времени, т. к. город оказался небольшим. Сходил на метеорологическую станцию (тогда гидро- и метеостанции работали отдельно друг от друга, они были объединены в 1940 г.). Познакомился с начальником метеорологической станции Иваном Андреевичем Семисиновым, который принял меня по-отцовски. На другой день Семисинов водил меня по организациям, пред-

ставлял и знакомил. При встрече со знакомыми останавливался и тоже представлял меня.

На третий день возвратился из Перми начальник Степучев. Он бурно ворвался в контору с возгласом: «Ну, наконец!». Долго жал и тряс мне руку. Поговорившись, мы занялись передачей, сверяя имущество по инвентарной книге. Сходили на пристанционный пост, где был причален катер (моторист из-за маловодья находился в отпуске). Побывали в Госбанке, где Федор Иванович представил меня его директору, перевели текущий счет с остатками средств на мое имя согласно доверенности из УГМС. Под вечер мы дружески распрощались, и он уехал, а я дал в УГМС телеграмму, что принял станцию и приемо-сдаточный акт высылаю.

Необходимо отметить, что уже в те годы гидрологические станции Гидрометслужбы снабжались хорошо приборами и оборудованием. Этого, конечно, в экспедиции, откуда я уволился, не было.

Получишь, бывало, нивелир, вертушку, секундомер — и все. А как обеспечить, например, спуск прибора на большую глубину? Думай, изобретай и делай все на месте. Подчас даже не было ездового троса при измерении расходов воды на реках. Приходилось употреблять проволоку, которую разыскивали здесь же. Спасательных средств не было, штанги делали сами из водопроводных труб. На гидростанции все это оборудование имелось в достатке. Например, много разного троса диаметром от 3 до 6 мм, лебедки со счетчиками, специальные рыболовные грузы от 5 до 25 кг, батометры Жуковского для забора проб воды, батометр Полякова для донных наносов, стеклянная посуда, воронки, фильтры, всевозможные бланки для записей наблюдений и геодезические инструменты. Хотя было скучновато одному в конторе и иногда вспоминалось, как Арсений Борисович Змиев предлагал остаться работать в отделе гидрологии УрУГКС, я все же не жалел, что уехал сюда, т. к. очень любил гидрометрию. Занялся проверкой гидрометрических приборов, ознакомился с делами постов.

ГС Чердынь ведала очень большим гидрологическим районом деятельности по рекам Вишере, Колве, Каме с их притоками, и даже были посты на реке Печоре. Всего обслуживали 20 водомерных постов, из них почти половина стоковых. Отдаленность постов от резиденции была большая, и командировки длились не менее 20—25 дней. При тогдашнем малом штате станции и больших расстояниях до постов работа проходила напряженно и в трудных условиях. Как объяснил мне Вилесов, ст. техник Лобов Лев Фаддеевич почти все время находился в командировках по сети постов. Гидрологические посты требовали ежегодного ремонта, контрольных нивелировок свай не менее 2 раз в год. Кроме этого измерения расходов воды (в то время наблюдатели не были обучены раз-

боте с вертушками). На стоковые посты приходилось ежемесячно ездить для измерения расходов воды и летом, и зимой. Ежегодно планировалось несколько инструментальных русловых съемок участков постов, нивелировки профилей до ГВВ, установка железобетонных постоянных реперов, нивелировочная привязка к высотной госсети.

Через неделю после моего приезда на станцию возвратились в длительной командировки ст. техник Лобов Лев Фалдеевич и младший техник Леонид Коротких. В конторе стало оживленно. Мы быстро подружились, и работа у нас пошла хорошо. Лобов мне рассказывал о реках Вишере и Колве, об очень живописных местах. Он был очень трудолюбивым и эрудированным специалистом, имел большой опыт полевой работы, обработки материалов аккуратным в выполнении всех работ, хорошо знал всю сеть.

Штат Чердынской гидрологической станции был укомплектован не полностью, и мы решили просить УГМС, чтобы нам прислали пополнение. В конце сентября приехал техник Балдин К. П. По его согласию командировали его на реку Печору. Дали заявку на дополнительные приборы, т. к. много вертушек требовалось отправить в тарировку. Управление разрешило приобрести вторую лошадь, тарантас, заказать на месте две гидрометрические лодки для проведения паводочных работ на Каме и Вишере. Все наши заявки были удовлетворены.

Гидрологические ежегодники в то время на ГМС не составляли и подсчетом стока не занимались. Выполняли только первичную обработку материалов. Подсчет стока и составление ежегодников делали в отделе гидрологии управления.

В начале октября на нашу станцию приехал инспектор из УГМС Степан Иосифович Шумский. Пробыл у нас десять дней. Совместно с ним ездили на три информационных поста: Редикор, Бондюг и Митраково. Шумский С. И. был инспектор серьезный, знающий дело и в меру строгий.

Конечно, я еще не успел за полтора месяца войти полностью в курс всех дел, но он остался доволен моей работой. Я делал контрольные нивелировки постов и измерял расходы воды, инспектировал наблюдателей, а он только спокойно наблюдал за моими действиями. В акте инспекции дал хороший отзыв. Мне очень понравилось, что Шумский скрупулезно все проверял, вникал во все подробности работы (такого на моей прежней работе никогда не было). Целый день он писал акт инспекции, в котором затронул как специальные вопросы, так и хозяйственные. Лобов сказал, что такой тщательной инспекции здесь не было давно. После отъезда Шумского я окончательно убедился, что перешел работать в ГМС не зря. Работа мне понравилась, и я с большим желанием продолжал свою деятельность.

С управлением была оживленная переписка. Ежегодно проводились совещания начальников речных ГМС. Обычно это мероприятие проводилось в конце февраля, перед весенними инспекциями постов. Несколько начальников делали доклады о работе своих станций, остальные выступали в прениях. Обобщающий доклад о работе гидросети делал начальник отдела гидрометсети или кто-нибудь из ведущих инженеров гидроотдела. При этом была и справедливая критика в наш адрес. В управлении нас принимали радушно. Во всех отделах уделяли нам внимание и время для разрешения разных вопросов. С совещания всегда возвращались домой воодушевленные желанием работать лучше.

Начальником отдела сети тогда был Михаил Ефремович Нежиховский. На ГМС в те годы поступало очень много дельных инструктивных писем (обобщающей инструкции еще не было издано). Нежиховский М. Е. организовал при управлении 6-месячные курсы техников-гидрометров, которыми и пополнялся состав младшего персонала на ГМС. Он же был и основным преподавателем по специальным дисциплинам. На курсы посылали молодежь с ГМС. По окончании курсов люди возвращались работать на станции. Со ст. техником Лобовым Л. Ф. мы ездили в командировки на посты поочередно. Работа у нас шла хорошо.

В 1939 г. началась советско-финляндская война. В 1940 г. от нас ушел на фронт техник Леонид Коротких. Через четыре месяца на него пришло похоронное извещение. Очень было жаль парня. Вместо него на должность техника был принят мой отец, Крымов Николай Ефимович, который до того работал в Вишерской гидрологической экспедиции. Затем был принят еще один техник, Сандалов Владимир Ильич.

Когда началась Великая Отечественная война, управление в целом перешло в ведение Уральского военного округа. Все начальство в управлении стало военным, т. е. все штатские стали военными, получили звания согласно образованию. Начальник УГМС Муравьев был в чине инженер-майора. От нас на фронт были мобилизованы ст. техник Лобов В. Ф., моторист Сергей Осьмушин, рабочий Попов и многие наблюдатели водомерных постов. Остались наблюдателями только старики, а ушедших на фронт заменили их жены. На нашей гидрометстанции остались одни женщины.

Последний мой помощник — ст. техник Сандалов В. И. — в конце концов тоже был мобилизован. Он вернулся после окончания войны тяжело раненным: 9 мая 1945 г., в день окончания войны, ему оторвало при взрыве снаряда ногу. Ст. техник Лобов Л. Ф., рабочий Попов Ваня и наблюдатели постов Чачин, Митра-

ков, Кошелев погибли смертью храбрых в боях за Родину. Вечная им память и слава!

Работать на гидрометстанции стало трудно, но работа не прекращалась, и план работ выполнялся. Все понимали, что ушедшим на фронт во много раз труднее и опаснее. В командировки на посты ходили пешком, а зимой на лыжах, т. к. лошади были истощены, и без запаса фуража в такие дальние командировки их посылать было нельзя. На ГМС имелось сено, а в командировках и его достать было невозможно.

В 1940—1941 гг. гидрологические станции были объединены с метеорологическими, и мы, гидрологи, переселились в большой дом на окраине города, в котором располагалась метеорологическая станция.

В летний период, после проведения паводочных работ, начальников (гидрологов) отправляли на рекогносцировку рек по заданию УралВО. Я тоже откомандировывался на эти работы на все лето, вплоть до глубокой осени. Работа проводилась строго по изданным тогда наставлениям для военного времени.

В 1944 г. приказом по управлению я был переведен для ликвидации прорыва на ГМС Стерлитамак, где проработал до мая 1947 г. После этого с той же задачей меня направили на ГМС Сосьва. Период работы на ней — в течение 18 лет (до апреля 1965 года) — стал самым замечательным в моей трудовой биографии.

Как в Стерлитамаке, так и в Сосьве столкнулся при приеме дел с полнейшим развалом работы, за что там и были сняты начальники этих станций. Пришлось крепко потрудиться, чтобы наладить работу и хозяйство станций. Конечно, не всегда было и у меня все гладко и хорошо: были неприятности и пробелы, но как-то всегда их преодолевал, помогал мне в этом коллектив. Управление также очень помогало в ликвидации беспорядков, с пониманием относилось к моим трудностям. Пришлось штат очистить от лентяев и бездельников.

Хочу привести несколько ярких примеров вопиющих беспорядков на ГМС Сосьва (бывший начальник Зеньков Н. Н.), которую принял в мае 1947 г. Гидрологический ежегодник за 1946 г. не был составлен, запущена первичная обработка текущих материалов, обнаружены подделки в материалах об измерениях расходов воды, предвесенние инспекции отдельных постов не производились; не было дров для отопления конторы, ни сена; ни овса для казенной лошади (зато у начальника были две сытые коровы и полный двор кур). Лошадь доведена до такого состояния, что утром подняться на ноги сама не могла (здоровая лошадь вообще никогда не ложится). Пришлось сделать приспособление и поднимать ее полиспастом. Пристанционный пост (информационный) был в очень плачевном состоянии. Катер бывший начальник сдавал в

аренду конторе «Малые реки» по договору! Впоследствии оказалось, что катер где-то на р. Тавде утопили, и мне пришлось возбуждать судебное дело. В результате деньги за катер перевели в Госбанк, а гидрометстанция осталась без очень нужного плавсредства. Сеть ГМС Сосьва была очень большая. Почти три года потребовалось, чтобы привести сеть и станцию в порядок.

Вспомнил инспектора Степана Иосифовича Шумского и подумал: по-видимому, он не инспектировал станцию давно (раньше начальником работал Сибирцев, о котором я слышал на совещаниях очень хорошие отзывы). Он бы разоблачил и выгнал бездельников. На ГМС Чердынь, когда я принял ее в 1938 г., было всего два техника, и все же там существовал порядок: честные и добросовестные люди, они обеспечивали громадную по объему работу 20 постов и гидростворов, причем очень отдаленных от самой станции.

В годы моей работы на ГМС Сосьва начальником отдела гидрологов в управлении была Валентина Григорьевна Черказьянова, ученица Елизаветы Алексеевны Черницкой и Арсения Борисовича Змиева. Это они, прекрасные труженики и специалисты, передали свой богатый опыт молодому инженеру Черказьяновой, которая впоследствии стала возглавлять очень ответственное и сложное подразделение. Она завоевала весьма высокий авторитет у гидрологов, приезжала на ГМС Сосьва для проведения инструктажа по составлению ежегодников и инспекции.

Хочется отметить также великого труженика, начальника бюро поверки приборов Александра Петровича Дегтярева. С небольшим штатом — три человека инженерно-технических работников — он производил ремонт и поверку гидрометеорологических приборов со всех гидрометстанций Уральского управления ГМС. Впоследствии им была организована и тарифовка гидрометрических вертушек. Это был очень добрый, отзывчивый, трудолюбивый человек. Его все очень любили и уважали. Когда приезжали в УГМС на совещание или в командировку, мы всегда заходили к нему проверить какой-нибудь прибор, и он никогда не отказывал.

На ГМС Сосьва была база производственной практики. К нам ежегодно приезжали студенты Московского гидрометтехникума, Одесского гидрометинститута и Томского университета. По два человека. Приезд студентов очень оживлял обстановку на ГМС. В 3 километрах от р. п. Сосьва, на небольшом притоке р. Сосьвы — речке Пате, был устроен специальный полигон, где они самостоятельно проводили работу (на большую реку их самостоятельно отпускать работать было рискованно). Здесь размещались водомерный пост с огороженным участком, на котором производились инструментальные съемки, гидроствор с гидрометрическим мости-

ком. Вверх по этой небольшой речке студенты производили рекогносцировку на протяжении 5 км.

Я и мои коллеги любили заниматься с практикантами и помогали им осваивать работу. Для материальной поддержки управление всегда оформляло одного из них к нам на штатную должность. Мы старались дать студентам практические знания и навыки в дополнение к теоретическим знаниям.

Полигон нами был обследован так тщательно, что мы всегда могли дать оценку практикантам в правильности их работы. Конечно, практиканты помогали и в плановых работах станции, даже ездили на ближайшие посты. А уезжая, с благодарностью отзывались о практике. Однажды присежал посмотреть базу практики преподаватель гидрологии и гидрометрии Московского гидрометтехникума, после чего нами было получено благодарственное письмо от руководства техникума за хорошую организацию полевых работ студентов.

В 1953 г. на ГМС Сосьва наконец поступил новый катер. Помог в этом зам. начальника УГМС Николай Николаевич Подгайский. Это был очень хозяйственный человек. Конечно, мы мечтали о катере, т. к. ГМС обслуживала отдаленные посты, на которые можно было добраться только водой. На одном из совещаний Николай Николаевич пообещал выделить катер и свое обещание выполнил. Из управления прислали наряд на получение катера в Астрахани, куда я лично сам ездил для оформления документов и отправки его железной дорогой в Сосьву.

На катере ежегодно стали ездить на тасжную гидрометстанцию Портах, что на р. Пелым. Доставляли туда груз, поступивший из УГМС для ГМС Портах, бензин, а заодно производили инспекции водомерного поста. С заездом в Шабурово на р. Лозьве расстояние водой в оба конца составляло 1800 км. Мотор был «Боллиндер» — усовершенствованная нефтянка. Работал он на солярке, и на весь рейс затрачивалось не более 250 кг солярки. Катер обеспечивал и работу на пристанционном водомерном посту. Программа была сложная: изучался жидкий сток, твердый сток, тепловой режим, донные отложения, уклоны, картирование, фотографирование процессов ледообразования и вскрытия. Особенно помог катер весной 1957 г. провести очень интересную работу в половодье при исторически максимальном уровне, когда пойма затоплялась на три километра.

На станции полностью составлялся Гидрологический ежегодник. Производился подсчет жидкого стока по семи пунктам и подсчет твердого стока по створу пристанционного поста. Подготовка к этому шла систематически в течение всего года и обычно заканчивалась в конце февраля. Большую работу по составлению ежегодника и подсчету стока выполняла инженер Н. Г. Скоромных.

Она пришла на работу после окончания 6-месячных курсов гидрологов при управлении, а в дальнейшем получила специальное образование заочно. Проработала на ГМС 20 лет. Вначале эту работу возглавлял я сам, но, конечно, не мог полностью ею заниматься. т. к. отвлекали командировки, хозработы и общее руководство ГМС, проведение паводочных работ. Н. Г. Скоромных в совершенстве овладела делом, и все вопросы разрешались на месте. Техники очень уважали ее за опыт и знания. При моих частых и продолжительных командировках оставалась хорошим заместителем, поддерживала заведенный на ГМС порядок и дисциплину. Каждый год она ездила в УГМС сдавать ежегодник, который всегда принимался без переработок.

Коллектив станции был дружный и работоспособный. Как правило, в конце месяца проводилось общее собрание, на котором обсуждались недостатки в работе прошедшего месяца и намечался план работы на следующий месяц, распределялись между инженерно-техническим персоналом командировки, причем всегда учитывалось желание командируемого. На ГМС был заведен специальный журнал, в котором указывалось, как добираться до того или иного поста, где остановиться переночевать, отдохнуть и т. д., что для новичка являлось ценным. На сети постов проводилось соцсоревнование. В конце года подводились итоги, и наблюдателям сообщались результаты. Победителю вручался переходящий красный флажок. Была хорошо организована техническая учеба наблюдателей постов. Им ежегодно высылались программа, руководящие документы, издаваемые в ГГИ. В конце года высылался опросник, на который они отвечали, и по оценке ответов выводился результат. Большинство наблюдателей были с большим стажем и хорошо разбирались в работе.

Гидрометстанция Сосьва соревновалась с одной из смежных по территории станций. Наша ГМС один раз получила переходящее Красное знамя Уральского управления и вообще всегда занимала хорошее место в соцсоревновании по управлению.

Дрова для отопления конторы и жилых помещений заготавливали коллективно в течение 2—3 дней, а вывозили из лесу на лошади. Так же производилась заготовка сена для лошади. Порядок в конторе поддерживала наблюдатель пристанционного поста Мишина Александра Леонидовна, приурочивая уборку к обеденному перерыву. Она проработала наблюдателем пристанционного информационного водомерного поста более тридцати лет (до того момента, когда контору ГМС перевели в город Красноуральск). Тов. Мишина А. Л. всегда принимала участие при измерениях расходов воды на р. Сосьве.

Самая трудная работа — измерение расходов воды зимой. Со всеми подготовками на это затрачивался почти целый день. В

сильные морозы даже самая теплая одежда не спасала от озноба, т. к. при длительных и трудных расходомерных работах приходилось пребывать на открытом, не защищенном от ветра ледяном просторе. А если испортится сигнализация? Тогда забирай все это устройство и — в дом к наблюдателю. А если наблюдатель живет в 1,5 км от створа? День зимний — короткий. Потерял время, а там, глядишь, и смеркаться начало. Конечно, при такой обстановке и измерение получается некачественное.

Для удобства таких работ нами применялись гидрометрические будки. Их делали обычно на постах из материалов, которые можно было достать на месте. Придумали очень простой способ изготовления. Будка устанавливалась на лыжи и легко передвигалась по линии створа. В сильные морозы в ней можно было топить маленькую печурку. В такой будке был не страшен никакой мороз и работать было удобно, а при измерении расхода взвешенных наносов это особенно необходимо. Многие наблюдатели отказывались измерять зимой расходы воды, пока им не изготовили будки.

Гидрологическая станция пользовалась в поселке популярностью. К нам постоянно обращались местные организации и различные экспедиции за прогнозами и за необходимыми сведениями по режиму рек нашего гидрологического района, по которым у нас был материал многолетних наблюдений. Особенно интересовались гидрологическими сведениями сплавные организации «Сепураллага». По заявкам гидрометстанция распространяла и долгосрочные прогнозы.

В течение 8 лет я избирался депутатом Сосьвинского поселкового Совета и был председателем комиссий: школьной, по благоустройству и культурно-просветительной. Это отнимало, конечно, много времени, занимался депутатскими делами вечерами после работы или в выходные дни.

Ежегодно на гидрометстанцию приезжал инспектор из состава инженерно-технических работников отдела гидрологии управления, что являлось большим событием в жизни ГМС. Инспекция длилась порядка десяти дней. С инспектором разрешались все сложные вопросы по составлению ежегодника и подсчету стока, разные хозяйственные вопросы. Инспектор выезжал на два-три поста, беседовал отдельно с сотрудниками станции, изучал обстановку работы и взаимоотношения сотрудников станции. Ежегодное инспектирование гидрометстанции очень благоприятно сказывалось на работе коллектива в целом, поэтому мы всегда были очень рады приезду инспекторов. Период работы на ГМС Сосьва был самым интересным и плодотворным в моей трудовой деятельности.

Хочется рассказать о весьма интересном событии того периода — об открытии гидрометпоста на р. Атымье — левом притоке

Пелыма. В 1962 г. управление запланировало открыть гидрометпост в верховьях р. Пелым у д. Вершинны. В то время дороги в деревню Вершинна из Ивделя вообще не было и связи не было никакой. Продукты в эту отдаленную деревушку, где жили охотники и рыбаки, забрасывались катером из п. Сосьва один раз в большую воду, т. е. в первой половине июня. Местность представляла собой сплошь залесенную и заболоченную равнину. Почта «шла» из д. Массавы, куда ее доставляли из Шанталево один раз в 10—15 дней. За почтой летом и зимой ходила по лесной тропе 80 км Евдокия Юкланкова — молодая женщина-мансийка.

В начале августа забросили меня в д. Вершинну со всем оборудованием и приборами на вертолете, который попутно летел куда-то на север. Погода стояла благоприятная, и за 10 дней все устройства поста были закончены. Сделана съемка участка и составлены описания, обучен всем видам наблюдений наблюдатель поста, которым стала отважная Евдокия Юкланкова. Ее все звали там Дусей. Конечно, Дусю пришлось уговаривать принять пост, т. к. другой кандидатуры не было. Ее муж, Гусельников, активно участвовал в устройстве ГМП и помог уговорить жену работать наблюдателем.

Обратный путь мне предстоял нелегкий — плыть вниз по р. Пелым до ГМС Портах более 200 км. Так было запланировано и в управлении, т. к. другого пути не оказалось. Послать за мной в д. Вершинну вертолет невозможно, т. к. из-за отсутствия связи нельзя было узнать, когда я закончу все дела. Таким образом, возвращался я по Пелыму на лодке. А в Портахе нужно было к тому же сделать инспекцию.

Лодку мне дал муж наблюдательницы Юкланковой Гусельников с условием передачи ее в Портахе знакомому охотнику. Лодка-осиновка (долбленка) длиной 3 и шириной 0,75 м, конечно, неустойчивая, как говорят там, «верткая». «Не ладно повернешь или наклонишься неосторожно — будешь в воде, а потом на дне». — напутствовали меня манси. Но выхода не было. Конечно, при быстром, хорошем течении особого труда проплыть такое расстояние не составило бы труда и заняло 8—10 часов. Но на том участке р. Пелым течение спокойное, и если не грести, то лодка будет стоять на месте, а при встречном ветре ее даже вверх погонит.

Отправился из Вершинны в 3 часа дня и плыл до 3 часов ночи. А если бы не случился со мной непредвиденный казус, то плыл бы до утра. От сидения в одной позе ныла спина, я устал. Навалилась дремота. В темноте с трудом различал встречающиеся на пути коряги и карги, иногда ветки этих «утопленников» скребли по лодке, хлестали по мне. Ночь была тихая, темная и теплая, берега реки окаймлены огромными деревьями — осинами. Иног-

да слышал шорох в береговых зарослях убежавшего зверья, уханье филина, часто перед самым носом лодки срывались с шумом и криканьем спугнутые утки, на отмелях попискивали кулички. Тайга жила своей обычной почной жизнью.

Вдруг что-то под лодкой застучало, заскребло, и лодка остановилась, немного накрепившись, закачалась. Я от резкой остановки скатился с сиденья, но не упал только потому, что успел схватиться за весло, которое перескинулось поперек лодки. Обрадовался, что не перевернулся, и стал обдумывать, как сняться с якоря. Попробовал покачать лодку — не сползает, только больше накрепилась. Не особенно приятно, думаю, вывалиться в реку ночью. Да и велика опасность утопить документацию, нивелир. Боязни утонуть не испытывал, т. к. уже имел случай весной в холодной воде «купаться» (на р. Салде у впа Прокопьевская Салда). Засучив рукав, осторожно наклоняясь, стал шупать рукой вдоль борта. И обнаружил, что лодка села на сук коряги. Решил подрезать сук ножом. Вспомнил тут слова моего отца, которые мне неоднократно говорил: «У мужчины всегда должны быть при себе спички, деньги и перочинный ножик». Достал свой походный ножик и хотел уже надрезать им сук, но одумался — что, если из руки он сорвется? Достал из мешка веревочку, привязал ножик к руке и стал осторожно подрезать сук. Следил, чтобы в лодку не налилась вода через борт. Сук оказался крепким. Но вот что-то резко хрустнуло, и лодка, качнувшись, поплыла, а из-под днища, забрякав, с всплеском всплыл отрезанный сук. «А мог бы и проткнуть дно», — подумал я. Но все обошлось благополучно.

Плыть дальше не решился, т. к. совсем стемнело, и на первой попавшейся после поворота отмели причалил лодку и вышел на сушу. Привязав лодку к какой-то лежавшей на берегу коряге, стал разминать затекшие ноги и онемевшую спину. Наломал ивовых веток, установил четыре колышка с рогульками и натянул полог, который всегда брал с собой. Комаров у берега была тьма-тьмущая, и они озверело набросились на меня. Но «полакомиться» им не удалось, т. к. я быстро залез под полог. Чалку от лодки привязал к ногам. Под голову положил рюкзак с вещами, убил несколько комаров, успевших залететь под полог, и залег спать. Но вдруг подумал, что сейчас самое дорогое — лодка, т. к. без нее пропадешь тут. Подергал ногой, убедился, что лодка на месте. Прислушался, кругом все тихо, только где-то в заливе тихонько покрякивают утки, изредка плещется крупная рыба, и на отмели за рекой попискивает куличок. Незаметно уснул.

Под утро поднялся туман, у реки стало прохладно, и я проснулся. Очевидно, сон был тревожный, т. к. я боялся за лодку. Дернул чалку — туго, высунулся — лодка на месте. Отлегло сразу

от сердца. Над рекой еще висел белесый туман, но он уже начал редеть. Было 7 часов утра. В лесу пели птицы — верный признак хорошей погоды. Напившись чаю, поплыл дальше.

Туман еще не совсем рассеялся и разорванными клочьями постепенно отрывался от поверхности воды, открывая небольшие пространства на пути. Вдруг впереди послышались какие-то всплески и бульканье. Остановил лодку, замер и прислушался, а через несколько секунд передо мной открылась изумительная картина. Метрах в сорока от меня переплывала реку медведица с двумя медвежатами. Это чудесное зрелище периодически скрывалось, т. к. хлопья тумана чередовались с просветами. Просветы короткие, и я даже сфотографировать не успел. Пловцы быстро достигли берега, вылезли, отряхнулись и скрылись в зарослях. Не могу себе представить, что было бы, наткнись я на эту семейку.

Река очень извилиста, коэффициент извилистости более 2. Берега преимущественно крутые и сплошь завалены буреломом, причем так сильно, что не везде можно взобраться на берег.

Признаков жилья нигде не видно, глушь страшная. Но это безлюдье и безмолвие очень очаровывает! Река спокойная, величавая, течение незаметное, и лодка стоит на месте. Иногда вспорхнет стайка рябчиков. Они здесь не пугливые и, взлетев, тут же садятся, издавая необъяснимо прекрасные звуки (трели). Проплыв километра три от места ночлега, замечаю на повороте реки гарь и малинник: даже с реки видны были красные ягоды на ветках. Хотя я боялся нарваться на медведя — не утерпел. Уж больно захотелось отведать ягод. Содрал сухую бересту, закрепил ее в расщепленном сухом сучке, приготовил факел на случай встречи с косолопом. Привязав лодку, взяв факел и спички, стал выбираться на берег. Малины было очень много. Наелся досыта и в котелок набрал. Местами кусты были помяты, видно, что малинник посещал медведь.

К вечеру увидел с правой стороны крупный приток, определил, что это р. Большой Оус. Значит, через 20—25 км и Портах. Вскоре начали попадаться небольшие и узкие по ширине прибрежные поляны, на которых стояли стога сена — значит, близко жилье. Но «близко» оказалось довольно долгим. А спина ныла уже так, что не мог сидеть, стоял на дне лодки на коленях и в таком положении греб.

Только в 8 часов вечера вдруг увидел издали антенны, затем флюгер метеостанции в Портах. Залаяли собаки, почуяв чужого, на берегу никого нет. Тихо. Где-то брякает колокол на пасущейся корове. Только когда подплыл к дому гидрометстанции, вышла на берег наблюдатель Анна Еремеева, а потом подошли двое мужчин (лесник и охотник). Меня узнали и очень удивились, что приплыл из Вершины без ружья и даже без топора (по здешним та-

ежным правилам и традициям это недопустимо). «Как же это Гусельников-то отпустил без топора?—удивлялись они.—Разве можно так?» И были очень возмущены этим, но меня ободрили. Встретили меня на гидрометстанции очень радушно. Через час уже сидели за обильным ужином: уха, жареная рыба, парное молоко. А после ужина с большим наслаждением забрался я под свой юлог, который натянул в сених, и заснул богатырским сном.

С утра начал ремонтировать водомерный пост, делать иввелировку. На второй день подготовил к работе прибор для измерения скоростей, который был в довольно плачевном состоянии.

Вечером наблюдатель-радиист Еремеева заказала по рации вертолет, чтобы забрал меня из Портаха. Утром на третий день из управления пришла радиограмма, что через 24 часа будет вертолет со сменой радистов. Ждите. Вертолет прибыл часов в 12 следующего дня. Привез двух девушек-радисток, окончивших свердловскую гидрометшколу, для работы на таежной ГМС. Встречало вертолет все население фактории. На память сфотографировались все у вертолета. Через 45 минут мы приземлились в Ивдельском аэропорту.

В 1965 г. станцию из Портаха перевели в д. Шанталеево (Шанталевская), ниже по течению р. Пелым на 90 км. После этого все жители оттуда разъехались: кто в Шанталеево, а кто в поселок Атымью, где прошла новая ж.-д. ветка Ивдель—Обь.

ЛЕТИНА

Мария Григорьевна —
ветеран труда

После окончания Казанского университета им. В. И. Ульянова-Ленина, с июля 1941 по февраль 1943 года я работала в Иркутском управлении гидрометслужбы Забайкальского военного округа. С февраля 1943 г. по распоряжению ГУГМС была откомандирована в Якутское управление гидрометслужбы, где работала начальником отдела гидропрогнозов до конца 1951 года.

За отличные показатели в работе по гидрологическому обслуживанию народнохозяйственных организаций, в том числе республиканской комиссии по борьбе с наводнением при СНК ЯАССР неоднократно получала благодарности, Почетные грамоты и денежные премии от Главного управления гидрометслужбы, Якутского УГМС и Совнаркома ЯАССР. 23 сентября 1946 года была награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а 4 апреля 1947 года — медалью

«За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». 4 декабря 1950 года мне было присвоено звание «Отличник Гидрометслужбы СССР».

С марта 1952 года переведена приказом ГУГМС в Свердловское управление гидрометслужбы, в котором работала до мая 1975 года (до ухода на пенсию). За время работы в Уральском УГМС за успешное обслуживание народнохозяйственных организаций Урала и хорошую оправдываемость гидрологических прогнозов неоднократно получала от ГУГМС и Уральского УГМС благодарности, Почетные грамоты и денежные премии. 7 мая 1965 года была награждена медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», 8 апреля 1970 года — медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», 5 ноября 1975 года — медалью «Ветеран труда», а 28 ноября 1975 года — медалью «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Общий стаж работы в гидрометслужбе 35 лет, в Уральском УГМС — 24 года.

Уже на пенсии, 7 мая 1985 года, я получила медаль «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Примеры эффективности гидрологического обслуживания организаций народного хозяйства Урала можно взять из сданных мною для экспонирования в ГММУ 8 и 23 января 1986 года материалов:

1. Эффективность гидрометобслуживания лесосплава (брошюра: ВДНХ — 1969 г.);
2. Гидрометобслуживание речного транспорта и лесосплава на Урале (рукопись);
3. Рыбное хозяйство на озерах, водохранилищах и реках (рукопись);
4. О службе гидрологических прогнозов на Урале (рукопись);
5. 42 заметки в газету «Уральский рабочий» и др. газеты, выступления по радио.

ЛЫЖИНА

Тамара Васильевна —
ветеран труда, 40 лет в гидрометслужбе

Я родилась 1 мая 1921 года.

20 марта 1938 года поступила на шестимесячные курсы метнаблюдателей при Свердловском управлении гидрометслужбы. После окончания курсов работала наблюдателем на ГМС Кушва

в течение одного года: С сентября 1939 по март 1978 г. проработала непрерывно в отделе метеорологии (название которого менялось): в должности техника — полтора года, старшего техника — 21 год, инженера — 16 лет.

Тяжелыми были годы Великой Отечественной войны. Вот несколько эпизодов, которые запомнились мне на всю жизнь.

Работали по 8—10 часов, а после основной работы оставались выполнять сверхурочные с ночевкой в отделе, и это было не в отдельные дни, а систематически, в течение многих месяцев и даже лет. Сверхурочных работ по предусмотренным нормам того времени за месяц выполнялось по 120—150 часов. Представляете, сколько времени мы проводили в стенах управления!

Здание управления было полностью неблагоустроено, воду возили на лошадке, отопление — печное, и нам приходилось заготавливать дрова, выгружать из вагонов на станции Шарташ, а затем каждый должен был распилить и расколоть 1 куб. м дров. Однажды на разгрузке вагона дров (это были 6-метровые бревна) были женщины и один мужчина — Иван Павлович Кузнецов. Женщины все находились в вагоне, а Иван Павлович стоял внизу. При очередном спуске бревна из вагона ему сломало ногу, к счастью, протезную, а могла бы быть трагедия, и он мог остаться без обеих ног. На этом не ограничивались наши работы. По улице Куйбышева в здании госуниверситета находился наш подшефный госпиталь, где приходилось дежурить, а также ходили выгружать эвакуированных тяжелобольных раненых на площадку по ул. Малышева. И вот опять эпизод: мы вдвоём с О. В. Распашкиной несли раненого, а какая у нас была сила? И я вдруг крикнула ей: «Больше не могу нести, бросай носилки». Тогда раненый с ужасом закричал: «Ой, не бросайте, на мне и так 42 кг гипса!». Да еще его вес. Какую тяжесть приходилось брать нам, молодым девчонкам, на свои руки!

В 1946 г. были организованы первые после войны курсы переподготовки метнаблюдателей, и вся тяжесть легла на отдел метеорологии. Общежития не было, и мы, работники отдела, оказывали помощь по расселению курсантов. У меня, например, жили 6 человек.

Послевоенные годы оказались нелегкими, так как было много залежей по подготовке ежегодников основных метнаблюдений, солнечного сияния, температуры почвы и плевниографа. Это была многолетняя трудоемкая работа. Много приходилось работать с сетью, когда вводились новые наставления, переходы на новые сроки наблюдений, таблицы, перфорация. Выполнялись работы и по заданию ГГО по внедрению новых методов наблюдений. Одна из таких работ была поручена мне, выполнение ее было признано хорошим и отмечено благодарностью.

Последние годы работы были также нелегкими. Моим участком работы был север Свердловской области, куда приходилось выезжать в инспекцию с барометром на ГМС Бурманово, Индель, Сосьва, Гари, Дерябино и т. д.

За годы работы в управлении мне неоднократно объявлялись благодарности. В 1974 году вручен значок победителя социализации, также я награждена медалями «Двадцать (Тридцать, Сорок) лет победы над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

За долголетний труд в управлении и активную общественную работу я награждена медалью «Ветеран труда».

Мой общий стаж работы — 50 лет, из них 40 лет — в управлении гидрометслужбы.

МИЛОСЛАВСКАЯ
Елизавета Павловна —
ветеран труда

В 1926 году была принята на работу в Свердловскую геофизическую обсерваторию.

Когда я шла в обсерваторию с направлением на работу, то думала, что, возможно, мне откажут в приеме, т. к. я имею только общее среднее образование, а специального не имею.

Первым, кого я встретила, зайдя в здание обсерватории, был Павел Карлович Мюллер. Он, узнав, что я направлена на работу, провел меня в отдел сети станций к заведующему отделом Вершинину Михаилу Аркадьевичу.

После собеседования мне сказали, что меня принимают в отдел с месячным испытательным сроком.

Так я проработала в системе гидрометслужбы с 1926 по 1961 г. в должностях: техника, старшего техника, инженера и старшего инженера.

В 1948 г. была награждена значком «Отличник гидрометслужбы СССР». Награждалась Почетными грамотами и благодарностями.

Мои первые наставниками были Вершинин М. А. и Ситнов М. В. — новый директор обсерватории. Я им очень благодарна за их помощь. Все эти годы приходилось заниматься самообразованием; этого требовала работа.

В период моей работы происходило много изменений как в управлении, так и на сети станций. Были введены новые руковод-

ства и инструкции, новые сроки наблюдений и новые формы таблиц наблюдений.

Большую работу пришлось провести с работниками сети станций по изучению новых руководств и инструкций.

Большая работа была выполнена отделом метеорологии по подготовке к печати наблюдений за старые годы (с 1915 г.). Были подготовлены ежегодники: «Основные наблюдения», «Температура почвы», «Солнечное сияние и снегосъемки».

Приходилось проводить методические и практические занятия на курсах подготовки и переподготовки наблюдателей и начальников гидрометстанций; руководить производственной практикой студентов техникумов и институтов.

После окончания войны, в 50—60-е годы, в отдел метеорологии пришло пополнение дипломированных инженеров. В отдел пришли: Мичурин В. Н., Карагаева В. А., Серебрякова Р. Н., которые скоро освоили работу отдела. Особенно хочу выделить Р. Н. Серебрякову. Она была самой верной нашему отделу метеорологии: возглавляла его по 1986 год. Мичурин В. Н. перешла работать в БРиС, где работает на ведущей должности до настоящего времени.

Хочется отметить хорошую работу старших техников Лыжиной Т. В., Мальцевой Е. М., которые работали в моей бригаде, и Матвеевой С. В., работавшей по подготовке ежегодников.

Руководили отделом Мартынов С. И. и Кузнецов И. П. Под их руководством работать было хорошо, обстановка в отделе была деловой, доброжелательной.

Все работники отдела метеорологии, работавшие во время войны, были награждены медалью «За победу над Германией», а позднее — юбилейными медалями.

МЕНЬШИКОВА
Нина Ефимовна —
ветеран труда

Трудовой стаж в системе гидрометслужбы начался на пороге Великой Отечественной войны — с 1940 года — в возрасте 15 лет на ГМС Дружинино. Работала наблюдателем и старшим наблюдателем, а с 1947 г. — начальником станции. В тяжелые годы войны работникам ГМС не выдавались продовольственные карточки, станция не снабжалась топливом, хотя и обслуживала железную дорогу круглосуточно регулярной и штормовой информацией. Вся тяжесть работы и обслуживания заключалась в том, что

работники ГМС и станция в целом не относились к числу железнодорожников, поэтому не имели права на какие-либо услуги. Для выполнения большого объема работ и сохранения станции в хорошем состоянии работникам приходилось своими силами заготавливать топливо, проводить посильный ремонт метеоплощадки (ограды с заменой столбов и колючей проволоки) и других установок. Для этого рубили лес, вывозили на корове, санках и даже на плечах, привлекая членов семей и даже инспектирующих станцию из УГМС, например, С. И. Мартынова, И. П. Кузнецова и др., причем Иван Павлович шел на лыжах в лес, не имея собственной ноги.

Ввиду тяжелых материальных условий и семейного положения (я имею в виду сотрудников, не имеющих подсобного хозяйства, особенно приезжих) не могли работать и уезжали обратно такие, как Кузнецов С. И., Кузнецов М. И., а начальник ГМС Потеряев Г. Ф. в 1943 году допустил нарушение трудовой дисциплины, за что был осужден и отправлен на передовую линию фронта, где вскоре погиб. Станция привлекалась к шаропилотным теодолитным, а впоследствии бестеодолитным наблюдениям. Водород для наполнения шаров-пилотов добывали как на самой станции, так и получали дополнительно из Уссурийского края. Шары-пилоты выпускались в зависимости от погоды в каждый срок наблюдений и ежечасно, а также по запросам авиации в любое время суток, в ночное время с электрофонариками.

Химикаты, такие, как едкий натрий (каустическая сода), для зарядки газогенераторов и получения водорода поставляли на ГМС в железных барабанах по 300 кг плотной массой. Чтобы сделать зарядку газогенератора и получить водород, нужно было колоть его через стенку барабана зубилом и тяжелой кувалдой, при этом едкий натрий попадал под одежду, разъедал кожу. Как правило, зарядку приходилось делать ночью, поскольку в дневные смены из-за частых сроков наблюдений провести подобную работу не представлялось возможным. Из-за некачественного оборудования нередко были взрывы клапанов головки газогенератора, водород терялся без пользы, и всю операцию нужно было повторять вновь в темном, сыром и тесном сарае.

Химикаты с товарного двора до ГМС доставляли как придется — не было возможности нанять транспорт. Вспоминаю один случай. Погрузили на телегу барабан с каустической содой, она под грузом сломалась пополам, а ферросилиций (железные опилки) носили ведрами, проползая под железнодорожные составы и пути (также в ночные смены). Были случаи, когда, чтобы получить водород и согреть воды для зарядки газогенератора, приходилось приносить дрова из дому, а при сильных морозах зимой, когда не было воды, оттаивали снег.

Штат станции часто менялся, особенно в период Великой Отечественной войны, поэтому работали меньшим составом. Много времени и труда занимали снегосъёмки: регулярные, контрольные и сплошные через каждые 5 дней с момента появления снежного покрова и когда до схода его оставалось менее половины покрытия окрестности, причем измерения высоты снега и пробы на плотность проводились на 3 участках: в поле, на поляне в лесу и под кронами деревьев. Сплошные снегосъёмки проводились в конце зимы, при максимальной высоте снега, а участок находился на расстоянии до 7 км от станции — с площадью измерения также в несколько километров. Случалось, сотрудники в дни сильных морозов и метелей приходили обмороженными, сроки снегосъёмок не переносились, хотя по наставлению это допускалось.

В 1942 году я проходила курсы переподготовки наблюдателей при УрУГМС, а позднее — в 1944 г. — в Косулино. После окончания курсов планировалось отправить нас на фронт, на восстановление метеостанции в освобожденных районах, но, к счастью, этого не случилось.

В этот же период я была донором и для сдачи крови ездила из Косулино в Свердловск. Несмотря на все трудности, план работы выполнялся полностью. Первая Почетная грамота получена за второй квартал 1944 г.

В 1957 году проводили первые инструментальные теодолитные наблюдения за первым спутником земли, позднее — за уровнем радиации в районе станции Дружинино. В 1961—1962 годах окончила Гидрометшколу, а в 1972 году — заочно Московский гидрометеорологический техникум.

В 1962 году ГМС присвоено звание «Коллектив коммунистического труда» с вручением диплома. В 1963 году награждена Почетной грамотой за отличное качество работы. В 1965 году мне выдали денежную премию за рацпредложение. За высокие показатели в работе и активное участие в общественной жизни присвоено звание «Ударник коммунистического труда». В 1967 г. в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции награждена Почетной грамотой с вручением вымпела.

В период с 1950 по 1960 г. мы совместно работали с начальником Гузановой Т. И. (теперь Чапайкиной) и добивались высоких показателей в работе, за что были отмечены на выставке ВДНХ.

Затем Чапайкина Т. И. была переведена работать в УрУГМС начальником гидрометстанции.

За период работы на ГМС Дружинино в течение 27 лет мною получено 11 благодарностей и 6 Почетных грамот.

С 9.06.1967 г. переведена техником на метеостанцию в аэро-

порт Уктус г. Свердловска, а с 1969 по 1972 г. работала старшим техником отдела гидрометфонда УрУГМС.

З 1973 году по случаю болезни (второй группы инвалидности) не работала, а с 1974 по 1980 г. вновь работала в отделе гидрометфонда, где являлась ударником ком. труда и награждена медалью «Ветеран труда».

ОСЛЯКОВ
Ипполит Александрович —
ветеран труда

Осляков Ипполит Александрович родился 11 февраля 1930 года в г. Березовском. Свою трудовую деятельность начал в 15 лет. 29 декабря 1945 г. поступил на работу дробильщиком руды в старательскую артель № 6 Центрально-старательского рудника, в мае 1947 г. перешел горным пробником в ГРО этого же рудника. Работал горным коллектором, геологом. В январе 1956 г. перешел в рабочие кадры на шахту № 5 рудника им. С. М. Кирова, работал горным откатчиком, разборщиком кровли, крешильщиком горных выработок, был бригадиром очистной бригады. Работал осматривателем стволов. Уволился 28 мая 1986 г. На руднике проработал 40 лет, из них 37 лет — в шахте. Награжден медалью «За доблесть».

Награжден юбилейной Ленинской медалью, «За трудовое отличие», «Ветеран труда», орденом Октябрьской Революции. Присвоены звания: «Почетный горняк», «Почетный гражданин города Березовского». 19 лет избирался депутатом Березовского городского Совета.

Одновременно с работой на руднике по собственной инициативе организовал наблюдения за погодой в г. Березовском.

В ноябре 1949 года поехал в Уральское управление гидрометслужбы, где встретился с Леонидом Александровичем Федоровым. Он рассказал, как вести наблюдения, в какие сроки, какие нужны приборы. Дал мне метеорологическую литературу, инструкции.

И вот с первого января 1950 года была открыта метеостанция. Наблюдения велись в 4 срока и ведутся по сей день, т. е. уже 36 лет. Установлен флюгер Вильда с легкой доской, психметрическая будка с термометрами, термометры на почве, вытяжные термометры, осадкомер, 3 постоянные рейки для наблюдения за высотой снежного покрова, мерзлотомеры Данилина. Ведется снегосъемка в лесу под кронами деревьев. В 1965 году награжден знаком «Отличник гидрометслужбы СССР». Телеграммы о погоде

посылал в отдел агрометеопрогнозов. Для практической работы и ознакомления с приборами приходят школьники 4—5-х классов.

О состоянии погоды выдавались справки Госстраху, прокуратуре, милиции, узлу связи и другим организациям.

ПОКРОВСКАЯ
Наталья Ивановна —
ветеран труда

Родилась 21.06.1905 г. в семье горного инженера в г. Калининске. Образование: в 1927 г. окончила Ленинградский университет (филологический факультет), в 1936 г. — Свердловский горный институт; в 1951 и 1953 гг. проходила курсы синоптиков при Центральном институте прогнозов. Русская, беспартийная.

Начала работать в Свердловском бюро погоды в качестве инженера-синоптика 3 апреля 1938 года. Общий стаж работы Н. И. Покровской в качестве синоптика составляет 22 года, из них в Свердловском бюро погоды — 18. Работала инженером, ст. инженером-синоптиком, а с 1948 по 1958 г. — начальником бюро погоды.

В период Великой Отечественной войны работала военным инженером-метеорологом Метеобюро ВВС при штабе Уральского военного округа.

С 1.08.60 г. ушла на пенсию. В настоящее время прожит в г. Старом Крыму Крымской области.

Ниже излагаются ее личные воспоминания о трудовой деятельности в Свердловском бюро погоды в послевоенный период.

Хочу дополнить прежние свои воспоминания некоторыми, как мне кажется, необходимыми данными.

Первое. О введении в прогнозировании данных карт барической топографии в Свердловском бюро погоды.

После поездки старшего инженера-синоптика Пересовой Евгении Григорьевны (ныне покойной) на курсы синоптиков в ГУГМС по повышению квалификации (1939 г.) в Свердловском бюро погоды были проведены занятия с оперативными работниками-синоптиками о принципах построения и использования данных карт барической топографии.

В пятидесятых годах, в то время, когда я была начальником бюро погоды, началось освоение и внедрение этого метода в прогностическую работу бюро погоды. Для этого проводились технические занятия как с инженерами-синоптиками, так и с техниками. Такие же занятия проводились при командировках специа-

листов в АМСГ и ГМБ. Большую роль во внедрении метода проявили инженеры-синоптики Пряхина Л. Д., Гудкова Л. И., Поспелова В. Ф., Тарнопольский А. Г. и другие.

Второе. О составлении метеорологических описаний аэропортов по данным АМСГ.

В эти же годы путем уплотнения рабочего времени всех специалистов бюро погоды нам удалось осуществить составление этих описаний без увеличения штата. За проведенную работу наше бюро погоды было отмечено специальным приказом ГУГМС.

Непосредственным исполнителем и руководителем этих работ являлся старший инженер-синоптик (ныне покойный) Пономарев М. Д. Под его руководством трудился весь штат бюро погоды, уплотняя свое рабочее время, используя время также на дежурствах (при легких синоптических ситуациях). Все же в основном вся работа проделана М. Д. Пономаревым.

Оформление этих описаний (надо было оформить вручную около 20 экземпляров) было сделано техниками бюро погоды. Все чертежные работы были выполнены ими. Особо отмечу Руденко (ныне покойную), Авдееву, Кулик, Андрееву, Вьюшину, Баранову, Леонову и Тютрину.

Конечно, эти описания на сегодняшний день устарели, но в то время они являлись полезным пособием для работы синоптиков АМСГ.

Третье. Сведения о себе как об участнике Великой Отечественной войны.

15 сентября 1941 г. была призвана в армию (в Свердловске). Было присвоено звание младшего техника-лейтенанта. Осуществляла обслуживание самолетов в метсобюро ВВС при штабе Уральского военного округа. Демобилизовалась в 1945 г., в декабре, в звании старшего техника-лейтенанта. Награждена медалью «За победу над Германией». Все дни войны помню. Это была война, а не что-нибудь, и для меня, кроме всего прочего матери троих детей, — эти дни незабываемы.

ПАВЛОВ
Семен Павлович —
ветеран труда

Я посвятил гидрометеорологии Урала 45 лет. Моя деятельность шла в трех направлениях:

организационном, пропагандистском — в обслуживании народного хозяйства, научно-исследовательском.

После окончания Московского гидрометеорологического института в декабре 1934 г. я побывал в Кировском краевом управлении гидрометслужбы, в Иркутском и Казанском. В декабре 1939 г. был согласован мой переход в Свердловское управление для работы во вновь создаваемом гидрометбюро в качестве специалиста-агрометеоролога (специальность по диплому).

31 декабря 1939 г. я прибыл в Пермь. С этого времени начинается и продолжается по сей день моя жизнь в метеорологии Урала, в составе Уральского управления и вне его — в двух институтах (Естественнонаучном институте при Пермском государственном университете и Уральском научно-исследовательском институте сельского хозяйства), по 5 лет в каждом.

Несмотря на эти, на первый взгляд, непонятные отклонения, я всегда оставался гидрометслужбовцем. Это позволило мне оценить значение гидрометслужбы изнутри и со стороны.

Очень высоко ставлю роль музея в дальнейшем развитии гидрометеорологической службы Урала, люблю музей в настоящем состоянии, знаю, что это только начало.

Желаю руководству управления, работникам музея и всем работникам УрУГКС всяческих успехов.

ПЛОТНИКОВА
Анастасия Алексеевна —
ветеран труда

В годы Великой Отечественной войны в обсерваторию Верхняя Дубрава был эвакуирован Институт земного магнетизма из блокадного Ленинграда, в котором я работала с 1943 по 1946 год. Вначале техником в отделе картографии, затем на ионосферной станции.

В мае 1946 года я переехала жить в Свердловск. Тогда я впервые поднялась на Плешивую горку. Поднимаясь по тропинке в гору, я попала в цветущий ряд яблонь. Весна — вокруг благоухающая красота. Идя по тропинке выше, оказалась перед деревянным зданием гидрометслужбы. У входной двери сидела немолодая женщина-вахтер. Я ее спросила, как пройти на метеостанцию, и она еще не успела мне объяснить, как мимо проходил начальник ГМС Свердловск-город Ежов Андрей Александрович. Она его остановила, и я ему отрекомендовалась. Он пригласил меня на ГМС, ознакомил с будущей моей работой. Я тут же подала заявление о зачислении меня на работу учеником-наблюдателем. Вот тут-то из меня стали ковать, я считаю, настоящего метеоролога.

Андрей Александрович был хорошим педагогом. И вообще он был Человек с большой буквы: умный, знающий, честный, принципиальный, деловой. До прихода на ГМС Ежова А. А. (а пришел он в апреле 1946 г.) метеостанция была на плохом счету в УГМС. Кроме того, из 5 человек было 3 ученика. Для нас, учеников, была составлена учебная программа и организовано соревнование. Итоги подводились после каждого дежурства. Оценки вывешивались на видном месте. Приступая к работе, каждая из нас видела то, как потрудились в предыдущее дежурство. Все допущенные ошибки подробно разбирались и разъяснялись. Была организована техучеба. Каждый готовил материал по теме, и один раз в неделю поочередно делал доклад. В этот же период взяли обязательство о том, чтобы выйти в передовые по всем показателям. Боролась за звание лучшего наблюдателя в своем коллективе, одновременно за звание станции отличного качества. И мы этого добились. На протяжении многих лет наша гидрометстанция называлась станцией отличного качества. А в отделе метеорологии станция Свердловск-город шла без технического, а порой и без критического контроля.

Свою наблюдательскую работу я очень любила. Любовь к своей профессии мне привил Ежов А. А. Во-первых, он мне дал отличные профессиональные знания. Во-вторых, был он требовательным, но справедливым.

На нашей метеостанции по-настоящему ковались кадры. В те 50-е годы многие ученики-наблюдатели для других ГМС были подготовлены у нас. Многие десятки специалистов прошли стажировку у нас на ГМС.

Мы учили и стажировали специалистов до тех пор, пока не были организованы гидрометшкола и филиал Московского заочного техникума.

Ежовым А. А. было организовано проведение экскурсий на ГМС. Он выступал со статьями в печати и по радио, приглашая учащихся школ и институтов. В весенний период был такой наплыв учащихся, что мы в течение дня проводили по 4—5 экскурсий.

Ежов А. А. первым стал собирать музейные ценности. В 1946—1947 гг. были выставлены устаревшие и современные приборы на полках нашей ГМС. С помощью этих наглядных пособий можно было интереснее провести экскурсию. Экскурсии с учащимися школ и институтов проводились по очереди всеми работниками ГМС.

СЕРЕБРЯКОВА
Римма Николаевна —
ветеран труда

Я родилась 10 мая 1929 года.

Свою трудовую деятельность в Уральском УГКС (бывшем Свердловском управлении гидрометслужбы) начала с 25 августа 1953 года, после окончания Ленинградского гидрометеорологического института.

Помню, из Москвы до Свердловска поезд шел 3 суток, кланяясь каждому столбу, освещение в купе — от фонаря: На остановках, которых было великое множество, пассажиры выходили, отдыхали на траве, а некоторые успевали даже находить грибы.

Поезд прибыл утром, город мне показался серым, было очень прохладно. Такси не было, в основном предлагали свои услуги извозчики.

Сдав вещи на хранение, пошла искать СУГМС. Ориентир Лысая горка помог довольно быстро найти управление. Поднималась по аллее, по обе стороны которой росли яблони, сплошь усыпанные «дичками», а на самой Лысой были разбиты цветочные клумбы, росло много кустарников. Очень жаль, что позднее все это постепенно исчезло.

В секторе кадров (так назывался тогда отдел кадров) инспектор Зубкова Е. А. направила меня к начальнику управления Анохину Павлу Митрофановичу, в приемной которого уже ждали своей участи молодые специалисты Пряхина Л. Д. и Гордиенко О. Г. Начальник СУГМС после беседы со мной и ознакомления с документами сказал, что буду принята инженером в сектор изучения метрежима, где нужны кадры со специальным образованием.

Итак, мне дали несколько дней неоплачиваемого отпуска для нахождения жилья в частном секторе (в управлении жилья не было).

После прохождения 2-недельной практики при МС Свердловск под руководством Тарамженина П. К. приступила к работе в секторе метрежима, начальником которого был Кузнецов И. П. Отдел находился в комнате № 7 (до 1979 г.), половину которой занимали гидрологи. Большая скученность (более 40 человек), постоянное присутствие потребителей, приезд работников с сети и беседа с ними — все это создавало немалые трудности для нормальной работы. Но сколько было и общего! Почти все праздни-

ки мы отмечали вместе, устраивали мини-спектакли. Надо сказать, что дисциплина в отделе была жесткой. Первые годы работы были особенно трудными, т. к. надо было ликвидировать отставание в подготовке материалов к печати (за 20—30 лет), вызванное Великой Отечественной войной. Почти ежедневно мы оставались вечерами, чтобы скорее форсировать отставание, не требуя никакого вознаграждения.

Первые курсы повышения квалификации начальников и наблюдателей метеостанций были продолжительностью 2 месяца (в 1954 г.). Мы тщательно готовились к ним, курсанты вели конспекты и просили проверить, правильно ли ведут записи. Ведь литературы на сети было тогда мало, и чувствовалось огромное желание у работников сети почерпнуть знания. Впоследствии курсовые мероприятия проводились систематически, в основном в период выхода в свет новых наставлений, внедрения новых методов наблюдений и обработки информации.

Мой первый выезд с инспекцией был на МС Каменск-Уральский с инспектором Музыковым П. Н., а затем самостоятельные — в течение многих лет. Многих специалистов обучал инспекторской работе Мартынов С. И. А потом участие в редактировании Метео-ежемесячников (с 1961 г.) по текстам ГГО, издаваемых фотоофсетной лабораторией.

Как правило, в памяти надолго остаются наиболее трудные периоды в работе. В начале 70-х годов сеть начала делать робкие шаги в обработке метеоинформации машинным способом, не хватало телетайпов (Т-51) и перфораторов (Т-56), перфорацию можно было осуществлять только кустовым методом (при областных ГМО с 1975 г.). Много сил отдано организации курсов специалистами-метеорологами областных ГМО. Особенно сложно все складывалось в Пермской ГМО из-за ограниченных площадных возможностей. Должное надо отдать Голиковой И. Ф., бывшему начальнику ОМОНХа, с которой я взаимодействовала напрямую уже как начальник отдела (с 1972 г.) очень тесно и постоянно по вопросам организации и состояния машинной обработки данных наблюдений. И наконец в 1977—1978 гг. по всей сети было отменено ручное составление всех видов таблиц.

В мае 1983 г. отдел был реорганизован в отдел метеорологии и климата в связи с организацией Гидрометцентра. В течение многих лет отдел носит высокое звание коллектива коммунистического труда. Квалифицированные специалисты отдела метеорологии и климата, а также областных ГМО и в настоящее время отдают все свои силы, знания, опыт делу совершенствования гидрометеорологической сети, для решения научно-прикладных задач.

В течение 33 лет работы в Уральском УГКС более 20 лет я вела производственно-массовый сектор в МК, а затем в ОКП УГКС.

Первую благодарность получила за высокие показатели в работе в марте 1954 г. В 1976 г. награждена знаком «Отличник гидрометслужбы СССР», в 1983 г. — бронзовой медалью ВДНХ, в 1984 г. — медалью «Ветеран труда».

В декабре 1986 г. вышла на заслуженный отдых.

ТАРАМЖЕНИН
Петр Кронидович —
ветеран труда

1944 год. Глухое уральское село Дерябино Верхотурского района Свердловской области. Здесь так же, как и по всей стране, год от года усугубляются трудности военного времени: потеря родных и близких на фронтах, полуголодное существование стариков, женщины и подростков на крапиве, лебеде, мороженой и сгнившей картошке. И работа от темна до темна. «Все для фронта, все для победы»...

Меня, в то время закончившего школу-семилетку, пригласили работать на метеостанцию учеником гидрометнаблюдателя. Начальником станции была там Тотх Елена Кенсорниновна, уже в то время являвшаяся ветераном службы, считавшаяся одним из лучших специалистов и требовательным руководителем. Гидрометслужба в годы войны входила в состав Уральского военного округа. После того, как я прибавил себе в документах один год (стало 16), меня оформили на работу, дали продуктовую карточку — 400 граммов хлеба, и я оказался в «ежовых рукавицах» моей начальницы.

Елена Кенсорниновна еще до революции закончила в г. Либаве высшие курсы метеорологов, свои незаурядные познания она по-матерински старательно и терпеливо, но требовательно вклала в мою озорную мальчишескую голову.

После войны, в 1946 году, я закончил курсы аэрологов в Свердловской научно-исследовательской геофизической обсерватории «Высокая Дубрава» и был направлен работать техником-аэрологом на АМСГ Сосьва. В скором времени назначили старшим техником, а в 1948 году — начальником этой авиаметстанции.

В 1953 году, демобилизовавшись из армии, я вернулся в Свердловское управление гидрометслужбы. Работал начальником метеостанции Свердловск-город, инспектором-метеорологом, начальником отдела кадров управления, инженером-актинометристом. В те годы, после окончания курсов инспекторов-метеорологов в Главной геофизической обсерватории в Ленинграде, я много ездил по на -

людательной сети с инспекторскими проверками. Работа была поставлена так, что инспектору разрешалось инспекцию считать законченной только тогда, когда в его присутствии устранены все замечания и неполадки в работе станции. Пожалуй, сейчас проще перечислить те станции на Урале, где я не побывал...

От тех лет остались теплые воспоминания о людях, с которыми приходилось взаимодействовать по работе. Это директор Свердловской гидрометобсерватории Сергей Иванович Мартынов — душевный человек, широкой эрудиции, досконально сведущий во всех разделах нашей службы и всегда готовый оказать помощь в преодолении возникающих в работе трудностей; Силин Федор Михайлович — человек неиссякаемой инициативы, неутомимый организатор, пропагандист всего нового и передового, Алексей Николаевич Пинягин — начальник отдела сети станций, Сергей Александрович Лебедев — его заместитель, Александр Иванович Дегтярев — начальник бюро поверки приборов, Константин Иосифович Сухарев — начальник отдела службы прогнозов, его заместитель Пономарев Эммануил Дмитриевич, Николай Николаевич Подгайский — заместитель начальника управления, Луцкина Шейна Гдалевна — старший инженер отдела метеорологии, Богатырев Георгий Дмитриевич — инспектор отдела метеорологии, бывший юнга и рулевой легендарного крейсера «Аврора», участник штурма Зимнего дворца в Петрограде, Ким Иванович Епишин, Степан Иосифович Шумский и многие другие.

Из сетевых работников особо запомнились Константин Николаевич Крымов — начальник гидрологической станции Сосьва. Он и его жена Нина Григорьевна Скоромных показали себя работниками исключительной добросовестности и трудолюбия, выполняя нелегкие работы по созданию сети гидрологических постов на северных реках Урала.

Все эти люди, каждый по-своему, беззаветно любили нашу службу и в то весьма нелегкое время делали все возможное для ее укрепления и развития.

В 1962 году я заочно окончил Ленинградский гидрометеорологический институт, после этого у меня укрепилось стремление поехать работать по специальности в Антарктиду. Стал готовиться к этой поездке. Мечта осуществилась не сразу (много желающих и достойных в Москве и Ленинграде). В ноябре 1969 года научно-исследовательское судно «Профессор Визе» из Ленинграда берет курс на Антарктиду. На этом судне старшим инженером, метеорологом-аэрометристом и специальным корреспондентом газеты «Уральский рабочий» навстречу неизвестностям и трудностям иду и я.

Полуторагодовую антарктическую одиссею описывать не буду, в качестве приложения к воспоминаниям рекомендую перепечат-

ку моего очерка «В краю айсбергов и пингвинов», опубликованную в газете «Уральский рабочий» в ноябре 1971 года, вскоре после возвращения из Антарктиды.

Вернувшись из антарктической экспедиции, продолжаю работать заместителем начальника управления — в то время проводились интенсивные работы по завершению проектирования, а потом и по началу строительства нового комплекса здания в Свердловске Уральского гидрометцентра — Дворца погоды, как его «окрестили» печать и радио. Стройка, которой, вопреки всем нашим стараниям, суждено было стать долгострем, началась в 1975 году и, едва начавшись, остановилась или почти остановилась, т. к. подрядчик, трест «Свердловскхимстрой», в течение 12 лет по не зависящим от управления причинам ежегодно осваивал только 10—15% планово выделяемых на объект средств.

В конце лета 1982 года Госкомгидромет СССР направляет группу советских специалистов на два года в Лаосскую Народно-Демократическую Республику для оказания технического содействия в создании национальной гидрометслужбы в стране, сбросившей вековое иноземное иго. Мне довелось быть руководителем этой группы. О работе наших специалистов рекомендую прочесть копию моей статьи, опубликованной в газете «Вечерний Свердловск», — «Два года в Лаосе», приложенную к воспоминаниям.

XXVII съезд КПСС, XIX партийная конференция — перестройка всей нашей жизни. Возросшие и умножившиеся экологические проблемы и связанные с этим коренные преобразования природоохранной работы в стране ставят большие, исключительно важные задачи и перед коллективом уральских гидрометеорологов. Оглядываясь назад, реально видишь, как много нами уже сделано в этом направлении: наряду с укреплением гидрометеорологической сети создана постоянно действующая наблюдательная сеть за состоянием загрязнения атмосферного воздуха и поверхностных вод; для этого создаются специальные лаборатории, осваивается дорогостоящее уникальное оборудование. Но принимаемых мер мало. Только по отдельным ингредиентам удалось пока приостановить загрязнение воздуха и поверхностных вод. Кроме получения нами данных об уровне загрязнений, требуются и другие, более эффективные, меры.

Время неумолимо отсчитывает завершение шестого десятка лет моей жизни. Позади 45 лет непрерывной работы в Уральской гидрометслужбе и 36 лет пребывания в рядах КПСС. Пора подумать о том, кому передать эстафету трудовой жизни.

В КРАЮ ЛЯСБЕРГОВ И ПИНГВИНОВ

Свердловчанин Петр Кронцович Тэрэмжени, заместитель начальника Уральского управления гидрометслужбы, был участником пятнадцатой антарктической экспедиции. Полтора года работал он на шестом континенте, исполняя одновременно обязанности спенкора «Уральского рабочего». Сегодня ему слово. «Уральский рабочий», 7, 8, 9, 10 ноября 1971 г.

1. От Балтики до Антарктики

Мечты о дальних странствиях преследовали меня с детства. Позднее это стремление конкретизировалось — надо ехать непременно в Антарктиду — в страну холода, вечных льдов, ветров и неразгаданных загадок. И вот мечта осуществилась — меня зачислили в XV советскую антарктическую экспедицию.

14 ноября 1969 года. Ленинград по традиции тепло провожает в дальний рейс научно-исследовательское судно «Профессор Визе». Десятки научно-исследовательских учреждений страны направили в экспедицию своих лучших специалистов. Заготовлены необходимые продукты и спецодежда. На борт судна погружены научные приборы, установки и оборудование. Месяцем раньше в Антарктику ушел другой корабль — дизель-электроход «Обь», на борту которого разместились самолеты, тракторы, вездеходы. «Профессор Визе» принял на борт основной состав экспедиции. Короткий митинг, трогательные минуты прощания с родными и близкими, и наш корабль устремляется в родную стихию — в море.

На следующий день весь состав экспедиции был распределен по командам и группам для несения научных и корабельных вахт.

Обогнув Европу, вышли на простор Атлантики, впереди — экватор. Океан величественно красив днем, а особенно — ночью. По дошедшей до нас из глубины веков традиции переход корабля из одного полушария в другое всегда выливается в празднество. Так было и в этот раз. Наряды для владыки океанов и его свиты старательно готовили самодеятельные художники и костюмеры. Подбирая исполнителя роли Нептуна, устроители праздника совершенно неожиданно остановили свой выбор на мне. Вероятно, причиной тому послужили высокий рост и довольно внушительная комплекция. Не составило трудностей подобрать делопюта, брадо-

брея и доктора — претендентов на эти роли оказалось много, особенно много желающих было в команду главного черта, которой предстояло совершить обряд крещения повичков. Сложнее было укомплектовать штат русалок...

Итак, южное полушарие. Наше судно делает трехдневную остановку в порту Монтевидео — столице Уругвая.

Местное население встретило советских моряков дружелюбно. Беспрепятственно осматриваем город. Побывали в советском посольстве, во дворце парламента республики. Население Уругвая полтора миллиона человек, причем, более миллиона проживает в Монтевидео и только около одной трети — в провинции.

Монтевидео — город больших контрастов: здесь и баснословное богатство кучки бизнесменов, и крайняя нищета пролетариев и простых конторщиков, много безработных. Уровень обеспеченности богача определяется не только количеством автомашин новейших марок и величиной особняка — виллы на побережье, но и размерами собственного закрытого плавательного бассейна с искусственным климатом.

2. На южном краю планеты

Через двое суток пути от Монтевидео почувствовалось дыхание «ледяной королевы»: похолодало, усилился ветер, появились айсберги. Недалеко от Огненной земли, в проливе Дрейка, отделяющем Южную Америку от Антарктиды, штормило. У северной оконечности антарктического полуострова в небольшой бухте острова Ватерлоо судно бросает якорь. Здесь советская станция Беллинсгаузена, названная так в честь нашего соотечественника — первооткрывателя Антарктиды.

Радостные встречи с полярниками, дождавшимися смены, обмен новостями. Осматриваем станцию, остров, восточные берега которого омывают воды Атлантического океана, а западные — Тихого.

Здесь преддверие Антарктиды. Антарктический полуостров, являющийся неотъемлемой частью шестого континента, вряд ли можно всерьез назвать Антарктидой. Глубоко вклиниваясь в южный океан, он имеет сравнительно мягкий морской климат. Большую часть года здесь туманы и дожди, чаще всего с сильными снегопадами и ураганными ветрами. Есть даже явно выраженная растительность — несколько разновидностей мхов, произрастающих прямо на камне. Исключительно богат животный мир. Семейства морских слонов — исполинских тюленей, достигающих веса в несколько тонн — живут рядом со станцией. Так же недалеко колонии ныне редко встречающихся морских котиков, много пинг-

винов. В бухту нередко заходят киты и косатки. Очень много, особенно сейчас, летом, морских птиц.

С визитом дружбы наша делегация заходит на чилийскую станцию «Президент Фрей», расположенную тут же. Чилийцы очень радушны и гостеприимны. Обмениваемся приветствиями, сувенирами, осматриваем научные установки и сооружения станции.

Утром 12 декабря наше судно подняло якорь, взяв курс на советскую обсерваторию Мирный. Предстояло пройти 14 суток вдоль Антарктического побережья, среди айсбергов. Условия плавания ухудшились — на многие тысячи квадратных миль южный океан покрыт мощным льдом, преодолеть который нашему судну трудно. «Визе» необходим надежный помощник — дизель-электроход «Обь», имеющий мощный ледакольный корпус. Через сутки оба судна, вначале «Обь», и за ней по образовавшемуся коридору чистой воды и «Визе», приблизились к берегу «Правды» так, что стал виден ледяной купол Антарктиды. Из Мирного прилетел на ледовую разведку самолет Ил-14 и помог судам подойти к припайному льду, на котором возможна разгрузка. До берега еще около 15 километров, но дальше судам не пробиться.

Первыми сходят гидрологи. Они, тщательно изучив состояние льда, дают заключение о его прочности и возможности прокладки ледовой дороги до берега. С «Оби» сгружают самолеты, тракторы-тягачи, комплекты сборных домов. Первыми самолетами с кораблей отправлены почта и посылки тем, кто уже заканчивает зимовку.

Авральным порядком идет разгрузка судов, один за другим направляются к берегу тягачи с прицепленными к ним санями. Погода ухудшается, начинается пурга, ледовая дорога грозит вот-вот разрушиться. Ушли под лед три трактора, к счастью, людям удалось вовремя покинуть их, отделавшись легкими ушибами...

Вот он, суровый континент белого безмолвия, страна царят мороза и ветра, вечных льдов и до сих пор не разгаданных загадок! Пурга, бушевавшая последние трое суток, прекратилась, ветер ослаб, ярко-голубое небо безоблачно, ослепительно светит солнце.

В Мирном к взлетно-посадочной полосе, куда приземлился самолет, взмахивая лапами, словно аплодируя, с приветственными криками устремляются пингвины. Они важно обходят людей, внимательно разглядывают их, словно оценивая, выдержат ли эти люди то, что предстоит им. Куда ни бросишь взор — кругом гигантские нагромождения льда и снега, только кое-где из-под ледяного панциря выступают голые серые скалы. И на этом суровом безжизненном фоне, как воплощение упрямой человеческой воли, расположился обсерваторский поселок Мирный с дизельной электростанцией, дающей тепло и свет двум десяткам жилых домов и научных лабораторий, радиостанцией и кают-компанией. Природа

еще не смирилась с вторжением человека — построенный полтора десятилетия назад поселок с каждым годом оказывается все глубже захороненным под обледеневшим снегом. К нашему приезду толща льда над крышами некоторых домиков достигла 5—6 метров, и люди вынуждены входить и выходить из них, уподобляясь кротам.

В Мирном стало тесно. Прибывшие полярники стараются быстрее принять дела и проводить на корабль своих предшественников. Наконец, приемо-передача дел закончилась, проведен прощальный митинг, в небо устремились десятки ракет, салютуя отъезжающим на Родину. Новая экспедиция вступила в свои права.

3. Лето во льдах

Между тем, лето в Антарктиде в разгаре. Как это ни удивительно, а здесь, в царстве льдов, тоже бывает лето. Большое, необычно яркое солнце не поднимается высоко, не прячется за горизонт, а кружит по небу три-четыре месяца. В этот период за сутки поверхность Антарктиды получает столько же солнечного тепла, сколько и Африка, но, увы, чистейший белый снег отражает около 90 процентов приходящей солнечной радиации. Поэтому приход и расход солнечного тепла летом практически одинаков, и температура воздуха даже на побережье океана редко поднимается выше нуля. Во внутренних же районах континента, где зимой холода достигают 88 градусов, двадцатиградусные морозы летом составляют приятную редкость.

Летом, в те периоды, когда идет пурги, белый континент очаровывает своей красотой. Исключительно прозрачен воздух, дальность видимости намного превышает 50 километров. Солнечные лучи, попадая на выступы льда, преломляются во все цвета спектра. Снежная поверхность искрится мириадами ослепительных огоньков — сказочное царство да и только. Но волшебство это может быть и небезобидным — забудешься, выйдешь на открытый воздух, не защитив глаза темными очками, а губы специальным кремом, — получишь долго не заживающие ожоги.

В Антарктиде опасность везде, на каждом шагу. Не говоря уж о небывалых для других мест планеты морозах и ветрах, а в глубине континента и недостатке кислорода, здесь масса льда, медленно — со скоростью около ста миллиметров в год сползающая в океан, образует бесчисленные трещины, нередко присыпанные снегом. Как ловушки, они ожидают свою жертву. В такую трещину не то что человек — трактор нырнет и не найдешь его.

В Индийском океане, в трех километрах от Мирного на острове Буромского, в скорбном величии застыли захоронения полярников. Надпись на бронзовой плите гласит: «Склоните головы, сюда

приходящие. Они отдали жизнь в борьбе с суровой природой».

Мирный был моим пристанищем два месяца — я градуировал приборы, по которым предстояло регистрировать составляющие теплового баланса на станции Новолазаревская. В начале марта вместе с остальными новолазаревцами, сходящими к этому времени на «Оби» в Австралию за продуктами, самолетом Ил-14 вылетел на свою станцию. В числе провожающих были земляки-уральцы: Григорий Мелентьевич Силин — заместитель начальника экспедиции, почетный полярник, Рюрик Максимович Галкин — начальник геофизического отряда, кандидат физико-математических наук и Толя Федоров, молодой механик, водитель тяжелых машин.

Летим над Антарктидой. Минутами кажется: на всей земле нет ничего, кроме бесконечного снега и льда, испещренного коварными трещинами. В первый день пролетели две тысячи километров и остановились на станции Молодежная. Здесь, на скалистом грунте, построены большие уютные здания из негорючих арболитовых плит, хорошо сохраняющие тепло и надежно защищающие зимовщиков от сильных ветров. Некоторые дома построены из алюминиевых плит с изолирующим слоем пенопласта. Чтобы они не ушли под снег, как в Мирном, их подняли на сваи высотой около двух метров. Станция Молодежная с 1971 года суждено стать центром советских исследований в Антарктиде.

Утром следующего дня летим дальше на запад. Если накануне погода благоприятствовала нам, то в этот день мы не раз попадали во власть снежных зарядов — циклонов. Особенно некстати оказался циклон, свирепствовавший в районе станции Новолазаревская. За иллюминаторами самолета — сплошной белый мрак: невозможно различить, где небо, где земля, не то, что увидеть посадочную площадку. До других станций многие сотни километров, и неизвестно, какая там погода, хватит ли бензина до них. Пришлось идти на вынужденную... Надо отдать должное мастерству командира экипажа Владимиру Ермакову. Воспользовавшись минутным затишьем, он посадил самолет на небольшую шириной в несколько метров площадку льда. Но ураганный ветер, как игрушку, покатиł машину по льду, подгоняя к трещине. Командир распорядился — всем выйти на лед и спасти самолет. Пришлось делать якоря, в ход пошли ручные ледовые буры, с помощью которых едва удалось закрепиться. Когда пурга несколько ослабла, мы увидели в ста метрах от самолета, прямо перед ним на ледяной поверхности выступают почти отвесные скалы. Доли минуты отделяли нас от катастрофы...

Вышедшие из Новолазаревской вездеходы только через три часа отыскали нас и доставили на станцию.

4. Континент дружбы

Новолазаревская расположена в ста километрах от океана, в оазисе, так в Антарктиде называются сравнительно небольшие площади, свободные от льда и снега. Это каменные острова в безбрежном океане льда. Снег тут не задерживается, а с бешеной скоростью проносится мимо.

Домики станций добротные, но все-таки для надежности привязаны тросами к каменным глыбам. Здесь нам предстояло жить и работать целый год. В разных местах оазиса, в поселке и за его пределами, на мачтах и в специально оборудованных углублениях, на камнях и на заледеневшем снегу — везде установлены приборы, много приборов.

Приятно встретить на краю земли добротную продукцию уральских заводов. Это и радиозонды, выпущенные Свердловским заводом гидрометприборов, радиостанции, электронизмерительная аппаратура и мощные тракторы-тягачи на уширенных гусеницах, изготовленные челябинцами.

Нас осталось пятнадцать: геофизики, аэрологи, врачи, механики, радист и повар. Обязанности метеоролога и актинометриста возложены на меня. Работы у каждого на двоих. Наблюдения весь год производятся в строго определенное время и днем и ночью, так что спать приходится только в короткие промежутки между наблюдениями.

У нас работает дизельная электростанция. Она освещает научные павильоны и жилые дома, питает радиостанцию — единственное средство общения с Большой землей и соседями.

До наступления полярной ночи сходили в санногусеничные походы, завезли на станцию с побережья океана, где разгружался корабль, продовольствие и топливо, установили новые приборы, отремонтировали все домики. В короткие часы отдыха скучать тоже некогда. Есть хорошая библиотека, бильярд, шахматы, домно и фильмотека, насчитывающая около трехсот кинофильмов. Каждый вечер после ужина кто-то из нас заказывает фильм.

Началась полярная ночь, и участились пурги. Неуютно чувствуешь себя, когда в непроглядную темень и пургу надо идти к приборам. Идти всего сто метров, но каких... Ветер гудит и валит с ног. Приходится почти ползти, держась руками за канат. Любая одежда, кроме кожаной, прошивается ветром так, словно идешь раздетый... Кажется, ничего нет на свете, кроме бескрайней бушующей стихии. Словно находишься где-то совсем на другой планете. Случись беда — придется туго. Родина на противоположной стороне земли, а до соседних станций многие сотни километров, да они и бессильны что-либо сделать ревушей полярной ночью. Вот так несколько лет назад здесь, на Новолазаревской, врач

вынужден был прооперировать сам себя с помощью зеркала и товарищей.

Здесь, на суровом краю земли, прежде всего ценится мужская дружба, умение вовремя и без лишних слов прийти на помощь, не ожидая, когда об этом попросят. И далеко не безразлично, умест ли человек смеяться и шутить, терпим ли к недостаткам соседа.

Антарктида — мужской континент. Здесь работают люди разных национальностей. На станции Мак-Мердо вместе с американскими учеными зимует советский коллега, на наших станциях есть представители ЧССР, ГДР, США и Франции. Шестой континент нынче заселен «густо» — свыше тридцати действующих станций. И хотя их обитатели говорят на разных языках, они легко понимают друг друга, особенно, если кому-то необходима помощь. История освоения белого континента богата примерами взаимопомощи. Советские моряки выручили японское судно «Фудзи», терпящее бедствие во время шторма среди льдов и айсбергов. Летчик Перов спас бельгийских полярников на земле Королевы Мод, когда их самолет разбился и бельгийцы были обречены на неминуемую гибель. Вот уже в нашу экспедицию русский врач станции Беллинсгаузен Гусаров успешно оперировал нескольких чилийцев.

Все станции, независимо от государственной принадлежности, информируют друг друга о местоположении складов продовольствия и горючего, с тем, чтобы при необходимости можно было ими воспользоваться. Одним словом, континент мира и научного сотрудничества, доброжелательства и дружбы. Это чувство очень помогает в тяжелой зимовке.

Самое дорогое для полярника в свирепую антарктическую ночь — слово привета с Родины. Человек не может один, он должен знать: его помнят, в его доме на Большой земле не гаснет огонек ожидания. Поэтому нередко во время пурги люди не шли в кают-компанию завтракать — можно обойтись без него, но почти ползком добирались до радиостанции, чтобы своими глазами прочесть несколько слов из дома.

Когда пурга стихает, тучи расходятся, небо почти круглые сутки полощется разноцветными огнями полярных сияний. При этом резко уменьшается влажность, морозный воздух сух, он, как наждак, дерет горло.

И еще изнурительно долгая ночь скрашивается праздниками. Кроме тех, которые отмечают на Большой земле, здесь установились свои, полярные. Пожалуй, самым значительным считается праздник 22 июня — день большой полуночи, совпадающий с половиной зимовки. Потом приходит день появления солнца. В праздничных концертах по заявкам нередко звучала песня о Свердловске. Ко всем торжествам мы получали много радиogramм

не только с Родины, но и от наших иностранных коллег. Вот одна из них:

«Все участники зимовочной экспедиции Моусоне шлют искренние поздравления своим русским братьям случаю Первого мая 1970 года. Мои личные воспоминания относятся этому же дню 1945 года, когда я имел удовольствие воспользоваться гостеприимством победоносной русской армии Бухенвальде Германии после освобождения плена, где я делил несчастье своими русскими друзьями. Это событие всегда возбуждает во мне самые теплые воспоминания. Горячий привет от Брус Смита начальника Австралийской антарктической экспедиции Моусоне».

С вершины антарктического купола, с высоты трех с половиной километров, от наших восточников вместе с поздравлением об окончании половины зимовки пришло сообщение: на станции восьмидесятиградусные морозы, научная программа наблюдений и работ выполняется полностью. Восемьдесят градусов ниже нуля, недостаток кислорода... В условиях таких температур металл не выдерживает, крошится, как стекло, а люди ведут научные работы.

5. Скоро домой

Прошла полярная ночь, в околополуденные часы появляется солнце, реже и менее жестокими становятся пурги. Истосковавшиеся по солнцу и свету, мы все чаще отправляемся на прогулки. И снова убеждаешься — до чего же однообразна наша «планета». Всю южную половину горизонта занимает материковый ледяной купол, возвышающийся вблизи на десятки и сотни метров, а вдали — на два-три километра. К северу — стокилометровая полоса многовекового припайного льда на плаву, отделяющая наш оазис от открытых вод, океана.

Удивительна Антарктида — необычна, можно сказать, экзотична, вызывает в человеке сильные чувства и в то же время до скучного однообразна. Кругом только лед и снег да голые камни.

Растительности нет никакой, бедна и фауна. Полтора-два десятка снежных буревестников, прилетевших с океана вывести потомство, супружеская чета хищных чаек-поморников Митька и Машка, прибывающая сюда ежегодно. Вот и все представители животного мира. Если снежные буревестники держатся от нас на почтительном расстоянии, то морские разбойники Митька и Машка, по величине напоминающие домашних гусей, но с хищным клювом, так близки к нам, что поставлены на довольствие на камбузе. Они привыкли к людям, пищу берут прямо из рук. Забавные птицы, они знают ласку и заботу человека. В тех редких случаях, когда повар почему-либо опаздывал с обедом, поморники поднимали большой шум, возмущаясь нарушением распорядка

дня. Общество птиц по-своему скрашивает наше житье-бытье в холодной пустыне.

Летом мы «исследуем» пещеры-лабиринты, образованные в ледяной толще водой, стекающей с материкового купола в океан. Спустившись в такую пещеру, словно в сказочное ледяное царство попадешь. Солнечные лучи, просачиваясь через пушистый снежный потолок пещеры, окрашивают все сначала в холодные нежно-голубые тона, а затем — фиолетовые. А в самой глубине — ночная темнота. Причудливо извиляющаяся пещера и тут и там украшена сталактитами и сталагмитами.

7 ноября — уже настоящий полярный день. Погода, как по заказу, праздничная — тепло, 10—15 градусов мороза, ветер слабый. Мы отправились на прогулку в горы Королевы Мод, потом слушали передачи из Москвы — парад с Красной площади, концерт, голоса родных. А под «вечер» состоялось открытие футбольного сезона. Пусть неровная с застругами ледяная площадка мало напоминает зеленое поле стадиона, а на футболистах вместо маек и трусов тяжелая меховая одежда, матч прошел с азартом и энтузиазмом. Остались довольны и футболисты, и болельщики.

Стосковавшись по живой зелени, полярники развели «огороды» на подоконниках жилых домов. И надо было видеть, как трогательно заботились они, выращивая растения в этом безжизненном краю. Новогодний праздничный стол был украшен свежими огурцами и помидорами. С нового года на станции учрежден новый своеобразный календарь. На фоне красочно разрисованного ледового причала с кораблем изображен полярник, согнувшийся под тяжестью наших научных материалов, и — «до посадки на корабль осталось... дней». Скоро домой.

Между тем, Родина готовит смену. Выполнение научной программы экспедиции заканчивается, собран разнообразный научный материал, который позволит уточнить и дополнить ранее полученные данные о суровом загадочном континенте.

6. Здравствуй, любимая Родина!

Во всяком путешествии самое приятное — возвращение домой. Позади пятнадцать месяцев зимовки. Вахта передана новой смене. 1 апреля 1971 года мы самолетом Ан-2 вылетели со станции. В последний раз промелькнул обжитой кусок неприветливой земли, затерявшийся в ледяной нежиги. Самолет приземлился на льдине, рядом с кораблем. Нас встретили друзья, у всех радостное настроение — скоро пойдем домой! До вечера грузим на корабль самолеты, научные материалы, а вечером «Обь» покинула Антарктиду. С берега и с корабля салютуют ракетами. До свидания, Антарктида!

Через трое суток плавания вместо айсбергов, китов и пингвинов появились летающие рыбы, целыми стаями, как саранча, возникающие из-под форштевня корабля. Становится жарко. На палубе оборудовали открытый душ, заборная вода подается круглосуточно. В приэкваториальной зоне спрятаться от жары уже невозможно. 21 апреля перешли экватор. В этот день меня порадовали корабельные радисты. Через радиотелефон и московскую междугородную станцию вызвали квартиру в Свердловске. Велико было удивление моих домашних, когда услышали мой голос:

— Ты откуда звонишь?

— Как откуда, с экватора!

Захватывало дух, когда корабли, стоящие в Ленинградском порту, протяжными sireнами приветствовали «Обь», вернувшуюся из дальнего и трудного плавания. «Обь» направляется к месту швартовки. Над капитанским мостиком громадный транспарант, созвучный в эти минуты с мыслями и чувствами каждого, кто на корабле: «Здравствуй, любимая Родина!» Гремит оркестр, из громадной толпы встречающих на борт корабля, как птицы, взлетают букеты цветов. Вот она, долгожданная встреча.

* * *

Сейчас, когда уже прошло несколько месяцев обычной жизни в привычных условиях, иногда, перебирая фотографий, по-новому воспринимаешь трудности и радости зимовки.

Вот Мирный и знаменитый верстовой столб со стрелками: до Луны 384 403 километра, до Москвы 14 917 километров, до Свердловска, Праги, Будапешта... и даже до Новолазаревской 3 772 километра. Такой уже шестой континент: все от него находится почти что на космических расстояниях. Вот эти расстояния, эта оторванность от людей, Родины тяжелее всего переносятся человеком с Большой земли. Но это ее качество — удаленность — больше всего и притягивает к ней, ледяной. Ничего не поделаешь, так уж устроен человек.

П. Тарамженин.

ДВА ГОДА В ЛАОСЕ

Сравнительно недавно газета «Известия» в статье «К тайнам погоды» писала: «С деятельностью агрометеослужбы в Лаосе... познакомили работающие здесь специалисты П. Тарамженин и В. Мокневский. Изучение климатических условий страны применительно к запросам сельскохозяйственного производства стало сейчас для лаосских и советских коллег одним из главных направлений в их совместной работе». Первый из упомянутых специалистов — свердловчанин. Сейчас он вернулся из своей ответственной заграничной командировки, и мы предлагаем вниманию читателей его материал об экзотической стране, о плодотворном сотрудничестве двух народов.

«Вечерний Свердловск», 13 мая 1985 г.

«Лао-Совет машины!» — такое приветствие в переводе с лаосского на русский, означающее «Да здравствует лаосско-советская дружба!», часто можно увидеть и услышать на улицах и площадях здешних городов и селений. Так лаосцы выражают искреннюю признательность великой Советской стране, ее посланцам за бескорыстную помощь маленькому народу, сбросившему монархию, вековое засилье колонизаторов, выстоявшему против агрессии американского империализма. На площадях Саваннаккета, Паксе и других городов ЛНДР и сейчас еще стоят для всеобщего обозрения сбитые американские военные самолеты, несшие на эту древнюю землю смерть тысячам мирных жителей. Но с позором убрались отсюда заокеанские вояки. Мужественный народ Лаоса с помощью СССР, социалистического Вьетнама вот уже десятый год успешно строит у себя основы социализма.

Отрадно отметить, что вместе с другими советскими специалистами весомо помогают молодой экономике Лаоса и свердловчане. Скажем, полтора года там работал главный механик Уральской комплексной геологической экспедиции Минстройматериалов РСФСР Г. Удалов. Это он внес вклад в разработку каменного карьера и постройку на его базе в Тхакхеке завода по переработке камня. Эта продукция просто необходима для изготовления железобетонных изделий, строительства зданий, дорог и мостов. Вообще-то сам Георгий Борисович не любит вспоминать о трудностях, но легко себе представить, как он вместе с лаосцами целыми днями находился под палящим солнцем на дне непродуваемого котлована, когда воздух близок к полному насыщению влагой, а жара под 50 градусов. Тогда невозможно прикоснуться к открытым металлическим частям землеройных механизмов. Навсегда сохранит уралец в памяти имена новых друзей, которые старательно учились у него работать на современной советской технике и после его отъезда уверенно ее обслуживают.

Большая проблема для юной республики — обеспечение развивающегося народного хозяйства нефтепродуктами. Увы, пока своих разработок тут нет. Приходится завозить ГСМ через соседние страны автотранспортом. Выход один: прокладывать нефтепровод. Такое решение приняло правительство Лаоса. В полевых изыскательских работах по будущей трассе от Випья (СРВ) до Вьентьяна плечом к плечу с молодыми лаосскими изыскателями трудился начальник гидрологической партии УРАЛТИСИЗа В. Напримеров.

В связи с развитием контактов растет в ЛНДР интерес к русскому языку. На столичных курсах его преподавала Л. Еремينا — заслуженный учитель РСФСР, завуч свердловской средней школы № 121. Библиотекарем в нашем культурном центре была свердловчанка Т. Борисенко.

Мне же довелось в течение двух лет возглавлять группу наших гидрометеорологов для оказания технического содействия в организации национальной гидрометслужбы. Колонизаторы, уходя отсюда, оставили «в наследство» лишь несколько метеостанций с устаревшим оборудованием и неустойчивой радиосвязью. В итоге страна, благополучие которой в большой мере зависит от капризов погоды, даже не располагала государственной системой предупреждений о возникновении тайфунов, бурь и наводнений. Не было налажено метеообеспечение безопасности полетов самолетов. Отсутствовали собственные кадры метеорологов. Помощь, собственно, началась с учебы. Больше двух десятков лаосских юношей и девушек вернулись на Родину после окончания советских институтов и техникумов по гидрометеорологическим специальностям. Мы помогли им установить и настроить отечественную аппаратуру, правильно ею пользоваться. Результаты не замедлили сказаться. Синоптиков стали благодарить как представители народной власти на местах, так и простые труженики полей. Ведь впервые за века они оказались не безоружными перед стихийными бедствиями, океанскими тайфунами и опустошительными наводнениями.

Благодаря своевременным прогнозам и предупреждениям со стороны метеослужбы, регулярно отныне передающимся по радио и телевидению, сразу же удалось уменьшить приносимый ущерб, скажем, южным провинциям в долине Меконга на миллионы кипов (местные денежные знаки). Кроме того, наши и лаосские гидрологи наладили в многолетнем разрезе учет стока всех рек. Это позволит мелиораторам увеличивать орошаемые посевные площади риса, основной сельскохозяйственной культуры. Совместными усилиями проведено также агроклиматическое районирование территории. Значит, можно будет в широких масштабах выращивать два, а то и три урожая.

И вот 24 месяца командировки в дружественный Лаос истекли. Очень тепло хозяева провожали нас домой. На приеме, устроенном в министерстве сельского хозяйства, глава национальной гидрометслужбы Кун Сенгдара и директор технического центра Том Пу высказались за продолжение контактов.

На родной Урал я привез много интересных фотографий, а также номера газеты «Пасасон» — «Голос народа», центрального органа Народно-Революционной партии Лаоса, где писалось о выполненном нами интернациональном долге.

П. Тарамженин, заместитель начальника Уральского территориального управления по гидрометеорологии и контролю природной среды.

ТУПОНОГОВА
Вера Ивановна —
ветеран труда

Родилась в 1923 году, когда исполнилось 18 лет, поступила работать в Сысертскую типографию ученицей наборщика.

Первая запись в трудовой книжке появилась 12 июня 1941 года. В годы Великой Отечественной войны работала на Сысертском машиностроительном заводе (ныне «Уралгидромаш»), где проработала до лета 1947 года. В том же году, 16 июля, была открыта в Сысерти метеостанция. Дальнейшую трудовую деятельность Вера Ивановна связала с работой метеоролога-наблюдателя, а начиналось все с недельных подготовительных курсов. На первых порах были трудности, но постепенно знания и опыт накапливались, и все вошло в свою колею.

Более 30 лет отдано работе на этой станции. За хорошие показатели в труде коллектив неоднократно получал денежные премии и благодарности.

За честный и добросовестный труд награждена медалью «Ветеран труда».

Находясь на заслуженном отдыхе, продолжала работать на метеостанции, передавая свой опыт и знания родному коллективу.

Вера Ивановна и сейчас частый гость своего коллектива, она охотно делится своими воспоминаниями. Рассказывает о редких явлениях погоды — таких, как северное сияние или зимние грозы. Тепло отзывается о людях, с которыми проработала на метеостанции более тридцати лет.

ТРИФОНОВА
Ольга Александровна —
ветеран труда

Проработала на метеостанции 36 лет.

Награждена медалью «Ветеран труда», за добросовестное отношение к труду награждалась Почетными грамотами, денежной премией.

На метеостанции Ольга Александровна является неустанным наставником молодежи, ей присвоено звание «Ударник коммунистического труда».

ФЕДОРОВ

Леонид Александрович — ветеран труда,
член Союза советских писателей

Биографические сведения и краткая справка о трудовой деятельности Л. А. Федорова по учетным данным Свердловского бюро погоды.

Родился Л. А. Федоров 16.07.1913 г. в семье служащего в г. Са-
рапуле-Образованне: в 1930 году окончил школу второй ступени;
в 1936 г. — курсы синоптиков при Свердловском УГМС; в 1941 го-
ду — 6-месячные курсы при Ленинградском гидрометеорологиче-
ском институте. Русский, беспартийный.

Общий стаж работы Л. А. Федорова в гидрометслужбе соста-
ляет 40 лет, из них в качестве синоптика — 37 лет.

В 1948 г. Л. А. Федоров освоил работу по составлению прогно-
зов горимости леса и в дальнейшем внедрил эту работу на всей се-
ти гидрометбюро Уральского УГМС; опубликовал в порядке обмена
опытом статьи по специализированному обслуживанию лесного хо-
зяйства (7 научных статей и сообщений), а общее число опублико-
ванных статей и брошюр, популяризовавших метеорологические
знания, не считая сотен газетных заметок и статей, достигает со-
рока.

Л. А. Федоров — большой любитель лесной природы, шир ко
известен в Свердловске и в области как фенолог и писатель. Его
статьи и заметки об особенностях текущей погоды, различные ре-
портажи и рассказы о деятельности работников гидрометслужбы,
о причинах возникновения различных явлений погоды, словом, обо
всем том, что популяризирует деятельность гидрометслужбы, мож-
но сказать, последние три десятилетия не сходили со страниц газет
«Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск», журнала «Ураль-
ский следопыт» и других изданий периодической литературы.

Награды:

1953 год — награжден знаком «Отличник гидрометслужбы
СССР»;

1978 год — награжден медалью «Ветеран труда».

16 июля 1973 года Л. А. Федоров ушел на пенсию, но лит-ра-
турной работой занимается, как и прежде.

Ниже излагаются его личные воспоминания — литературное и

ложение некоторых впечатлений из собственной трудовой деятельности на ниве техника- и инженера-синоптика.

Сорок лет проработал я в органах гидрометслужбы и за это время понял, что синоптику нужно знать не только законы термодинамики атмосферы, а еще детально изучить район, для которого составляется прогноз погоды. А район этот немалый: Урал по площади превосходит несколько западноевропейских государств.

Погода зависит не только от циркуляции атмосферы, но и от ее взаимодействия с поверхностью земли. А Урал исключителен по своему рельефу и ландшафту. Горы и долины, обширные болота и таежные леса, поля и степи, реки и множество озер, а также близкое соседство среднеазиатских пустынь и арктических морей создают в результате взаимодействия с притекающими воздушными массами своеобразные условия погоды, иногда очень опасные.

Без знания этих особенностей, а оно приходит в результате тщательного изучения района, синоптик, владеющий только теоретическими знаниями, не сможет дать правильный прогноз погоды. А пока накопишь опыт, немало получишь сляков и шишек. Сляки мы получали, правда, в переносном смысле. День, в который прогноз не оправдался хотя бы по одному элементу, на специальном графике закрашивался синим цветом, а оправдавшийся — красным. Получивший «сляк» был обязан заново просмотреть весь исходный материал, на основе которого был составлен прогноз. А материала этого была уйма: десяток синоптических карт, карт барической топографии, данные радиозондов, всевозможные формулы и графики. Все это нужно было вновь просмотреть, чтобы выяснить свою ошибку, а потом доложить на техническом совещании.

Пожалуй, легче было снести любое административное взыскание, чем проводить такой разбор своей ошибки. Однако польза от него была огромная — синоптик набирался опыта и в дальнейшем подобных ошибок не допускал.

Опыт! Это одна из составляющих профессионального мастерства синоптика. Сколько раз выручал он нас из самых сложных ситуаций. Мне вспоминается день, показывающий, какого накала может достичь «спокойная», на первый взгляд, работа синоптика...

В июле 1951 года в течение нескольких дней на наших синоптических картах повторялась одна и та же картина: над Уралом располагалась западная часть антициклона — области высокого давления. С юга и юго-востока тянул очень сухой и жаркий воздух, прокаленный в песках Кара-Кумов. Горели леса, и все небо было затянуто густой мглой, сквозь которую багровым шаром просвечивало солнце. В полдень термометры в тени показывали тридцать-сорок градусов! И только в Кировской области было про-

хладно, там выше шестнадцати градусов температура воздуха не поднималась.

В месте соприкосновения теплого и холодного воздуха, на линии фронта, как говорят синоптики, днем выпадали короткие дожди, местами громыхали грозы. На первый взгляд, обычная летняя грозовая обстановка, связанная с холодным фронтом. С этими мы встречались не впервые. Однако наш старший и опытный синоптик Сергей Александрович Корешков, обычно спокойный и невозмутимый, на этот раз был сильно озабочен. Он обратил наше внимание на всевозрастающие температурные контрасты в зоне фронта, что всегда приводит к очень резкой смене погоды. Мы насторожились, провели дополнительные расчеты и послали предупреждения об ожидаемых грозах и сильных шквалах.

И вот этот день наступил. Фронт продвинулся на юго-восток и в пятнадцать часов поступила первая телеграмма с метеостанции Бугульма с отметкой «шторм»: «14-55—гроза с градом, движение—северо-восток, ветер южный, 24 м/с». Через полчаса такая же телеграмма поступила из Кушнареново, и тут началось... Наши телеграфные аппараты не успевали получать сообщения об ураганном ветре и грозах.

Мы уже знали, что по фронту с огромной скоростью мчался развившийся циклон. Сам он был настолько мал, что на картах нашего масштаба не обнаруживался. Его радиус не превышал 20—25 км. И все же, по поступающим с метеостанций сообщениям, мы рассчитали его траекторию и приблизительное время прохождения через важнейшие пункты.

Звенели телефоны, бешено стучали телеграфные аппараты, передавая сообщения о буйстве стихии. За все время существования Бюро погоды, пожалуй, не было такого тревожного дня. Уж кто-кто, а мы знали, на что способна взбесившаяся госпожа погода! Окончившие смену не уходили домой и вместе с новыми дежурными вели расчеты, чертили карты, не отходили от телефонов.

Последнее сообщение об урагане мы получили в полночь из Кондо-Сосьвинского заповедника. За девять часов циклон пересек огромную территорию со средней скоростью более ста километров в час!

Уже потом, разбирая условия возникновения его, мы узнали подробности прохождения циклона через Урал. Возникнув, он мчался вдоль фронта на северо-восток, тогда как сам фронт медленно смещался к востоку. По всему Уралу прошли грозы и ливни, потушив лесные пожары, но там, где промчался циклон, тянулась полоса разрушений шириной около пятидесяти километров. Ураганный ветер сносил постройки, град выбил посевы, уничтожил мелкий скот и домашнюю птицу. В Кунгурском районе по улице одной из деревень нельзя было проехать — ее завалило бревнами

разрушенных домов. На несколько дней было прекращено движение поездов по Горнозаводской линии, где ветер свалил столбы линии электропередачи. Целую неделю расчищалась от поваленного леса ветка Сосьва—Алапаевск.

Ураган промчался, а через день над головой сияло безоблачное небо, и только резкое похолодание напоминало о недавней ярости природы.

Это один из примеров сложной работы синоптика, требующей не только знаний и опыта, но и огромного нервного напряжения. А если к этому прибавить постоянные ночные дежурства, то станет понятным, отчего многие предпочитали перейти в другие, более спокойные, отделы управления гидрометслужбы или же, махнув рукой на диплом, меняли профессию. На моей памяти несколько специалистов, окончивших Одесский гидрометеорологический институт, отработав положенный срок, бросили Урал и вернулись в Одессу. Там одна из них стала воспитательницей детского сада, другая — диспетчером автобазы в морском порту, третья — аккомпаниатором в филармонии. А одна, любительница кулинарии, заделалась заведующей столовой.

Шел своего рода естественный отбор. Оставались только те, кто по-настоящему был увлечен этой сложной, но интересной работой. В конце концов создался сплоченный коллектив, спокойный и дружный. Многие, проработав десятки лет и уйдя на пенсию, не порывали связи с Бюро погоды, часто навещали его, делились своим опытом с молодыми специалистами. Связь поколений была налицо.

Специфическая работа наложила своеобразный отпечаток на характер синоптиков. В своем большинстве это спокойные, молчаливые люди, иногда излишне замкнутые. Каждое дежурство, а они редко бывают похожими, заставляет их быть очень внимательными, сосредоточенными. За смену нужно просмотреть и проанализировать очень много материала, а его с каждым годом становится все больше. Если в тридцатых годах для дачи прогноза синоптик имел всего четыре карты погоды за сутки, то сейчас их несколько десятков, не считая данных радиозондов, графиков, расчетов, полученных на ЭВМ, спутниковой информации. Одному переварить все это невозможно, и сейчас на составлении прогноза погоды работает бригада из трех-четырех человек. Каждый выполняет определенную часть расчетов, а потом, обсудив полученные данные, составляют вывод о предстоящем изменении погоды. Подобная практика хотя и облегчила работу, не снимает ответственности с синоптика, составляющего окончательный текст прогнозов. Во время дежурства он — комок нервов, крепко зажатых в кулак. Его ничто не отвлекает, все внимание сосредоточено на одном. Болтать некогда, разве что посоветуется с членами бригады.

Четыре десятилетия проработал я в Уральском управлении гидрометслужбы. Сроднился с коллективом, вместе делил с ним удачи и промахи, полюбил свою «небесную работу». А попал я в Бюро погоды случайно.

В 1932 году, вернувшись из лесоустроительной экспедиции, я встретил на улице Свердловска Женю Порошина. Когда-то мы учились с ним в седьмом классе Сарапульской школы. Это был спокойный мальчик, очень хороший товарищ. Закончив седьмой класс, он уехал из Сарапула, и вот, через четыре года, мы встретились с ним. Он мало изменился, хотя подрос, превратился в юношу спортивного склада, но характер остался у него все тот же. Забегая вперед, скажу, что в годы Великой Отечественной войны он проявил отвагу и мужество настоящего советского человека. Это о нем, лейтенанто Порошине, и его взводе сложена прекрасная песня «На Безымянной высоте».

И вот я узнаю, что работает он гидрологом в гидрометслужбе, что располагалась в Свердловске на Обсерваторской горке. Мы долго бродили с ним в тот вечер, вспоминая свою юность.

Школьные годы! Я часто, особенно сейчас, на склоне лет, возвращаюсь к ним памятью. Это не тоска по «доброму старому времени», а легкая грусть по ушедшей молодости, когда все казалось в ином свете, вроде бы и солнце грело сильнее, и зимы не были такими суровыми. Вспоминаю лица друзей. Где они сейчас? По каким шагают дорогам? Жизнь разбросала нас по стране, да и многих уже недосчитаться.

Но я отвлекся. Встреча с Порошиным решила мою судьбу. Он рассказал, что работа у него хотя и «мокрая», как он выразился, но интересная. Расписал мне ее с таким энтузиазмом, что не устоял я перед искушением и в 1933 году расстался с лесоустройством, решив стать гидрологом. Работу с геодезическими инструментами я знал, а сырости не боялся, так как за время работы в лесу привык и не к таким трудностям. Мокнул под дождем и изнывал от жары, воевал с гнусом, спал в палатке, а чаще под открытым небом возле костра...

Здание гидрометслужбы стояло на вершине Обсерваторской горки в окружении высоких сосен, между стволами которых выступали из земли обомшелые глыбы змеевика. Деревянное здание с высокой вышкой, похожей на башню, настолько отличалось от примелькавшихся городских построек, что сразу появилось чувство чего-то необычайного и загадочного. А тут еще на башне крутился под ветром анемометр и бросал голубые блики гелиограф.

Внутри помещения царил необычайная тишина, только из-за одной двери, на которой висела табличка «Радиостанция», доносился тонкий голосок морзянки. Вдоль стен коридора, пересекавшего все здание, стояли шкафы, за стеклянными дверцами кото-

рых сверкали медью и никелем инструменты неизвестного мне назначения...

Зачислили меня вычислителем в Бюро погоды. Свободной вакансии гидролога не оказалось. Заметив мое разочарование, заведующий кадрами, он же зав. канцелярией, завхоз и кладовщик, Иван Прохорович Добрынин, успокоил:

— Не огорчайтесь! Работа в Бюро погоды спокойная, интересная, и по командировкам мотаться не придется.

В этом я скоро убедился. Только вот насчет спокойствия Иван Прохорович явно лукавил.

За долгие годы я хорошо узнал Добрынина, фамилия которого так соответствовала его характеру. Добрый и внимательный, исключительно честный. В гражданскую войну командовал красноармейским полком. Демобилизовался в двадцать втором году и, не имея специального образования, как сам выражался, «пошел по конторской части». Шли годы, одну за другой сдавал свои обязанности Иван Прохорович более молодым, пока к началу Великой Отечественной войны не стал простым кладовщиком. И вот здесь-то и проявилось его настоящее призвание. Складское хозяйство поставил так, что с закрытыми глазами мог объяснить, где, в каком углу, на какой полке лежит нужный прибор, продукт или расходный материал. Даже банкой килек не попользовался кладовщик в голодное военное время, хотя от дистрофии пухли ноги, и порой, отпуская по накладной какой-либо прибор, присаживался на ящик и просил «обождать чуток, чегой-то голову обнесит».

Умер Иван Прохорович после войны. Он был первым человеком, с которым я встретился в управлении гидрометслужбы и который на долгие годы определил мою судьбу. Пусть земля ему будет пухом!

В то время, когда я в 1933 году пришел в Бюро погоды, штат его был небольшой: начальник, которого мы почти не видели, четыре синоптика, четыре вычислителя и два радиста.

На первых порах посадили меня за изучение международного метеорологического кода. Сначала он показался мне настоящей абракадаброй. Поступающие с метеостанций телеграммы и целые сводки, принимаемые радистами, для непосвященного человека выглядели набором пятизначных цифр. Каждому явлению погоды соответствовали определенные цифры и место в телеграмме, которую нужно было перевести в условные значки и нанести на географическую карту цветной тушью: красной и черной.

Страхи мои оказались напрасными. Через неделю я быстро расшифровывал телеграммы и стал составлять карты погоды. Бланки этих карт были большими, охватывали площадь от Гренландии до Чукотки и от Земли Франца-Иосифа до Турции.

Работа меня увлекла. Буквально на глазах оживала немая гео-

графическая карта. Вот арктический бассейн, суровый и загадочный. Мыс Желания и Бухта Провидения! Сколько за этими названиями скрыто человеческих надежд, мужества и жестоких трагедий! А чье сердце было разбито вот у этого беспощадного клочка земли, прозванного Мыс Сердце-камень?

В перерыве между приемами сводок к моему столу подсаживался начальник радиостанции Толя Шаршавин. Мы были с ним одноклассниками и быстро сдружились. Наблюдая, как покрывается карта условными значками, однажды он показал на Северную Землю и задумчиво произнес:

— Вот бы где поработать!

Видимо, романтика севера его захватила. В 1939 году он уехал радистом на остров Диксон, а в 1942 году был назначен начальником полярной станции на острове Домашнем.

...Уже второй год шла Великая Отечественная война. Ледовитый океан стал фронтом. Один за другим проходили Северным морским путем караваны с оружием, продовольствием и боеприпасами. Фашистское командование делало все, чтобы перерезать эту важную артерию. В Арктику были тайно переброшены подводные лодки и крейсер «Адмирал Шеер», отличавшийся быстротой и мощным вооружением.

25 августа 1942 года крейсер, рыскавший в Карском море в поисках наших караванов, у архипелага Норденшельда наткнулся на ледокол «Сибиряков», шедший с людьми и грузом для полярных станций. На этом ледоколе находился и Шаршавин, направлявшийся на остров Домашний. Опытный радист, он не захотел сидеть без дела и включился в дежурство на радиостанции. Поддерживая связь с Диксоном, он первым сообщил о появлении в море вражеского крейсера, сорвав тем самым тайные планы врага.

Крейсер быстро настиг тихоходный ледокол, вооруженный для борьбы с подводными лодками несколькими трехдюймовыми пушками и зенитными пулеметами. Силы были слишком неравны, и все же на требование врага сдаться все сто четыре человека, находившиеся на борту ледокола, решили не спускать флаг и принять смертный бой. Это была не безрассудная жертва, а мужество советских людей, решивших отвлечь внимание фашистов от беззащитного каравана, следующего проливом Вилькицкого. И когда прозвучал предупредительный выстрел пирата, в ответ с ледокола грянули залпы.

До этого ни один из потопленных крейсерами американских и английских судов не стрелял по стервятнику. По первому сигналу команда опускала флаг и на лодках покидала корабль. И на этот раз ожидавшие легкой добычи фашисты, встретив ожесточенное сопротивление, опешили. Но замешательство длилось недолго.

Мощные орудия врага обрушили на ледокол снаряды главного калибра. «Сибиряков» закачался, на палубе взорвались бочки с бензином, огонь охватил судно, но люди продолжали сражаться. Когда из ста четырех человек осталось только восемнадцать, из которых половина были ранены, моряки, открыв кингстоны, попытались на полуразбитой шлюпке уйти под укрытие ближайшего острова. Но катер фашистов настиг беглецов...

Так начались скитания сибиряковцев по немецким концлагерям. В конце войны, откатываясь под ударами Советской Армии, фашисты угоняли на запад военнопленных, и однажды, воспользовавшись суматохой, вызванной налетом английской авиации, Шаршавин бежал. Много испытаний перенес беглец, пока не вышел навстречу нашим войскам. Храбро сражаясь в рядах Советской Армии, всего две недели не дожидаясь победы, 17 апреля 1945 года при штурме города Гройденхаген ушел в последний бой сержант Анатолий Шаршавин. После войны только тринадцать сибиряковцев вернулись домой.

Прошли годы. Каждый раз, обрабатывая карту погоды, я задерживал взгляд на уголке Арктики, где ледокол «Сибиряков» повторил бессмертный подвиг «Варяга». Сейчас этот район уже не является белым пятном, добрый десяток полярных станций стоят там на страже погоды.

Мой путь в синоптическую метеорологию не был усыпан розами. Работа вычислителя, хотя и интересная, оказалась утомительной. Двенадцатичасовые смены, особенно ночные, требующие мелкой, аккуратной работы, повлияли на зрение. Пришлось завести очки. Все же техникой составления карт я овладел быстро, даже научился наносить данные не с телеграмм, а на слух, используя передачу сводок Центральным институтом прогнозов в Москве.

Это умение пригодилось мне, когда в сентябре 1935 года в стране был проведен испытательный перелет легкомоторных самолетов. Три с половиной десятка аэропланов должны были совершить круговой полет по маршруту Москва — Казань — Пермь — Свердловск — Оренбург — Сталинград — Киев — Москва.

Одним из пунктов посадки был намечен Сарапул, город, где я родился и вырос. Стояла осень с присущей ей неустойчивой погодой. Для обеспечения безопасности перелета в каждом пункте посадки были созданы группы работников гидрометслужбы. В одну из таких групп в Сарапуле, где была только обыкновенная метеостанция, направили вычислителем меня, а синоптиком Г. Сулова, молодого специалиста с университетским образованием. Мы отправились в Сарапул не прямым поездом, а через Пермь, где пересели на пароход. Белый двухпалубный красавец, шлепая по воде плечами колес, неторопливо повез нас по реке.

Кама — река моего детства. Почти на всем протяжении ее правый берег высокий, гористый, поросший корабельными соснами а левый — низкий, заливаемый в половодье, зарос дубняком и чер-нолесьем. Веснами в этом густяке гремели соловьиные трели. Со-ловьев было так много, что в ночной тишине через всю речную ширь доносились их голоса, сливаясь в сплошной хор.

В те годы берега реки были малолюдны. Редкие села и города прятались среди холмов, лишь изредка выбегая на побережье. По сравнению с Волгой она более красива и живописна, а водонос-ность ее до слияния с Волгой-матушкой гораздо больше. Ей бы и надо нести свое имя до самого Каспия, и только историческая не-справедливость лишила ее этого права.

Сейчас, по данным гидрохимиков, из всех больших рек нашей страны Кама — самая грязная. Пройдет немало десятилетий, ког-да в ее водах снова появится прекрасная рыба — стерлядь, пиро-ги и уху из которой мы предпочитали всем блюдам, когда в 1935 году были в Сарапуле.

В командировке мы пробыли три дня. Сидя за стареньким ра-диоприемником БЧЗ, я принимал на слух сводки, сразу нанося данные на карты. Суслов обрабатывал их и составлял прогноз по-годы по трассе Сарапул — Пермь.

Проводив самолеты, мы вернулись в Свердловск, и снова на-чалась будничная работа по составлению синоптических карт. Но мне хотелось не только составлять их, но и самому обрабаты-вать. Я начал присматриваться к работе синоптиков, помогать им. Вскоре они стали доверять мне обработку и анализ карт, делить-ся выводами о предстоящих перемещениях циклонов и антицикло-нов.

Тех знаний, что я вынес из школы второй ступени по физике атмосферы, оказалось явно недостаточно. Пришлось взяться за специальную литературу. Мне очень повезло, что рядом оказались такие отличные специалисты, как С. А. Корешков и А. Д. Уласе-вич. С их помощью получаемые из книг теоретические знания я сразу же закреплял на практике.

В 1936 году, устроив мне строгий экзамен, они допустили меня в свои ряды: В мае этого же года уже в должности инженера-синоптика меня направили на работу в авиаметбюро при Янауль-ском аэропорте. Это был маленький промежуточный порт, обслу-живающий трассу Свердловск — Казань. За сутки на его травя-ном поле садилось два-три самолета, изредка из Уфы привозил почту самолетик По-2. Да и по основной трассе летали преимуще-ственно эти трудяги. Садились, заправлялись горючим самолеты П-5, К-5, иногда цельнометаллические «Сталь-3». Без посадки, как

мы говорили, «пролетом», высоко в небе пролетали тяжелые двух- и четырехмоторные транспортные корабли.

Синоптики при наличии свободных мест имели право совершать полеты как для проверки своих прогнозов, так и для знакомства с авиатрассами. Мне довелось дважды слетать на По-2 до Уфы и обратно и на К-5 до Свердловска.

Прошло полвека, но я до сих пор помню этот полет на К-5. Было такое впечатление, что летишь не в самолете, а в развалюхе-сараяе. Кругом тряслось и скрипело, особенно когда началась сильная болтанка над горами. В иллюминатор было видно, как трепетали самолетные крылья, и, казалось вот-вот, стоит попасть в очередную воздушную яму, крылья эти отвалятся.

В Свердловске чуть живой я выбрался из кабины и сразу же прилег на землю. Пилот потом с добродушной иронией говорил, что мое лицо было таким же зеленым, как трава. Обратю в Янаул я улетел в тот же день, но уже на самолете П-5.

Позднее мне часто приходилось летать — то с разведкой погоды, то в составе комиссий по разбору авиационных происшествий, но подобных воздушных «потрясений», как на К-5, я уже, к счастью, не испытывал. Скоро самолеты этого типа были сняты с воздушных линий, на смену им пришли знаменитые АНТ-9.

Статистика — а это наука точная — утверждает, что в автотрагедиях гибнет гораздо больше людей, чем при авариях самолетов. Умом это понимаешь, но все же чувствуешь себя более уверенно, когда под ногами находится родная земля. И все же бывают случаи, когда не приходится выбирать способ передвижения.

Однажды, перед самой войной, я был в командировке с инспекцией Курганского авиабюро. Железнодорожный транспорт в это время работал с большой перегрузкой, и достать билет на поезд я не смог. Создалось сложное положение. По вышедшему в то время Указу за опоздание я мог иметь крупные неприятности, вплоть до отдачи под суд.

На мое счастье, в Кургане произвел посадку огромный самолет Г-1. Вел его пилот нашего Уктусского аэропорта Меглицкий. Дежурный диспетчер наотрез отказался отправить меня этим самолетом, заявив, что он возвращается после аварии и брать пассажиров не имеет права. Вероятность сесть на скамью подсудимых показалась мне более страшной, чем полет на неисправном самолете. Отозвав в сторону Меглицкого, я попросил его подбросить меня до Свердловска, объяснив, чем может обернуться для меня опоздание.

Меглицкий задумался, а я с тревогой и надеждой всматривался в этого человека, от которого, как я считал про себя, зависела моя судьба. Среди в основном молодых и бесшабашных пилотов Уктусского авиаотряда Меглицкий выделялся не только какой-то

подчеркнутой корректностью, но и всем своим видом. Это был средних лет, довольно высокий, стройный мужчина, с узким красивым лицом и орлиным носом. Был он пилотом первого класса, только таким и доверяли вождение тяжелых самолетов. Мне кажется, пилоты ему завидовали, называя его между собой «лордом».

Так вот, этот «лорд», минуту поколебавшись, заговорщически подмигнул мне и сказал:

— Мы вылетаем через час. Пока на летном поле ничего нет, идите и садитесь в самолет.

Бортрадист Володя Иванов сторонкой, стараясь не попасть на глаза дежурному, провел меня и усадил в штурманскую кабину. Там лежали какие-то кули, и я, подложив под голову сумку, улелся и задремал. Разбудил меня ужасающий рев моторов, расположенных по обе стороны кабины. Не знаю, как было внутри самолета, но там, где я находился, стоял такой грохот, что я не слышал своего голоса.

До Свердловска мы долетели благополучно. После посадки, чтобы не подвести пилота, я незаметно выбрался и смешался с толпой встречающих. Это была моя последняя встреча с Меглицким. Через три месяца его самолет, вывозивший из Ленинграда заводское оборудование, был сбит немецкими истребителями...

Вернемся в тридцатые годы. В Янауле я проработал недолго. Произошла реорганизация Бюро погоды, увеличился штат, и меня, уже как опытного синоптика, отозвали в Свердловск. Признаться, я соскучился по Обсерваторской горке и дружному коллективу, с радостью включился в работу. Мне, как самому молодому, больше всех доставалось ночных дежурств: семь-восемь за месяц, а иногда и десять. Несмотря на утомительность таких смен, я любил ночные бодрствования. Кругом тишина, никто и ничто не отвлекает, можно сосредоточиться, внимательно изучить поступающий материал, а следить за погодой было необходимо. После сухого и жаркого лета наступила прохладная осень, а смена сезонов всегда чревата разного рода неожиданностями, учащаются выходы циклонов то с Черного моря, то с Баренцева. Иногда они мчатся с такой скоростью, что через сутки после появления их на карте прорываются на Урал и резко меняют погоду.

Приходилось все время быть начеку, тем более, что в ночную смену не с кем было посоветоваться, и ты уподоблялся одинокому стратегу, рассчитывающему по своим картам направление и скорость атакующего тебя врага-циклона, вооруженного грозами, бурянами или гололедом, сгибающим в дугу металлические опоры ЛЭП. Но 9 сентября 1937 г. ночное дежурство в смысле погоды было безмятежным. От самой Балтики до Оби был устойчивый

западный перенос воздуха, своего рода барьер для циклонов, могущих прорваться на Урал с севера или юга. Все обещало спокойное дежурство. Но... Как часто это «но» врывается в нашу жизнь, и все идет вверх тормашками!

Осенью рано темнеет. Ночная мгла окутала город, на черном небе появились россыпи ярких созвездий. Я только что успел обработать очередную карту, как в помещении Бюро погоды без стука шагнул человек в кожаной куртке и заявил, что мне необходимо срочно явиться на Арамилевский аэродром для консультации о погоде экипажа дирижабля, вылетающего на Москву.

— Поторопитесь, машина жлет! — закончил незнакомец.

Все это было так неожиданно, что я растерялся. До этого имел дело только с самолетами, а тут — дирижабль! Я хотя и слышал, что он прилетел в Свердловск, но не видел его и даже не предполагал, что он отправится в рейс на ночь глядя.

Собрав необходимые материалы, я последовал за человеком в кожаной куртке, и вскоре старенький «Форд» высадил меня на аэродроме. Дирижабль оказался огромным чуднищем, высотой в пятиэтажный дом. Может быть, этому способствовала окружающая темнота, в которой лучи прожекторов высвечивали его серебристый корпус. Мой спутник провел меня сквозь шеренгу милиционеров, и я поднялся по трапу в кабину.

После темноты кабина, освещенная яркими лампами, показалась очень обширной. Прежде всего в глаза бросилась необычная обстановка, так не вязавшаяся в моем представлении с воздушным кораблем. Возле одной из стен стояла мягкая кушетка, под ногами ковер, посредине большой круглый стол. Стены чистые, светлые. Никаких приборов и пультов на них не было, все это, очевидно, помещалось в переднем отсеке, отделенном от этой кают-компании дверью.

Два человека, командир Паньков и штурман, поздоровавшись, склонились над столом, на котором я разложил свои карты. Внимательно выслушали мои объяснения и задали несколько вопросов.

— Грозы? Нет, не ожидаю! — ответил я, сообразив, что именно опасаясь их, они решили вылететь ночью. — Встретите слабый дождь около Елабуги, но облачность высокая, порядка восьмисот метров.

Единственное, что им пришлось не по вкусу, так это ветер. По данным шаров-пилотов, он был на высоте полета лобовым-западным до 15—20 м/с.

— Часов восемь до Казани протопаем! — недовольно произнес Паньков.

Когда дирижабль улетел, я тщетно разыскивал человека в кожаной куртке. Он словно растаял в окружающей мгле. Одна за

другой уходили в город машинны, но мне места в них не находилось. Наконец, на глаза попалась грузовая машина, в кузов которой забирались милиционеры. Объяснив положение, я попросил довести меня до города.

— А, синоптик! Если обещаешь завтра хорошую погоду — добросим до самой твоей горки!

Деваться было некуда, пришлось пообещать. Довезти-то они меня довели, высадив около столбов Сибирской заставы, однако днем многие из них наверняка поминали меня недобрый словом. В полдень небо нахмурилось, и пошел мелкий, противный дождь, тот самый, который я обещал Панькову. За ночь он сместился к востоку и подмочил мою репутацию у милиции.

Полет дирижабля был пробный. Намечались его регулярные рейсы по трассе Москва—Свердловск. Но вскоре, летя из Мурманска, на берегу Белого моря дирижабль потерпел катастрофу. Весь экипаж вместе с Паньковым погиб. Погиб и летевший в качестве пассажира известный полярный летчик Бабушкин. Причиной катастрофы явился неожиданный шквал, кинувший низко летящий дирижабль на прибрежные скалы.

Через год меня назначили начальником авиаметстанции при Уктусском аэропорте. Здесь многочисленные отделы назывались службами: диспетчерская, связи, перевозок, аэродромная и т. д. По этому же принципу наша станция стала называться метеослужбой. К этому определению мы вскоре привыкли, и уже язык не поворачивался произносить слово «авиаметстанция». Как-никак, это было своего рода бюро погоды, более крупное, чем то, в котором я начинал свою деятельность в 1933 году. Мы имели собственную радиостанцию, пункт самолетного зондирования атмосферы. Кроме метеорологических наблюдений четыре раза в сутки производили запуск шаров-пилотов для определения направления и скорости ветра на высотах. В штате числились синоптики, вычислители, радисты, наблюдатели и бортаэрологи.

Работы было много. Аэрофлот расправлял крылья. На широком поле аэродрома почти непрерывно гудели моторы. Прилетали и шли в дальние рейсы тяжелые транспортные самолеты, пассажирские «Сталь-3» и АНТ-9. Маленькие По-2 развозили по области почту, в жаркие дни патрулировали леса от пожаров, вылетали с врачами в глухие деревеньки, которые подчас даже не значились на карте.

Целые сутки мы проводили в своей метеослужбе. Даже ночью, когда замирала жизнь аэродрома, мы продолжали работать. Каждый наступающий день не походил за прошедшим. Старый Урал, такой родной и близкий, был в то же время для нас страшным противником, коварным и загадочным. Он поминутно подстерегал летчиков то плотным туманом, то низкими облаками, закры-

въяющими перевалами, то грозами и шквалами. Много раз он путал прогнозы, заставляя нас и пилотов переживать неприятные минуты.

Все капризы погоды мы должны были своевременно предвидеть. И хотя в основе прогноза лежит холодный расчет, мы не были сухарями. Любили за то, что умели распутывать сложные загадки погоды, предвидеть всякие неожиданности. А погода бывает сродни хамелеону, все время меняя свой облик, а иной раз упорно сохраняется целый месяц. Иногда же делается задумчивой и нерешительной, словно колеблется: или заплакать дождем, или, разогнав тучи, улыбнуться теплым, ярким солнцем.

Прогноз погоды, как мы считали, состоял из физики, математики, плюс опыта и какой-то доли интуиции. Последняя величина была переменной, зависящей от внутренних свойств синоптика. Само собой разумеется, что чем больше будет в прогнозе интуиции, тем хуже он оправдывается. Вот почему мы старались ее избегать.

Среди синоптиков была у нас Маруся Рыжкова, молодая женщина с копной черных волос и круглым лицом, густо усыпанная веснушками. Так вот эта Маруся нашла однажды еще одну составляющую прогноза, до сих пор нам неизвестную. Вот как это произошло.

В середине января на наших картах появился циклон. С берегов далекого Средиземного моря хлынул на Урал теплый воздух. Низкие синие облака заволокли горизонт, снег под ногами стал липким, а воздух — туманным и влажным.

В один из таких дней к нам зашел Валентин Деменев, командир санитарного звена и попросил выписать сводку погоды.

Маруся, просмотрев все материалы, написала прогноз. Деменев внимательно его прочел и покачал головой.

— Я имею право летать в любую погоду, за исключением обледенения. А вы как раз написали: «В воздухе обледенение». С таким прогнозом не только в рейс, а и над аэродромом потренироваться не выпустят!

— Но данные зондирования говорят об этой угрозе. Я не мог не сказать об этом!

Мы знали Деменева всегда сдержанным и невозмутимым. Когда мы впервые с ним встретились, нас поразили его серые, очень холодные глаза. Все мы решили, что это очень жесткий и суровый человек, с которым нужно держать ухо востро. Но очень скоро изменили о нем свое мнение. Он оказался очень добрым и внимательным человеком. Не в пример другим пилотам всегда охотно рассказывал о погоде во время своих полетов, чем немало помог нам накапливать опыт. Но на этот раз обычное спокойствие его покинуло. Вернув бланк с прогнозом, он нервно сказал:

— Я везу хирурга. Там, в деревне, лежит в тяжелом состоянии женщина. На ферме бык пропорол ей рогом живот. Если через несколько часов ей не будет сделана операция, ее дети останутся сиротами. Я очень прошу вас, вычеркните слово «обледенение»!

То, что предлагал Деменев, было нарушением всех существующих у нас наставлений и руководств. И хотя мы чувствовали, что сухие параграфы этих руководств не могут предусмотреть все случаем в жизни, мы твердо их выполняли, зная, что любое нарушение грозит нам большими неприятностями, вплоть до трибунала.

Маруся задумалась. Постукивая карандашом по столу, сердито спросила:

— А если вы разобьетесь, представляете, что будет со мной?

— Мария Ивановна, — торопливо заговорил Деменев, — жизнь этой женщины сейчас зависит только от вас, вернее, от одной фразы. Обо мне не думайте, я много раз летал по этому маршруту и знаю на нем каждый кустик. Вот посмотрите! — он вытащил планшет с картой и, водя по нему пальцем, продолжал:

— Здесь, в пятнадцати километрах от нашего аэродрома, высятся холмы. Если они закрыты облаками, я облечу их с севера. Но я уверен, что высота облаков там не может быть ниже, чем у нас здесь. Значит, у меня в запасе целых восемьдесят метров, и я легко пролечу над ними. Дальше — поля, местность ровная. Вот на изгибе реки стоит эта деревня. В этих местах я летал на бреющем полете, когда производил подкормку озимых. Не бойтесь, все будет в порядке!

Маруся внимательно посмотрела на Деменева, немного подумала и, переписав текст прогноза, тихо сказала:

— Я верю вам, Валентин Андреевич. Счастливого пути и поутного ветра!

Этот день тянулся томительно долго. Тихий и безветренный, с даями в серой дымке, он казался спокойным и безмятежным. Но мы знали цену этого спокойствия. Сыпавшаяся с неба мелкая снежная крупа вселяла в нас страх. Она была верным признаком тяжелого обледенения. Попав в него, самолет перестает подчиняться воле пилота.

Время шло, а санитарный самолет не возвращался. Маруся крепилась, и только бледность выдавала ее волнение...

Деменев прилетел уже в сумерках. Не раздеваясь, в меховом комбинезоне и собачьих унтах, он зашел к нам. Вернул бланк с прогнозом, устало улыбнулся.

— Вы были правы. Я еще никогда не попадал в такой переплет. Мы четыре раза садились в полях и вместе с хирургом скалывали лед с самолета. Спешили, как черти, и прибыли вовремя. Женщина будет жить!

Так была найдена еще одна составляющая величина прогноза. Она — мужество летчика.

Пожалуй, нигде, как в авиации, не приходится считаться с погодой. Даже сейчас пилоты сверхзвуковых самолетов внимательно знакомятся с метеорологической обстановкой перед полетом. Тем более, в тридцатых—начале сороковых годов, погода была главным дирижером. Она не признавала ошибок и была беспощадной, когда ею пренебрегали.

Прошло более сорока лет, но я до сих пор помню, как такое пренебрежение привело к трагедии.

Перед самой войной гражданская авиация получила снятые с вооружения бомбардировщики, получившие название ПС-40. Это были двухмоторные самолеты с экипажем из двух человек: пилота и радиста. Использовались они в основном на перевозке почты. Водили их опытные летчики, проведшие в воздухе многие сотни часов. В то время еще не было значков «миллионер», которыми награждали пилотов, налетавших без аварии миллион километров. Но большинство командиров ПС-40, если сложить протяженность всех их рейсов, несколько раз обогнули земной шар.

Таким опытным пилотом был и Тютяев. Среднего роста крепкош, с открытым приятным лицом, чем-то напоминающим Джека Лондона на обложке одной из его книг.

Как-то в середине ноября, когда зима стала набирать силы, покрыв льдом волосы, в мое дежурство зашел Тютяев и попросил выписать ему прогноз до Новосибирска.

В тот день над Уралом было синее небо с легкими, похожими на перышки, облаками. Над Якутией стоял мощный антициклон—область высокого давления. Его центр оставался на месте, создавая там свирепые шестидесятиградусные морозы. От сильного выхолаживания он быстро увеличивался по площади, и его отрог, состоящий из очень холодного воздуха, двигался на запад. При смещении линии раздела холодного фронта метеостанции отмечали резкое понижение температуры, сильные снегопады и метели.

Обычно в наших широтах господствует западно-восточный перенос воздушных масс, в данном же случае наблюдалось обратное — холодный воздух двигался с востока на запад. Это было редчайшее явление, во всяком случае, я, уже имевший достаточный опыт, столкнулся с этим впервые.

Проведенные расчеты привели к выводу, что самолет Тютяева будет пересекать холодный фронт где-то между Омском и Новосибирском и встретит сильные снегопады и метели при видимости до ста-двухсот метров.

Получив прогноз, Тютяев отправился к диспетчеру. Тот, прочитав текст, запальчиво заявил:

— Чепуха! Вечно эти синоптики что-нибудь придумают. Только

что приземлился самолет из Новосибирска. Пилот заявил, что погода отличная. Пошли на метеослужбу, вправим мозги Федорову.

И вот трое: диспетчер, Тютяев и новосибирский пилот — окружили мой стол.

Новоприбывший, я не помню его фамилию, пуча наглые голубые глаза, заорал:

— Ветродуи! Перестраховщики! Если при такой погоде не летать, так вообще всю авиацию нужно прихлопнуть. Я только что из рейса, на всем пути ни одного облачка, а видимость — аж Ташкент видно!

Я пытался объяснить, что он летел от фронта, который в момент его вылета еще не достиг Новосибирска, а Тютяев встретит его западнее этого города.

— Я давно утюжу эту трассу, и сроду не было, чтобы фронт смещался к западу!

— Мне тоже впервые пришлось с этим столкнуться. Но факт остается фактом! — стараясь сдержаться, ответил я.

Диспетчер переводил взгляд с меня на летчика и, поверив все же ему, потребовал переписать прогноз. Я резко отказался, и тогда он размашисто написал на бланке: «Вылет разрешаю».

Тютяев растерянно пожал плечами. Он верил мне, и отправляться в такую погоду ему не хотелось. Он имел полное право отказаться от полета, но, видимо, боясь, что его отказ примут за трусость, пошел на летное поле.

Когда его самолет, сделав над аэродромом положенный круг, лег на курс и быстро исчез из вида, из Новосибирска поступило штормовое оповещение: «Буря, видимость сто метров».

До пункта посадки он не долетел. Что с ним случилось, до сих пор неизвестно. Вероятнее всего, где-то над Барабинской степью он встретил холодный фронт. Вернуться не захотел, пробиться же сквозь спящий буря не смог и пошел на вынужденную посадку. В тех местах множество озер, в ноябре они покрываются льдом, и среди снежной пелены сверху их трудно различить, да еще в сильный буря. Вот на одно из таких озер, наверное, и посадил Тютяев свой самолет. Слабый лед не выдержал тяжести многотонной машины, и она ушла под воду. К вечеру сильный мороз заковал полынью, а снег аккуратно заровнял место трагедии. Попробуй найди!..

Я не хочу, чтобы у читателя создалось впечатление, что работа синоптика исключительно связана с разного рода происшествиями и трагедиями. Наоборот, все наши усилия были направлены на то, чтобы их не было, и если я останавливаюсь на таких моментах, то исключительно для того, чтобы показать, насколько сложна борьба человека со стихией. В этой борьбе были жертвы и среди работников метеослужбы. Они случаются и сейчас.

Великими антарктические репортажи В. Пескова в «Комсомольской правде».

В 1946 году я снова вернулся в Бюро погоды. Восемь лет, что я занимался авиационной метеорологией, не прошли даром. Я хорошо изучил Урал, своеобразный рельеф которого создает порой на небольших участках такие погодные условия, какие не встретишь в центральных районах нашей страны.

Работа синоптика на аэродроме такая же, как и в Бюро погоды, там и тут необходимо своевременно предупредить об угрозе возникновения опасного явления, но она имеет и свои особенности. Так, например, если синоптик Бюро погоды, давая прогноз на следующие сутки, говорит: «Завтра по области ожидается облачная погода, снег, местами сильный», то синоптик, составляя прогноз для полета самолета по какой-либо трассе, обязан указать еще и высоту облаков, в каком именно месте ожидается сильный снег и видимость в нем. При этом прогноз дается не на сутки, а на время, необходимое для полета от пункта взлета до пункта посадки.

Все годы Великой Отечественной войны я проработал в метеослужбе Уктусского аэропорта. С первых же дней войны гидрометслужба вошла в состав Красной Армии. Начальнику управления и руководителям отделов были присвоены воинские звания. Все остальные сотрудники, в том числе и «белобилетники», такие, как я, хотя и считались вольнонаемными, подчинялись строжайшей военной дисциплине.

Трудное это было время. Иногда целыми сутками мы не покидали свои рабочие места. Людей не хватало. Ушли на фронт и погибли бортаэрологи Геннадий Васильев и Борис Гурин. Поредел состав наблюдателей и радистов. Бортаэролог Николай Щелканов, оставшийся один, работал без выходных дней, ежедневно поднимаясь на самолете П-5 с метеорографами на высоту пять-шесть тысяч метров. Работа изматывающая и опасная. В помощь ему обучили наблюдателя Катю Щербачеву, отчасти решив вопрос с зондированием атмосферы. Вышли из положения и с радистами. С большим трудом выпросили у начальника управления майора Муравьева его секретаршу Катю Милькову, очень милую девушку, знакомую с радиоделом. Наблюдатель, тихая и незаметная Ася Трофимова, ласково прозванная нами «мышкой», самостоятельно изучила азбуку Морзе и заняла место у радиостанции. После войны она долгие годы работала на высокогорной станции Таганай, передавая оттуда сводки погоды.

За исключением синоптиков, все были очень молодые, недавно окончившие школы девочки шестнадцати-восемнадцати лет.

Каждый раз, вспоминая этих девочек, в частности Нату При-

быткову, мне приходят на память слова А. П. Чехова: «Жизнь каждого человека — сюжет для небольшого рассказа».

Ната пришла к нам на аэрометстанцию сразу после окончания средней школы: Невысокая, ладная, с круглым детским личиком и мальчишеской прической, выглядела она совсем юной, и мы всячески помогали ей овладеть трудной профессией аэролога. К нашему удивлению, новенькая через месяц уже самостоятельно выпускала шары-пилоты и чувствовала себя в коллективе как равная. В общем, пришлось ко двору.

С чего все началось, трудно сказать, прошло много лет. Мне запомнилась ночь. Тихая и теплая, какие часто выпадают в августе, когда все окружающее сливается с непроглядной чернотой остывающей земли, только над головой сияли бесчисленные звезды и таинственно светилась полоса Млечного пути. Где-то на фоне этого неба слабо мерцал фонарик, увлекаемый шаром-пилотом.

Прильнув глазом к окуляру теодолита, Ната держала огонек в поле зрения, а я, следя за секундомером, делал отсчеты на освещенных маленькими лампочками шкалах инструмента. Днем девушка справлялась одна, но в темное время ей еще приходилось помогать.

Наблюдение длилось более часа, когда Ната огорченно воскликнула:

— Потеряла! Слился со звездой!

Я заглянул в трубу и в бездонной тьме увидел яркие звездочки, а между ними светлое пятно.

— Это туманность Андромеды, такая же галактика, как и наша.

— Летчикам хорошо! — мечтательно протянула девушка. — Они бывают ближе к звездам, чем мы на земле!

— Позавидовала небесным братьям? — засмеялся я. — Да наш самолет-зондировщик выше шести тысяч метров не поднимается, а до ближайшей звезды не одна сотня миллионов километров. В космосе пространство измеряется световыми годами. Вот, например, до этой Андромеды свет идет миллионы лет...

Позднее, в помещении, обработав наблюдение, Ната то и дело что-то подсчитывала, сердито стирала написанное и, нахмурив белесые бровки, снова считала.

Все ночное дежурство до самого утра среди наблюдателей только и разговоров было, что о туманности Андромеды. Пришлось прикрикнуть на расшумевшуюся молодежь.

Через несколько дней, когда бортаэролог Щелканов докладывал о результатах подъема с метеографин, к столу подошла Прибыткова. Немного помаялась и, чуть заикаясь от волнения, выпалила:

— Леонид Александрович! Переведите меня на самолетное зондирование, не век же мне с шариками возиться. По-ожалуйста! — протянула она и с такой мольбой уставилась на меня, что я рассмеялся.

— Даже не думай! На этой работе нужна большая физическая закалка, а ты еще совсем ребенок!

— Ребенок? — возмутилась Ната. — Я же физкультурница, значок ГТО имею и с парашютом прыгала... с вышки!

— Смотри-ка! — удивился Щелканов и высказался про тихий омут и проживающих в них чертенятах. Потом окинул девушку оценивающим взглядом и, словно впервые увидев, сказал:

— А пожалуй, справится. Пусть летает, я ее подучу... Андромеду!

Ната вспыхнула, кинула на Щелканова испепеляющий взгляд и снова уставилась на меня.

— Нет! — твердо ответил я. — Рано тебе. Комиссия все равно не пропустит. К тому же у нас нет кислородного прибора, а без него тебе не обойтись!

— Но Николай Георгиевич и Катя летают без него, почему же и я не могу?

— Они старше тебя, и то, посмотри, как их измотали подъемы.

— Это оттого, что они летают через день. Втроем будет легче!

В этом была своя логика, но я все же не хотел дать согласия и наоборот отказал Нате.

С этого дня мне не стало житья. Девушка оказалась настойчивой и продолжала атаковать меня просьбами. Наконец от слов перешла к делу и однажды выложила передо мной заявление и заключение летной медицинской комиссии, гласящее, что ознобленная Наталья Прибыткова, восемнадцати лет, по состоянию здоровья годна к летной работе и подъемам на большие высоты.

Пришлось уступить, и Ната стала учиться самолетному зондированию. Через три месяца, когда учеба закончилась, из управления гидрометслужбы пришел приказ: бортаэролога Прибыткову, после сдачи зачетных полетов, откомандировать в Уфу, где открывался новый пункт самолетного зондирования.

Ната уехала веселая и счастливая. Теперь-то она сможет хоть чуточку быть ближе к звездам. Глядя на нее, радовались и мы и не подозревали, что видим ее в последний раз. Через полтора месяца, возвращаясь из полета, самолет-зондировщик, на котором летела Ната, попал в туман. При полном отсутствии видимости пилот безрассудно пошел на посадку. В молочной мгле, затянувшей аэродром, самолет ударился о растяжку радиомачты и разбился. Вместе с пилотом погибла и Ната...

А вскоре беда подстерегла и Щелканова. Седьмого ноября 1945 года он сел в кабину самолета. По привычке проверил ремни па-

рашюта, хотел пристегнуться, но, не найдя пряжки, махнул рукой, давая сигнал пилоту на взлет.

Короткий разбег — и самолет стал набирать высоту. Прорит и остался внизу первый облачный слой, затем второй. На стойках и фюзеляже появилась тонкая корочка льда. Альтметр показывал 4 900 м, когда самолет вырвался из облачного плена. Над головой синее небо, а внизу — белая пелена, по которой, как по морю, блуждали белоснежные волны, то плавно поднимаясь вверх, то опадая. В такие минуты невольно охватывает чувство одиночества. Кажется, что ты один во всем этом голубом просторе и скрытая облаками земля уже никогда больше не покажется.

Полет длился более часа, когда в ровном рокоте мотора появились перебои. В зеркале, укрепленном над кабиной пилота, Щелканов увидел встревоженное лицо Миши Сафонова. В следующую секунду из мотора вырвался вихрь огня и дыма. Самолет вздрогнул, качнулся и, словно раненная птица, почти вертикально ринулся вниз. Силой инерции Николая выкинуло из кабины и протащило по фюзеляжу. Стремительно падая, он шарил рукой по груди, отыскивая вытяжное кольцо парашюта, а опередившая его машина, охваченная огнем, мчалась к земле, и черный дым, словно шлейф, тянулся за ней.

Наконец кольцо было выдернуто, и над головой раскрылось полотно парашюта. Падение резко замедлилось и, спускаясь, Щелканов заметил недалеко парашют пилота Сафонова.

В воздухе было удивительно тихо, и взрыв врезающегося в землю самолета, казалось, донесся до самого неба.

Через два дня Щелканов вновь полетел на зондирование. Самолет был новый, пилот — другой. Миша Сафонов получил сильные ожоги лица и на полгода вышел из строя.

Интересно сложилась судьба нашего первого бортаэролога Л. К. Диковского. В 1937 году он, служивший до этого метеорологом на Арамильском аэродроме, перешел к нам, когда у нас началось самолетное зондирование атмосферы.

Высокий, подтянутый, в полувоенной форме, он напоминал нам гвардейского офицера царской армии. Пенсне, которое он носил, еще больше усиливало это впечатление. Был он человеком большой культуры, очень внимательным и общительным. К своим обязанностям относился серьезно, хотя была у него в то время неизвестная нам увлеченность театром и редкий талант общения с детьми. Все свое свободное время он посвящал им, руководя драматическим кружком во Дворце пионеров. И в непосредственную свою работу вкладывал душу и темперамент. Очень возмущался, что зондирование приходилось производить на самолете ПО-2, потолок которого не превышал трех тысяч метров. Такая высота мало давала нам информации, и он настойчиво добивался предо-

ставления самолета ПО-5. На этой почве у него произошла весьма резкая стычка с представителем Главного управления гидрометслужбы, в результате которой он вынужден был уволиться.

Расставшись с авиаметстанцией, он целиком отдался занятиям во Дворце пионеров, став кумиром детворы, которая приходила на его репетиции и спектакли как на праздник. Позднее работал в Свердловском радиокомитете режиссером детских радио и телевизионных передач.

О его незаурядном педагогическом таланте говорит уже то, что из его драмкружка вышли такие известные артисты, как Демьяненко, Южаков и много других.

Леонид Константинович трагически погиб в результате несчастного случая в 1976 году.

Годы в человеческой жизни, как верстовые столбы. Иной раз промелькнет их целый десяток, и ты не заметишь, а в другой раз — устанешь от одного к другому. И тем не менее каждый оставляет какую-либо отметку.

Труд метеоролога, особенно синоптика, нелегкий. Как-то я подсчитал, сколько ночных смен выпало на мою долю. Получилась огромная цифра: три с половиной тысячи бессонных ночей. Если учесть, что каждая из них не была похожа на предыдущую, несла свои тревоги и волнения, что, борясь со сном, ведешь непрерывные расчеты, обрабатываешь и анализируешь все время поступающую информацию, будет понятна истинная цена этих дежурств.

Все было. Были радости и огорчения, интересные случаи и встречи. Весной 1940 года я с несколькими отличниками Уктусского аэропорта был направлен на совещание в Москву. Там вручали грамоты, подписанные начальником Аэрофлота, героем челюскинской эпопеи Молоковым. Как-то получилось, что к этому торжественному акту я опоздал, и грамоту мне вручила в своем кабинете Герой Советского Союза В. Гризодубова.

Признаться, я был страшно удивлен, когда вошел в ее кабинет. До этого, встречая в коридорах Аэрофлота Водолянова и Громова, я почему-то ожидал, что встречу такого же богатырского вида героиню знаменитого перелета на самолете «Родина», а из-за стола поднялась и шагнула мне навстречу невысокая, чуть расплывшая женщина с густыми черными бровями, уж очень какая-то по-домашнему простая. Я растерялся настолько, что мои косноязычные ответы на ее вопросы вызвали у нее веселый смех. Вручив грамоту и пожав на прощание руку, пожелала: «Держите высоко уральскую марку!».

Вторая запомнившаяся на всю жизнь встреча состоялась через год. Только что закончились курсы повышения квалификации при Московском гидрометеорологическом институте, и в ожидании выпускных экзаменов, разбившись на группы, мы проверяли свои

знания самой трудной для нас дисциплины: термодинамики атмосферы. Головоломные формулы со множеством интегралов и прочей премудрости высшей математики бросали нас в дрожь и вызывали душевный трепет.

На курсы съехались люди с разных концов страны. У многих уже были дипломы высших и средних учебных заведений, но имелись и бездипломные практики, вроде меня. С одним из них, метеорологом с полярной станции Бухта Тикси Николаем Корпием я подружился. Сидели за одним столом, обменивались записями лекций, мучились над выводом сложных формул.

В ожидании экзамена, присев на диванчик в углу, мы еще раз решили проверить себя, задавая друг другу вопросы коварные. Неожиданно Корпий толкнул меня локтем и шепнул:

— Ушаков идет!

По коридору, заложив руки за спину, медленно шел высокий, плотный мужчина, судя по всему очень сильный физически. Голый череп, смуглое лицо придавали его фигуре что-то необычное, экзотическое.

— Здравствуйте, Георгий Алексеевич! — произнес, вставая, мой товарищ, когда Ушаков поравнялся с нами.

Тот остановился, внимательно пригляделся и, видимо, вспомнив, улыбнулся.

— Товарищ Корпий? Не ошибся? Я вас помню по Маточкиному Шару.

Пожав нам руки, он присел рядом. Пока они разговаривали, я не отрывал глаз от Ушакова. Так вот какой он, легендарный полярник! Человек, который с двумя товарищами обследовал и нанес на карту таинственную в то время Северную Землю. А потом обживал необитаемый остров Врангеля, построив там первый поселок. И хотя на земном шаре еще имеются кое-где «белые пятна», он по праву может считаться «последним из могикан» в исследовании суровой Арктики. Немало сил вложил он в развитие гидрометслужбы, возглавляя ее в течение четырех лет. В день нашей встречи он уже сдал свои полномочия папанинцу Е. Федорову и перешел на исследовательскую работу в Академию наук.

— Трудно пришлось? — поинтересовался он нашей учебой.

— Еще как, — в голос ответили мы, — от одной высшей математики поседеть можно!

— То-то, молодые люди. Раньше надо было этим заняться. Хотя учиться никогда не поздно, у вас все еще впереди!

Сказал он это так, словно был все испытавшим старцем, а мы — несмышлеными малолетками. На самом деле ему не было еще и сорока, он был старше нас всего лет на десять-двенадцать, но перед его огромными заслугами и жизненным опытом мы действительно чувствовали себя щенятами. Ведь в наши годы он уже

обследовал скованную вечными льдами Северную Землю, каждую минуту подвергаясь смертельной опасности.

Есть у Арктики какая-то притягательная сила. Всю свою жизнь Ушаков посвятил ее исследованию. И даже умирая, в 1963 году, не захотел с ней расстаться. По его желанию он был похоронен вблизи Северной Земли, на острове Домашнем, том самом, на который в годы войны плыл на ледоколе «Сибиряков» Анатолий Шершавин.

После войны, когда началось восстановление народного хозяйства, развернулись огромные стройки, изыскательские работы — резко возросли требования к гидрометслужбе. Любое проектирование нуждалось в климатологических и гидрологических данных. Возросла нужда в повседневной метеорологической информации.

Росли требования, возрастала оснащенность службы погоды. Резко улучшились средства связи. На вооружение поступили новейшая радиоаппаратура, фототелетайпы, ЭВМ, а в семидесятых годах — спутниковая информация. Появились вычислительные методы прогноза погоды, позволившие определять количественное значение некоторых элементов, в частности, осадков.

Но как это ни парадоксально, в целом оправдываемость прогнозов погоды возросла ненамного. Процессы, связанные с взаимодействием атмосферы с поверхностью суши и моря в сочетании с активностью солнца, все еще не могут уложиться даже в самые сложные формулы.

И если для прогноза погоды на сутки вся имеющаяся техника в состоянии обеспечить более или менее хорошую оправдываемость, то с долгосрочными прогнозами дело обстоит гораздо сложнее. Дать количественные значения метеорологических элементов на месяц практически невозможно.

Когда-то Центральный институт прогнозов, именуемый ныне Гидрометцентром СССР, при составлении таких прогнозов пользовался методом профессора Мультиановского. Суть этого метода состояла в определении естественно-синоптического периода, характерного расположением циклонов и антициклонов в различных точках земного шара. Для этого была составлена специальная картотека, используя которую, синоптик имел возможность предсказывать ход атмосферных процессов и сделать соответствующий вывод о предстоящей погоде на довольно значительный срок. И хотя сам метод не давал количественного значения метеорологических элементов, с качественной стороны он был хорошим.

Но, как часто случается в науке, метод Мультиановского, использовавшийся в течение долгих лет, был отвергнут по той простой причине, что, являясь в своей основе статистическим, не имел достаточного физического обоснования. Попытки же заменить его более совершенными методами с привлечением новейших исследова-

лований и ЭВМ пока не дают удовлетворительных результатов.

В общем, госпожа погода ставит перед человеком еще много трудноразрешимых задач.

Одновременно с восстановлением народного хозяйства страна приступила к преобразованию природы. На полях закладывались лесозащитные полосы, создавались водохранилища, занялись орошением и мелиорацией заболоченных земель. Расширилась сеть заповедников. Все леса горного Урала были объявлены водохранилищами и почвозащитными, в которых допускались только рубки ухода.

К сожалению, это мудрое решение просуществовало недолго. Через пять лет в горных уральских лесах загулял топор, загремели трелевочные трактора, завибрили бензопилы, и один за другим стали обнажаться склоны. В результате снизилась водоносность рек, а все живое в них добило молевой сплав и сброс неочищенных промышленных стоков.

Над уральским лесом всегда висел дамоклов меч — пожары. Лесозаготовки, подсочка, охота и различные лесные промыслы создавали и до сих пор создают реальную угрозу пожаров. Борьба с огнем приобрела значение государственной важности. К этой борьбе была привлечена и гидрометслужба.

Еще в 1929 году директор Свердловской геофизической обсерватории М. В. Ситнов провел исследование и нашел связь возникновения пожаров с дефицитом влажности воздуха. Он доказал, что метеорологи имеют возможность составлять прогноз пожарной опасности и тем самым помочь лесной охране в борьбе с «красным петухом» — огнем, давая возможность своевременно подготовиться к этой борьбе.

Исследования Ситнова в свое время не получили поддержки и были незаслуженно забыты. Только в 1948 году Центральный институт прогнозов разработал метод предсказания условий горимости леса, в основу которого было положено, как и у Ситнова, сочетание температуры воздуха и дефицита влажности.

В Бюро погоды составление таких прогнозов было поручено мне. Работа меня увлекла. Лес я знал, и любовь к нему у меня никогда не остывала. Занявшись новым делом, я сумел уточнить метод для Урала и сделал ряд практических выводов, которыми поделился на страницах журнала «Лесное хозяйство».

Начальник охраны леса областного управления лесного хозяйства Николай Васильевич Алфимов вначале к этим прогнозам отнесся скептически: «Пожар бумажкой не потушишь!». Но после того как полеты патрульной авиации стали проводиться в соответствии с ожидаемым классом, горимости и загорания обнаружались в самом начале, что значительно облегчило борьбу с огнем и привело к резкому уменьшению площади пожарища, отношение

ств изменилось, и он стал горячим пропагандистом гидрометслужбы.

Много радости принесла мне лесная метеорология, которой я занимался почти десять лет. Каждый раз, как я беру в руки латунную эмблему с дубовыми веточками, на память приходит «Операция совка», как в шутку, отдавая дань детективу, назвал Алфимов подготовку к борьбе с лесным вредителем.

А началось все с того, что однажды Николаи Васильевич вытряхнул из спичечного коробка бабочку. Была она средних размеров, серая с темными полосками на крыльях.

— Сосновая совка! — сразу определил я.

— Правильно! — одобрительно отозвался Алфимов. — После огня это наш враг номер один. В Пышминских борах появилась. Весной будем травить химикатами.

Опыливание ядохимикатами — крайняя мера. К ней прибегают только тогда, когда от нашествия насекомых могут серьезно пострадать леса. Но это палка о двух концах. Спасаем древесину, стоимость которой можно выразить в рублях, а в лесу гибнет все живое: звери, птицы, насекомые, как вредные, так и полезные. Этот ущерб, наносимый природе, не говоря о моральной стороне, никакой валютой не измеришь.

— Ну, проведем мы опыливание, а что толку? — сердито басил Алфимов. Часть совки всё равно сохранится и, не имея естественных врагов, на следующий год размножится еще больше. Волей-неволей будем травить ее снова и окончательно добьем все живое. А потом на ослабленном лес нападут короседы, борьба же с ними одна — топор.

Да, было о чем задуматься старому лесоводу. Все, о чем говорил, можно было избежать, если вести лесное хозяйство правильно, создавать условия для гнездования птиц, охранять муравейники. В природе все связано и находится в равновесии.

— В Пышминских борах это равновесие нарушено бессистемными рубками, — продолжал он, — для совки создались тепличные условия, исчезают ее исконные враги... Будь моя воля, на веки вечные сделал бы эти боры заповедными. Они же не только охраняют воду и почву, но и служат щитом на пути суховеев с Казахстанских степей. Э, да что говорить, — с досадой махнул он рукой. — мы стали смотреть на лес, как на мешок с деньгами, а не как на источник благополучия земли.

Этот разговор запал мне в голову. Я крепко задумался. Известно, что жизнь насекомых зависит от условий внешней среды, погоды и наличия пищи. Пищи же — хвои и листвы — в лесах изобилие. Это постоянно действующий фактор. Переменным же фактором является погода. Зная, какой она будет, можно заранее судить об условиях жизни насекомых. Но для этого необходимо

знать время наступления фаз их развития. Бабочки совки сами по себе безобидны, но когда они находятся в стадии гусеницы, вред от них неисчислимы.

На помощь пришло мое увлечение фенологией. Всю зиму я обрабатывал свои наблюдения, прочел гору специальной литературы, советовался с биологами университета и, наконец, составил энтомологический календарь лесных вредителей Урала.

В апреле 1950 года я составил первый прогноз появления опасных лесных насекомых. Из него следовало, что из-за ожидаемого похолодания гусеницы совки в Пышминских борах должны погибнуть. В Башкирии же создаются самые благоприятные условия для деятельности гусениц шелкопряда.

Уговаривать Николая Васильевича повременить неделю с опыливанием долго не пришлось. Он решил рискнуть, уж коль поверил в метеорологию. Только пробросил грозно:

— Ладно! Послушаю тебя. Но имей в виду: коли соврешь, не только меня под выговор подставишь, но и всю гидрометслужбу опозоришь!

Стоит ли говорить, как я волновался, ожидая похолодания. Ведь в случае ошибки все мои труды пойдут прахом! Шли дни. По-весеннему пригревало солнце, мягкой муравой покрылась земля. Я не находил себе места. Но вот в конце первой декады мая выпал обильный снег и ударили крепкие морозы. В лесах поверхность снега была покрыта толстым слоем погибших гусениц. Гибель совки была полной, проводить опасное опыливание не потребовалось.

Кажется, никогда я не был так счастлив, как в этот момент. Довольный Николай Васильевич крепко пожал мне руку и, отцепив от форменного кителя латунную эмблему — две перекрещенные дубовые веточки, подарил мне на память.

К сожалению, башкирские лесоводы не поверили прогнозу, не предприняли никаких мер, и гусеницы шелкопряда начисто объели листву у березы и дуба на площади более трехсот тысяч гектаров.

Когда долго имеешь дело с погодой, как-то сама собой вырабатывается наблюдательность, помогающая подмечать самые неожиданные ее проявления. Гало и ложные солнца в сильные морозы становятся не в диковинку, но когда на небосводе появляются четыре, шесть, а то и восемь ложных солнц, поневоле замираешь от удивления.

Всего лишь дважды мне посчастливилось увидеть редчайший, изумительный по красоте зеленый луч, посланный солнцем, скатившимся за горизонт.

Никого не удивят красные и багровые зори, но вот однажды в марте, перед восходом солнца, небо окрасилось в нежный фио-

летний цвет. Все окружающее: снег, лица людей и строения — приобрели необычную для земли окраску.

А сколько грозных явлений проходит перед нашими глазами! В середине тридцатых годов я был свидетелем, как на Янаульском аэродроме налетевший очень узкий смерч поднял в воздух корову, протащил ее метров пятьдесят и бросил на взлетную полосу.

Люди старшего поколения помнят, как 14 июля 1950 года над Свердловском промчалась гроза с настоящим тропическим ливнем. За сорок минут выпало девятьюсто четыре миллиметра осадков, что составляет девять тысяч четыреста тонн воды на гектар. На улицах города бушевали мутные потоки, в которых глохли моторы автомашин.

Природа богата на выдумки, но то, что я увидел утром 15 марта 1939 года, необычайно меня поразило. Выпавший ночью снег был... розовым! Кажется, попал на другую планету, лишённую привычных для земли красок. Собрав с наблюдателем снег и растопив его, мы получили розовый осадок. По всему было видно, что это пыль, но откуда принес ее ветер на Урал? По картам погоды того времени ответить на этот вопрос мы не могли.

Прошло десять лет, и вот 7 февраля 1949 года снова выпал окрашенный снег, на этот раз коричневый.

Теперь в нашем распоряжении, помимо обычных синоптических карт, имеются карты, дающие представления о воздушных потоках на очень больших высотах. По ним мы определили, откуда циклон принес воздушные массы. Зародившись в Иране, он доманой линией пересек Среднюю Азию и промчался на север, проделав путь более двух тысяч километров. Его прохождение сопровождалось очень сильными ветрами.

Микроскопический анализ осадка показал, что, помимо частиц почвы, характерных для среднеазиатских пустынь, он состоит из пыльцы растений, растущих на южных склонах Тянь-Шаня.

Такие случаи на Урале нередки. Из разных уголков земли приносят ветры тучи пылилы и частички почвы. 14 мая 1962 года в Свердловской области выпал желтый снег с зеленоватым оттенком. Оказалось, что его окрасила сосновая пыльца, принесенная ветром из Курганской области.

В моем дневнике отмечено двенадцать случаев выпадения на Урале цветных осадков. В основном это происходит в конце зимы: на юге нашей страны земля освобождается от снега, и в результате сильных ветров происходит эрозия почвы. Были случаи выпадения желтого и черного дождей, окрашенных частицами глины и чернозема.

Мне хочется рассказать еще об одном, чрезвычайно редком для Урала явлении, — мираже. Многие отнесутся недоверчиво к

этому, ведь, по установившемуся мнению, мираж присущ жарким пустыням и океанским просторам в результате рефракции (преломления) световых лучей.

В начале июня 1965 года над Средней Азией стояла сухая погода. Жаркое дыхание пустыни донеслось и до нашего края. В зауральских степях температура воздуха была выше тридцати градусов. И вот в районе села Звериноголовского (Курганская обл.) над полями, где шли в рост озимые хлеба, появилась полоса затуманенного воздуха, а на ее верхней границе люди увидели зеленую березовую рощу. Здесь за счет очень сильного прогрева приземного слоя воздуха плотность его по вертикали быстро возрастала. Создались условия для рефракции, благодаря чему стали видны березы, растущие в пойме реки Убаган.

А через полгода, но уже зимой, 9 января 1966 года, мираж наблюдался в поселке Сибай (БАССР). В тот день над Южным Уралом находилась мощная область высокого давления. Отсутствие облаков и большая прозрачность атмосферы привели к очень сильному выхолаживанию приземного слоя воздуха, плотность которого здесь с высотой не возрастала, как это было в Звериноголовском, а, наоборот, быстро уменьшилась, создавая идеальные условия для рефракции. В результате ее на северо-востоке от метеорологической площадки наблюдатель увидел второй поселок, в точности повторяющий силуэты зданий и побелевшие от инея тополя.

Предвидеть такие явления, как миражи и цветные осадки, синоптик пока не в состоянии, но дать им объяснение в его силах.

В 1979 году произошла реорганизация гидрометслужбы. Теперь это Государственный комитет по гидрометеорологии и контролю природной среды. К его основным функциям добавилось определение загрязненности воды, суши и воздуха. Наряду с физикой и математикой на вооружение взята химия. Стационарные и передвижные лаборатории следят за чистотой окружающей среды, внося огромный вклад в борьбу за здоровье человека и охрану природы. В эту борьбу включились и синоптики, определяя связи погоды с чистотой атмосферы и земли.

Жизнь ставит перед человеком все новые и новые задачи. И все, что так или иначе связано с изменениями погоды, будет решать синоптическая метеорология.

Прошли годы, незаметно подкралась старость. Многие из тех, с кем я начинал свою работу в Бюро погоды, ушли из жизни. На моих глазах выросло третье поколение синоптиков, но дух творчества, коллективизма и товарищества остались все те же. Эстафета беззаветного служения любимому делу передается из рук в руки.

Я часто навещаю своих друзей и, вспоминая свою молодость, вижу, как далеко шагнула вперед наука о погоде.

ЧЕПЕЛЬ
Мария Дмитриевна —
ветеран труда

Родилась я 12 ноября 1930 г. После окончания Московского полиграфического института была направлена на работу в Свердловск.

В гидрометслужбе работала с августа 1960 г. в должности начальника фотоофсетной лаборатории. Лаборатория в те годы находилась в здании организации. Размещалась она в деревянной одноэтажной избе, состоящей из 2 комнат. В одной комнате находилось машбюро лаборатории, в другой — печатная машина «Роталпринт», а также «Ротатор», «Стеклограф» и бумагорезательная машина «МПР». На лабораторию была возложена задача по размножению оперативной документации, синоптического и гидрологического бюллетеней погоды. Трудностей было много: не было нужного оборудования, материалов, многие процессы выполнялись вручную. Так, печатная форма для синоптического и гидрологического бюллетеней печаталась сначала на пишущей машинке прямо на алюминиевую фольгу, а затем, после соответствующей обработки химикатами, поступала на размножение в печатную машину. Приказы, методические письма, распоряжения печатались сначала на восковку, а затем размножались на ручном «Ротаторе». Производительность лаборатории была 500 листов в смену. Из-за отсутствия вентиляции, малой производственной площади коллективу приходилось работать в трудных условиях. Не было воды, за водой ходили на колонку с ведрами, не было отопления. В избе была печь, которую топили сами сотрудники. В 1962 году из-за скопления паров бензина в лаборатории вспыхнул пожар, который был потушен работниками управления. Несмотря на трудности, коллектив лаборатории был работоспособный, грамотный и дружный. Хочется отметить Бойченко Светлану Николаевну, которая очень квалифицированно передавала свой опыт работы всем товарищам, работающим на пишущих машинках. Демидовский Валентин Сергеевич — первопечатник лаборатории, он не только обеспечивал все печатные работы, но и был главным снабженцем лаборатории всеми необходимыми материалами, был и столеником лаборатории.

В 1963 году лаборатория переехала в новое здание гидромет-

фонда по улице Бажова, 195а, и разместилась в двух комнатах.

В 1963 году лаборатория получила фоторепродукционный аппарат «РУА-1», малую копировальную раму и центрифугу для нанесения светочувствительного слоя на алюминиевую фольгу. Начался процесс освоения изготовления печатных форм фотокопировальным способом.

В 1963 году был издан первый номер Метеорологического ежемесячника, в 1965 году мы издали первый номер Гидрологического ежегодника за 1963 год и Сборник трудов Свердловской ГМО, Агроклиматический справочник.

С 1965 года в лаборатории начал издаваться Агрометеорологический ежегодник по четырем областям и Башкирской АССР:

В 1972 году был издан «Справочник агрогидрологических свойств почв Урала» и «Материалы по запасам продуктивной влаги под основными сельскохозяйственными культурами на Среднем и Южном Урале».

Издание каждой новой работы было большим событием в жизни коллектива, так как каждая работа имела сложные макеты, по которым сначала на пишущих машинках печатались головки (шапки), которые размножались, и только потом в них впечатывался цифровой материал.

В настоящее время лаборатория оснащена современным оборудованием, имеет две электронные машины: электрографический аппарат «ЭР-420Р» и электрографическую установку «ЭРА-М». Штат лаборатории 7 человек — это высококвалифицированные специалисты, знающие свое дело и помогающие по работе друг другу.

В настоящее время лаборатория — производственно-техническое подразделение управления, является важным связующим звеном, способствующим лучшему взаимодействию всех отделов управления с ведомственной сетью. Все размножаемые в лаборатории материалы имеют предельно сжатые сроки издания. Для обеспечения оперативности коллективу приходится постоянно перестраивать не только машины, но и весь свой рабочий день, а это непросто. На помощь приходят опытные старшие товарищи, проработавшие в лаборатории более 18 лет — это Гагарина Н. А., Котлярова О. И., Миняева И. Н. Все они наставники молодежи, помогают осваивать смежные профессии, обеспечивая тем самым полную взаимозаменяемость.

В 1982 году лаборатория была переведена в рабочую категорию с повременной оплатой труда по тарифным часовым ставкам. Несколько улучшилась материальная сторона, так как рабочие управления регулярно, каждый месяц, получают премию за выполнение плановых работ.

С 1982 года должность начальника ФОЛ была сокращена

введена должность бригадира лаборатории оперативной печати.

Бригадиром лаборатории я работала до июля 1988 года, затем ушла на заслуженный отдых.

За 25 лет работы в управлении я неоднократно награждалась Почетными грамотами, денежными премиями. В 1985 году за долголетний труд в управлении и активную общественную работу была награждена медалью «Ветеран труда», в 1986 году за высокие показатели в работе — медалью «За трудовое отличие».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Раздел I. Воспоминания участников Великой Отечественной войны	3
Васильева Варвара Владимировна	3
Долганов Григорий Леонтьевич	5
Зылев Юрий Петрович	22
Захар-Невская Галина Филипповна	23
Майзенберг Арон Яковлевич	24
Морозов Павел Евдокимович	27
Матвеев Вадим Михайлович	28
Перегерин Николай Фомич	46
Степанов Николай Дмитриевич	47
Сяляева Саяра Хисматуловна	49
Топоров Василий Васильевич	51
Ульчугачев Сергей Никитович	51
Халевицкий Зиновий Захарович	53
Раздел II. Воспоминания ветеранов труда	67
Борисова Наталия Ивановна	67
Жукова (Устинова) Мелания Дмитриевна	69
Зыкова Валентина Александровна	70
Зайцева Павлина Петровна	72
Крымов Константин Николаевич	74
Летина Мария Григорьевна	88
Лыжина Тамара Васильевна	89
Милославская Елизавета Павловна	91
Меньшикова Нина Ефимовна	92
Осляков Ипполит Александрович	95
Покровская Наталия Ивановна	96
Павлов Семен Павлович	97
Плотникова Анастасия Алексеевна	98
Серебрякова Римма Николаевна	100
Тарамженин Петр Кронидович	102
Тупоногова Вера Ивановна	117
Трифоновна Ольга Александровна	117
Федоров Леонид Александрович	118
Чеспель Мария Дмитриевна	147

Редактор В. П. Кирьянина.
Технический редактор Н. В. Турышева.
Корректоры Т. П. Швацкая, В. И. Шнайдер.

Подписано в печать 3.07.89. НС 15157.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская.
Литературная гарнитура. Печать высокая.
Усл. печ. л. 8,83. Уч.-изд. л. 9,95. Изд. тид. 333.
Тираж 500. Заказ 3144.

РИО Упрполиграфиздата.
Свердловск, Тургенева, 186.

Нижнетагильская городская типография
Управления издательства, полиграфии и книжной
торговли Свердловского облисполкома.
Н. Тагил, Газетная, 81.